

М. Семевский. ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

ОЧЕРКИ

ПОВЕСТИ

РОМАНЫ

ДНЕВНИКИ

ВОСПОМИНАНИЯ

ПИСЬМА

ИССЛЕДОВАНИЯ

ДОКУМЕНТЫ

ЭТЮДЫ

ХАРАКТЕРИСТИКИ

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

ЖИТИЯ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

АРХИВ

М. Семевский
ЦАРИЦА
ПРАСКОВЬЯ

М. Семевский

ЦАРИЦА
ПРАСКОВЬЯ

1664-1723

Очерк
из русской истории
XVIII века

ББК 63.3 (2) 46

С 30

Послесловие
А.Н.Казакевича
Оформление серии
художника А.Л.Бренера

С 0503020200-027
002 (01) -89

Без объявл.

© Послесловие, оформление
Издательство "Книга", 1989

ISBN 5-212-00204-4

Предисловие

Переходная эпоха, пережитая Россией накануне реформ Петра I и в его царствование, в высшей степени любопытна для нас в смысле уяснения как предыдущего, так и последующего периодов русской истории. Московский период, длившийся целые века, выработал своеобразные, строго определенные формы общественной жизни, настолько определенные, что они не раз давали повод к толкам, как со стороны иностранцев, так и наших историков, о неподвижности и застое в тогдашнем русском обществе. Между тем такого застоя не было и быть не могло; но то, что создалось веками, при естественном ходе событий, могло пересоздаться только веками. Строго определенные формы общежития, в связи с самовластием правления в допетровской России, преобладанием обрядности в религии и народном быте, при отсутствии образованности, заковали русскую жизнь тяжелыми путами, не давали никакого простора личности — и личностей мы почти не видим в русском обществе до Петра I; они появляются почти только из среды духовенства как самого образованного и нравственно наименее подавленного класса. Гнет правительственный и общественный не мог благотворно отразиться на народной нравственности, и тем более на русской женщине, заключенной в тереме, бездеятельной и рабски подчиненной с детства до могилы. Отсутствие честности, лень, грубость, откровенное проявление всякого рода пороков поражали иностранцев, посещавших в то время Россию, побуждали их клеймить своими беспощадными приговорами все русское общество, клеймить огулом, так как личность и в этом случае мало или вовсе не выделялась из массы.

Брожение началось в период детства Петра; слабость правительства открыла простор личности: на сцену выступают

вожаки стрелецкого и раскольниковского движения, выступает царица Софья. С воцарением Петра опять усиливается самовластие правительства, и даже более прежнего. Но Петр рядом с этим уничтожает другой гнет, связывавший русское общество, — гнет старинного склада московской жизни. Прекращается замкнутость семьи: Петр заставляет бояр выступить из своих дворов, обнесенных заборами, где они жили полновластными господами над семьей и многочисленной челядью; Петр выводит из терема жен и дочерей боярских, побуждает их принять деятельное участие в общественной жизни. Беспощадно преследует царь ханжество, внешнее соблюдение бесчисленных обрядов религиозных и домашних, преследует старую русскую одежду, бороды... Русскому человеку волею-неволею пришлось выйти поодиночке, проявить себя в том или другом отношении, — и перед нами открывается неожиданно, как бы чудом, целый ряд личностей, людей с определенными характерами и стремлениями. Одни, более решительные, не задумываясь, пошли за Преобразователем на пути нововведений, быстро усвоили приемы европейской жизни и, сознавая пользу образования, учились сами и учили своих детей. Другие упорно держались старины, отстаивали ее всеми способами, не шли ни на какие уступки, ненавидели Петра и его преобразования, считая их греховными, готовы были пострадать из-за дорогой старины, пожертвовать из-за нее имуществом, жизнью. Резко обозначились оба направления; сам Петр, при его решительном характере, не знал полумер, ни перед чем не останавливался, когда преследовал свои цели, жестоко и самовластно расправлялся с ослушниками. Однако не у всех хватало силы воли разорвать с прошлым или смело отстаивать старое. Был еще разряд людей, — и таких оказалось большинство, — которые не склонялись явно ни на ту, ни на другую сторону и старались угодить обеим. Этот способ действий, по-видимому самый легкий, представлял не мало трудностей в эпоху преобразований, эпоху ломки всякого рода в государственной и общественной жизни. Надо было иметь много ума и изворотливости, понимания людей и обстоятельств, чтобы не сделать или не сказать чего-либо неуместного, не изменить себе, чтобы до конца сохранить свое достоинство и положение. Все эти трудности особенно были сильны для людей, близких к Петру и каждый шаг которых был, так сказать, на виду. Но и возле Петра были подобные люди, и между ними особенно выдается личность царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Ивана Алексеевича, брата Петра Алексеевича, и матери будущей императрицы Анны Ивановны.

Прасковья Федоровна, вступив в царскую семью, сразу подчинилась всем требованиям нового положения; зоркий глаз народа, следивший за каждым шагом царской семьи, не подметил за новой царицей ни малейшего отступления от принятых обычаев, что не раз случалось с Натальей Кирилловной, матерью Петра, и с царевной Софьей. Весьма ловко держала себя Прасковья Федоровна среди дворцовых интриг, разыгравшихся страстей, ничем не раздражала сестер и теток своего супруга, умела неизменно ладить с ними. Но переменялись обстоятельства; перевес оказался на стороне Петра — и царица перешла на его сторону, прервала всякие сношения с заключенными им его сестрами, не входила ни в какие козни. Будучи женщиной старых понятий, старого образа жизни, привычек, религиозная по-старинному, она постоянно умудрялась угождать Петру путем целого ряда уступок, быстрым исполнением его воли, заискиванием у людей, пользующихся его расположением. Петр любил и уважал невестку, по-своему заботился о ней и ее дочерях. Однако хорошие отношения к Петру и Екатерине не мешали Прасковье Федоровне искать дружбы и в другом лагере: она на всякий случай обходилась ласково с загнанным царевичем Алексеем, так что тот считал ее в числе своих сторонников. Прасковья Федоровна не думала, однако, переходить на его сторону, потому что, в смысле убеждений, для нее была безразлична та или другая сторона, лишь бы ей хорошо жилось, была бы польза ей или для ее дочерей.

Само собою разумеется, что для характеристик и биографий всего любопытнее яркие, резко очерченные личности, и они всего чаще избираются историками; но рядом с этим нельзя упускать из виду и типы более обыденных людей вроде царицы Прасковьи Федоровны. Их жизнь как представителей наибольшей массы общества имеет несомненный интерес и значение и, конечно, лучше всего может служить для наглядного изображения общественной жизни в известный пережитый обществом момент.

Очерк жизни царицы Прасковьи был написан нами в 1861 г., преимущественно на основании мало или вовсе не известных тогда источников, и тогда же вышел в двух изданиях: в журнале М.М. и Ф.М. Достоевских "Время" 1861 г. кн. 2, 3, 4 и 5 и в отдельных оттисках.

С 1861 г., как известно, изучение русской истории, и преимущественно новой, сделало значительные успехи. Исторические повременные издания, как "Русская Старина" и другие, представили на своих страницах множество данных по отношению к отечественной истории двух последних веков.

По отношению, однако, к предмету нашего труда — новые материалы представили совершенно отрывочные подробности, не столько касающиеся отдельных фактов и личности самой царицы Прасковьи, сколько бытовой и нравоописательной стороны Петровской эпохи; тем не менее, благодаря этим данным, получилась возможность восполнить наш очерк, двадцать два года тому назад составленный, несколькими новыми подробностями, освещающими ту среду, в которой прожила столь типическая представительница русской женщины конца XVII и первой четверти XVIII века, каковою вполне является царица Прасковья Федоровна.

30 марта 1883 г.

Мих. Семевский

I Брак

По мере того, как рос и мужал царь Петр, правительница царевна Софья Алексеевна яснее и яснее видела непрочность своего положения; в тайных советах с князем Василием Голицыным она тщательно обдумывала план удержания за собой господства над братьями и власти над Россией.

Мысль об удалении Петра от престола, даже об убиении царственного юноши, рано стала туманить голову сестры; не раз сообщала она об этом своему фавориту, но князь Василий Васильевич благоразумно удерживал ее от преступления, а для упрочения на ее главе короны предложил женить Ивана Алексеевича. Царь Иван был от природы скорбен главою (т.е. слабоумен), косноязычен, страдал цингой; полуслепой, с трудом подымал свои длинные веки, и на восемнадцатом году от рождения, расслабленный, обремененный немощью духа и тела, служил предметом сожаления и даже насмешек бояр, его окружавших. Жених он был плохой, но, весь во власти царевны Софьи, он не противился ее желанию.

Греческий историк Феодози говорит, что брак Ивана был задуман князем Голицыным, который, считая насильственные меры против Петра крайне опасными, советовал Софье: "Царя Иоанна женить, и когда он сына получит, кой натурально имеет быть наследником отца своего, то не трудно сделаться может, что Петр принужден будет принять чин монашеский, а она, Софья, опять за малолетством сына Иоаннова, пребудет в том-же достоинстве, которое она желает..." Затем Феодози добавляет, что "хотя Царь Иоанн сперва к тому (браку) никакой склонности не оказывал, однако не был он в состоянии противиться хотению сестры своей"¹.

---

¹ "Житие и славные дела Петра Великого" Соч. Феодози, в русском с греческого переводе. Спб., 1774 г., с. 153-154.

Жених был готов, дело было за невестой. По обычаю священной старины, в царские терема свезли дочерей высшей московской аристократии. Засуетились их родители, закипели страсти придворных честолюбцев, немощи и скорбь главы Ивана были забыты; все ждали его выбора. Был ли он заранее решен Софьей или представлялся на произвол жениха — неизвестно; как бы то ни было, но в толпе юных боярышень подслеповатые очи Ивана остановились на круглолицой, полной Прасковье Салтыковой.

Подобные выборы невест, по рассказам иноземцев, бывали прежде гораздо сложнее: боярышням, свезенным на выборку, отводили покои, каждой отдельно; угощали всех за одним столом, увеселяли разными забавами. Царь присматривался к ним, прислушивался к их беседам, заговаривал сам, осматривал по ночам, кто как спит — спокойно или беспокойно, и, наконец, воспылав страстию, отдавал избранной платок и перстень, а остальных щедро одаривал платьями и разными вещами, затем распускал по домам. На этот раз воля Софьи и немощь Ивана упростили дело, и двадцатилетняя Прасковья, без дальнейших испытаний, была наречена невестой восемнадцатилетнего царя Ивана (он род. 28 августа 1666 г.).

Впрочем, если верить портрету, "скомпонованному" по портрету, хранящемуся в московском Новоспасском монастыре, то невеста Ивана была высока, стройна, полна; длинные волосы густыми косами ниспадали на круглые плечи; круглый подбородок, ямки на щеках, косички, красиво завитые на невысоком лбу, — все это представляло личность интересную, веселую и очень миловидную¹.

Свадьба совершена была со всеми церемониями, которыми обыкновенно сопровождалась подобные торжества.

8 января 1684 г., накануне венчания, был у царя стол для бояр, боярынь, родственников отца и невесты. Иван с Прасковьей сидели за особым столом. Царский духовник, протопоп, благословив жениха и невесту, велел им поцеловаться, а бояре и боярыни поднялись с поздравлениями; после стола невеста отпущена домой, и гости разъехались.

9 января 1684 г., в среду, царь Иван провел все утро в собо-

---

¹ Здесь приложенный портрет изображает царицу Прасковью уже пожилой. Это снимок с портрета, сохраняющегося в Троицко-Сергиевой лавре в покоях митрополита, — снимок вполне точный, хотя уменьшенный; он исполнен чрез обязательное посредство настоятеля лавры, архимандрита Леонида, а затем напечатан хромолитографически весьма тщательно в типографии художника г. Н.Брезе (Спб., Средняя Подьяческая, д. № 6). Рисунок на камне красками исполнил художник П.Ф.Борель. См. портрет ее в настоящем изд. на обложке. (Примеч. ред.).

рах; отслужил молебен; на гробах державных предков отправил пенье, приложился к святыням и просил у патриарха благословенья на брачную жизнь.

Между тем кончились приготовления: уборка палат, свадебных столов, расставление яств и пр. и пр., и торжество началось с выполнением тех мельчайших обычаев, которые освящены были в глазах действующих лиц давностью лет и вековым употреблением.

Многие из этих обычаев, по отношению к настоящей свадьбе, были не что иное, как выполнение пустой формальности; так, например, Прасковья равнодушно могла слушать поучение венчавшего их патриарха: "...у мужа будь в послушании, друг за друга не гневайтесь, покорно выноси гнев супруга, если он за какую-нибудь вину поучит тебя слегка жезлом, так как он глава в доме", и пр. Прасковья не могла не знать, в каком положении эта глава, насколько она в состоянии была думать, не только управлять ею, и отдавала свою руку не из любви и уважения к жениху, а потому, что ей и в голову не должна была придти мысль об отказе: этот брак возвышал ее родителей, родных и, наконец, высоко ставил ее самую над остальными боярынями и боярышнями.

Обряд венчания в соборной церкви совершал патриарх Иоаким с ключарем и тремя диаконами. Звон был в большой новый колокол, а с пришествия государя в собор — во все колокола, и не умолкал до молебна¹.

После венчания и свадебного стола именитые гости, проведя царя и царицу в опочивальню, уселись за стол, выжидая час боевой, когда дружка принесет весть, что у царя доброе совершилось.

"А на утро следующего дня, как велось это обыкновенно, царю и царице готовили мыльни разные, и ходил царь в мыльню, и по выходе из нея возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велено было сохранять постельничему. А как царица пошла в мыльню и с нею ближняя жоны, и осматривали ея сорочку, а осмотря сорочку, показали сродственным жонам немногим для того, что ея девство в целости совершилось, и те сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собрав вместе, сохраняли в тайное место" и пр.

Нет причин думать, чтоб все эти формальности не были выполнены, притом выполнены удовлетворительно; брачное торжество, по крайней мере по наружности, было "в добром совершении", и вся родня новой царицы ликовала в царских теремах за свадебными столами; на дворе и по сеням музыканты играли

---

¹ Др. Рос. Вивлиоф., изд. второе, т. XI, с. 196, 197.

в трубы, били в литавры, и пылали разложенные в различных местах на улицах и на дворах костры: то была того времени иллюминация.

Родня царицы была обширная: Салтыковы принадлежат к древнейшим и именитейшим фамилиям. Происхождение Салтыковых восходит к XIII веку. Предок их, Михайло Прушанин, выехал из Пруссии в Новгород; от него пошли в пятом колене Морозовы, Чоглоковы, Шестовы и др.; а в восьмом колене от Морозова-Салтыка потянулись Салтыковы. Они рано стали играть весьма важные роли на политическом, военном и гражданском поприщах; многие из них были самыми доверенными и приближенными лицами московских государей. Так мы видим Андрея Салтыкова оружейничим и любимцем великого князя Василия Ивановича; брат его, Василий Салтыков, оборонил Опочку от Константина Острожского. Двое Салтыковых пали в ливонских походах; двое были именитыми боярами при дворе Грозного; племянник их — окольничим и любимцем Годунова; Борис Михайлович Салтыков — весьма важным лицом при царе Михаиле, а брат его, Михаил, — кравчим, окольничим и любимцем царя Алексея, при дворе которого четверо Салтыковых были боярами.

Один из Салтыковых, боярин Михаил Глебович, по прозванию Кривой, принимал значительное участие в смутах при Лжедмитрии, был главным сподвижником польской партии и в 1612 г. уехал с сыновьями в Польшу, где был щедро одарен королем Сигизмундом. Сын его, Федор Михайлович, выстроил в отцовских жалованных поместьях, близ Дорогобужа, православный монастырь и, приняв сан инок с именем Сергия, сделался самым деятельным распространителем раскола (ум. в 1655 г.); брат его, Петр, был дедом царицы Прасковьи, отец которой, Александр, при царе Алексее, с завоеванием Смоленска, принял русское подданство. На основании некоторых известий, он был в Енисейске комендантом, откуда вызван Софьей Алексеевной.

Несмотря на то, что непосредственные родоначальники Прасковьи, ее прадед и дед, были изменники отечества, все-таки фамилия Салтыковых была славна заслугами многих из своих представителей; ни в одной из фамилий не было столько бояр, и нет ничего удивительного, что правительница одобрила выбор брата, а может быть, и сама сделала его. А. Салтыков незадолго до свадьбы сделан правителем и воеводою города Киева¹. Счастливый родитель тогда же был возведен в сан боярина, с по-

---

¹ Н. Закревский: Лет. и оп. гор. Киева "Чтения Об. Ист.". 1858, т. II, с. 245.

велением переменить имя: вместо Александра он наименован Федором¹, вероятно, в честь имени покойного государя. Переименованный Салтыков был два раза женат: от первого брака с какой-то Катериной Федоровной родился сын Василий Федорович и две дочери — Прасковья и Настасья Федоровны. Второю женою их родителя была — Анна Михайловна Татищева (ум. в 1702 г.)². Шесть Салтыковых были боярами и занимали важные должности при дворе царей Ивана и Петра; один из них убит, по ошибке, стрельцами 15 мая 1682 г. и пятнадцать из членов этой фамилии владели в то время в России большими населенными именьями.

Семейные связи новой царицы были весьма значительны: так, при посредстве браков своих дядей, также родного и двоюродных братьев, она была в родстве с Трубецкими, Прозоровскими, Стрешневыми, Куракиными, Долгорукими и др. Родная сестра ее, Настасья, вышла впоследствии замуж за знаменитого князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского.

Все эти связи чрезвычайно важны в биографии Прасковьи: они служат разъяснением того значения и почета, какими зачастую, если не всегда, пользовалась Прасковья при дворе Петра; ее же родством объясняются многие события, с которыми мы не раз встретимся в нашем рассказе.

Много говорить о воспитании царицы Прасковьи нам не приходится; то не было воспитание, а питание: ее выкормили полною, статною, с высокою грудью, открытым лицом и длиною косою; затем выучили довольно плохо русской грамоте (она и впоследствии, как мы увидим, не была мастерица писать); остальное же довершили семейные предания и обычаи. Она выросла в предрассудках и суеверии; верила колдунам, чудесам, вещунам и строго выполняла пустые обряды, не вникая в их сущность и значение.

Идя по стопам своих предков и многочисленной родни, царица старательно выполняла обрядовую сторону религии: некоторые из ее родных постригались в монахи, умирали схимниками, — и вот Прасковья очень чтит духовенство, дружилась с монахами, вела переписку с некоторыми митрополитами, ездила к ним и рассылала подарки. С выходом замуж жизнь ее пошла обычной колеей: вместе с державным супругом она выполняла церковные требы, не пропускала ни одной службы, посещала монастыри, делала вклады, участвовала в крестных ходах, раздавала милостыню нищей братии и колодникам³.

¹ Дневник Гордона.

² Кн. П.В.Долгорукий. Рос. Род. кн. 1885, ч. II, с. 68—83.

³ Др. Рос. Вивлиоф., изд. второе, т. XI, с. 177, 178, 179, 331, 332 — Дворц. разряды, т. IV, с. 842 и др. Не повторяем подробностей о жизни

Жили царь и царица — в особых теремах в Кремле, выстроенных уже при царевне Софье Алексеевне. Жизнь царицы Прасковьи за то время, конечно, не отличалась от обыденной жизни ее предшественниц-цариц и ее современницы, царицы Марфы Матвеевны (вдова царя Федора). Торжественные приемы у царицы назначались только в немногие годовые праздники или по случаю особых семейных событий.

В обыкновенные праздничные дни к царице являлись одни родственники обоего пола и боярыни, по вызову или с собственными просьбами. Боярыни выходили у ворот и, подойдя к царицыным покоям, посылали своих боярских боярынь объявить о приезде дворовой боярыне, которая и докладывала о них. Посещение обыкновенно ограничивалось расспросами о здоровье и разными приветствиями; затем боярыни возвращались восвояси. Иногда царица принимала и крестьянок, по крайней мере, из своих дворцовых вотчин.

Делами царица не занималась подобно боярыням; на то был приказный чин царицы из ее близких людей, который также разбирает ссоры между дворцовыми служителями, сажал их в монастырь за провинности: кражу, пьянство и т.п.

Царица занималась только своим "женским" делом, пересматривала полотна, скатерти и другие вещи, доставляемые из слобод, работавших на дворец; заведывала рукоделиями своих мастериц в светлицах, где производились всякие работы, даже шились куклы царским детям. Нередко и сама царица вышивала золотом и шелками в церкви и монастыри, изготовляла некоторые предметы из платья себе, государю и детям: ожерелья, воротники, сорочки, полотенца.

Но главною и неизменною задачею жизни царицы была молитва и милостыня во всех видах и формах по правилу того времени: "Церковников и нищих и маломощных, бедных, скорбных и странных пришельцев призывай в дом свой и по силе накорми, напой и согрей". Царица подавала щедрую милостыню на монастыри и церкви во время своих богомольных выходов. Церковное поминовение усопших царственных родственников сопровождалось кормлением духовного чина и нищих; последние собирались к царским хоромам во все поминальные дни. Кроме нищих, множество бедных женщин обраща-

---

бояр и царей XVII в. как достаточно известные; см. между прочим "Очерк домашней жизни и нравов великорусск. народа в XVI и XVII стол.", изд. 1860 г., соч. Н.И.Костомарова "Домашний быт русск. царей в XVI и XVII вв.", соч. И.Е.Забелина. М., изд. 1872 г., с. 232, 297, 457. Дж.Перри "Состояние России" и пр. в рус. переводе, под нашей редакцией, в "Чтениях Москов. общ. истории", М., 1871 г., кн. II, с. 39—180. Котошихин "О России" и пр., с. 11 и следующ.

лись к царице с челобитными о своих нуждах, подавая их в праздники или именины которого-нибудь из членов царской семьи. Во дворце жило много девочек-сирот, которые принимались по просьбе верховных боярынь или по желанию самой царицы. К концу XVII века и на женской половине дворца появились свои верховные богомолицы: вдовы, старухи и девицы. Они жили в подклетьях у царицы Прасковьи Федоровны и у царевен, подле их хором, и, по-видимому, исполняли должности сказочниц. Между ними были юродивые, помешанные и калеки всякого рода: немые, слепые, безрукие, безногие. Расположение ко всяким уродам, обычное в то время, особенно резко проявляется в Прасковье Федоровне; склонность эту она сохранила во всю свою жизнь. Верховные богомолицы ходили в смиренных (темных) платьях, как-бы в противоположность пестрой одежде шутов и шутих, — карлам и карлицам, — разряженным в платье ярких цветов, в красных и желтых сапогах и ермолках.

Рядом с карлами и карлицами во дворце проживали арапы, арапки, маленькие калмыки и калмычки, взятые в полон. Их держали во дворце наравне с обезьянами, попугаями и др. чудами. Кроме попугаев, неизменно принадлежностью дворца были всякого рода птицы: соловьи, канарейки, щеглы, перепела. В 1684 г. для Прасковьи Федоровны была даже заказана особая клетка для перепелов¹. Дворец с утра до вечера оглашался пением разнообразных птиц, криками попугаев; к вечеру умолкали птицы и в тишине слышалось заунывное пение нищих богомольцев или мерный рассказ сказки, прерываемый выходками дураков и дурак, возбуждавшими громкий смех невзыскательных слушательниц. Наскучив этими забавами, царица иногда принималась за карты или заставляла себя качать на домовых качелях. Качель обыкновенно устраивалась к святой; она была веревочная, обшитая бархатом или атласом, с ватным сидением, также обтянутым бархатом. В апреле 1686 г. для Прасковьи Федоровны сделаны три таких качели. На масленице устраивались скатные горы, где увеселялись царевны с боярышнями. Царицы только смотрели на эту забаву, равно как и на игры в сенях женской половины дворца. Не мало удовольствия доставляли царицам и зрелища другого рода, как, напр., церковные церемонии, царские обеды, выезды послов, привозимые и приводимые "чуда": заморские животные, ученые медведи и т.п. На эти зрелища царицы, царевны и малолетние царевичи смотрели из окон Кремля или из "тайника", устроенного в Грановитой палате, где происходили главные дворцовые торжества.

¹ Забелин. Домашн. быт русских цариц, с. 202, 388, 467 и др.

Тайник была комната с большим окном, обращенным в палату, в которое была вставлена решетка. На театральные представления царицы также смотрели сквозь решетку. "Во время представления, — говорит Рейтенфельс, — царь сидел перед сценою на скамейке, а для цариц с детьми было устроено род ложи, из которой они смотрели из-за решетки или, правильнее сказать, сквозь щели досок".

Жила царица с мужем, по обычаю, в разных покоях порознь.

"И на праздники господские, и в воскресные дни, и в посты, — повествует Котошихин, — царь и царица опочивают в покоях порознь; а когда случится быть опочивать им вместе, и в то время царь посылает по царицу, велит быть к себе спать или сам к ней похочет быть. А которую ночь опочивают вместе, и на утро ходят в мыльню порознь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в нечистоту и в грех..."

Нет сомнения, что все это выполняли царь и царица, — но детей не было... Прошло пять лет брачной жизни, и во все это время только раз мелькнула у Прасковьи мысль, что она беременна; сама она потом рассказывала: "При царе-де Иване пучило у меня живот с год и я чаяла себя весь год брюхата, да так и изошло..."¹

Однако ж в конце 1688 г. для всего двора сделалось известно, что царица Прасковья "очреватела". Немоощный царь был счастлив, довольна была Софья; негодовали одни родные и мать Петра, видевшие в этой беременности следствие интриг и козней правительницы. Проникая в ее замыслы², Наталья Кирилловна убедила сына вступить в брак; 27 января 1689 г. Петр обвенчался с Авдотьей Федоровной Лопухиной. 21 марта того же года, в четверг, ночью, царица Прасковья разрешилась от бремени — дочерью. Рано утром благовест Успенского колокола возвестил Москве о приращении царственного семейства; власти съехались, пришел царь — и патриарх отслужил молебен.

В понедельник, 25 марта, новорожденная окрещена в Чудове монастыре именем Марии; службу совершал патриарх; восприемниками были — царь Петр и тетка его, Татьяна Михайловна.

Последний факт, как, по-видимому, ни незначителен он, однако возбуждает вопрос: почему восприемницей не была Софья Алексеевна? Была ли она недовольна рождением племянницы вместо племянника, или Прасковья, не лишенная природного ума и прозорливости, провидев будущую участь правительницы, зайскивала в Петре и в уважаемой им тетке?

Впрочем, за столом, ради рождения Марии, в четверг, 18 апре-

¹ Гос. Арх., карт. 7, письма царицы Прасковьи, 1719 г., л. 12.

² Голиков, изд. второе, т. I, с. 49. — Феодози, с. 66, 71.

ля, в Грановитой палате, вместе с патриархом, царем Иваном и другими была Софья; сидели по чину, слушали чтение патриаршего канархиста, а после стола, "отдействовал Пречистую, пили заздравныя чаши"¹.

С этого времени не проходило почти года, чтоб царица Прасковья не радовала мужа рождением дочери. Таким образом, 4 июня 1690 г. родилась другая царевна; 20 числа ее крестил именем Федосьи архимандрит Чудова монастыря; восприемниками были Петр и царевна Татьяна, но на обеденном кушанье, ради рождения, 4 июля, был только один царь Иван и пил заздравную чашу с духовенством².

29 октября 1692 г., рано поутру, Прасковья родила новую царевну; с радостною вестью поспешил к патриарху боярин Федор Петрович Салтыков; святейший, после благовесту, служил литургию и дарил посланного. Во втором часу пополудни приехал из Преображенского Петр, и государи многолетие пели и знаменовались. 8 ноября прежние восприемники были при крещении царевны Катерины в Чудовом монастыре, а два дня спустя был по этому случаю радостный стол³.

28 января 1693 г. родилась царевна Анна; в следующем, 1694 г., 24 сентября, царица разрешилась последнею дочерью: то была царевна Прасковья.

Такая плодovitость благоверной супруги радовала Ивана Алексеевича; но родительское сердце большого претерпевало также и утраты: из пяти дочерей он скоро лишился двух старших, Марьи и Федосьи (ум. 13 февраля 1690 г. и 12 мая 1691 г.). При совершении погребальных обрядов в Вознесенском монастыре присутствовали отец и мать⁴.

Супруги и после падения Софьи не играли никакой роли в управлении Россией: Иван, по скорби главы, Прасковья, по ежегодной беременности, нимало не мешались в дела, которыми управляли, от имени юного еще Петра, его родственники и советники, как русские, так и иноземцы. За Иваном оставался только один титул; имя его упоминалось во всех актах государственных; он имел свой двор, своих царедворцев, являлся народу в торжественных случаях в полном царском облачении, наконец, участвовал в торжественных приемах послов либо в церковных празднествах. Нельзя согласиться с Устряловым в том, что "Петр нежно любил и глубоко уважал своего брата"⁵. По крайней мере, письма Петра к Ивану ничего

¹ Др. Рос. Вивлиоф., изд. второе, т. XI, с. 182–183.

² Там же, с. 186–187.

³ Там же, с. 188–189.

⁴ Там же, с. 203–204, 210–211, 236, 240.

⁵ История царствования Петра Вел., 1858, т. II, с. 264, 265.

не заключают в себе особенно нежного; эти письма не более как обыкновенные родственные послания, кроме, впрочем, одного, в котором Петр требует устранить от правления "ззорное лицо" — Софью¹.

Что Петр не заявлял брату глубокого уважения, видно уж из того, что при крещении обоих сыновей — Алексея Петровича, 23 февраля 1690 г., и Александра Петровича, 1 ноября 1692 г., Иван Алексеевич не был приглашен в восприемники. В первый раз был восприемником патриарх Иоаким с царевной Татьяной Михайловной, а во второй — келарь Троицкой лавры с царевной Натальей².

Между тем ежегодное рождение дочерей у царицы Прасковьи вовсе не доказывало, что здоровье ее мужа оправилось; напротив, в 1696 г. царь Иван, достигая тридцатилетнего возраста, хотя не обнаруживал признаков смертельной болезни, но уже таил ее в своей груди. 6 января он ходил в торжественном облачении за крестами из Успенского собора на иордань, устроенную на Москве-реке; день был чрезвычайно теплый, совершенно весенний, был дождь и молния³; царь был с непокрытой головой, промочил ноги и сильно простудился. 21 января Иван был в Вознесенском девичьем монастыре на панихиде по царице Наталье Кирилловне; 26 января, в день именин сестры-своей, царевны Марии Алексеевны, слушал обедню в дворцовой церкви Иоанна Предтечи; по окончании службы принимал в передней палате обычные поздравления, жаловал ближних людей фряжскими винами, а стрелецких полковников и гостей водкою, а через три дня его уж не стало: он умер скоропостижно 29 января 1696 г., в третьем часу пополудни⁴.

После обычной торжественной церемонии на другой же день тело царя Ивана Алексеевича было отнесено в собор Михаила Архангела; в течение шести недель каждый день по десяти царедворцев охраняли гробницу. Ивана похоронили подле царя Федора, позади первого столба на левой стороне; гробницу покрыли богатым покровом.

Овдовевшая царица пять дней сряду кормила 300 нищих, угощала духовенство, делала вклады в церкви.

В скором времени новый удар поразил Прасковью: потеряв мужа, она лишилась и отца. Федор Салтыков скончался 2 февраля 1697 г.

¹ История царствования Петра Вел., 1858, т. II, с. 77, 408. — У Голикова см. разглагольствования "о нежной любви, взаимной снисходительности и чувствительности двух братьев", т. I, с. 92—93, 255.

² Др. Рос. Вивлиоф., изд. второе, т. XI, с. 184 и 188.

³ Желябужский, с. 61.

⁴ Туманский, Рос. Магаз. III, с. 77—89. Дворц. записки. Дневн. Гордона. — Желябужский, изд. 1840, с. 63—279. Др. Рос. Вивлиоф., т. XI, с. 228.

II

Жизнь в с. Измайлове. — Переселение в Петербург

Прасковья осталась с тремя малютками, но особых печалей и забот ей не предстояло много. Петр оказывал невестке уважение, выполнял ее просьбы; для управления хозяйством и для удовлетворения ее нужд отдал в полное распоряжение Василия Алексеевича Юшкова и предоставил выбрать место жительства. Невестка выбрала свою резиденцию село Измайлово.

Измайлово, принадлежавшее, по-видимому, Ивану Никитичу Романову в 1640-х годах, перешло затем к царствующей линии дома Романовых. Так, в 1663 году царь Алексей Михайлович уже вполне распоряжается в селе Измайлове, пользуясь своим двойным значением царя и вотчинника.

Он переводит в Измайлово и в прилежащие к нему пустоши крестьян из других дворцовых вотчин; заводит хозяйство в таких огромных размерах, что требующиеся на него издержки едва ли могли быть покрыты доходами какого бы то ни было частного лица в то время, когда собственность главным образом состояла из недвижимого имущества и запасов и всего менее в деньгах. Для пашен и сенокосов расчищено было в Измайлове несколько сот десятин лесу; построены смотрильные башни для наблюдения за рабочими, число которых впоследствии было очень значительно; так, во время жатвы одних наемных жнецов набиралось до 700 человек. Кроме того, в Измайлове заведено было обширное садоводство, пчеловодство и хмелеводство; насажена роща на 115 десятин; реки и ручейки запружены плотинами и выстроено семь мукомольных мельниц. Тогда же было выкопано до 20 прудов, поставлены каменные риги и токи, льняной и стеклянный заводы, разные дворы, амбары и прочие хозяйственные постройки¹.

¹ Подробности о селе Измайлове см. в превосходном труде И.Е.Забелина "Домашн. быт русских царей", дворец в с. Измайлове. с. 38—98;

С другой стороны, царь Алексей Михайлович, по своему личному отношению к селу Измайлову, является вполне помещиком. В его заботливости об успехах измайловского хозяйства нельзя не видеть интереса собственника к своему поместью: он лично присутствует при полевых работах, следит за постройками, входит в малейшие подробности. Царица заведует лично женскими работами, и главным образом льняным делом, осматривает при случае птичий и запасные дворы и погреба. Царь Алексей Михайлович прилагал всевозможные заботы к улучшению своего хозяйства в Измайлове. Выписаны были русские и иностранные мастера, специалисты своего дела: льняники из Пскова, черкасы — для скотного двора, садовники-иноземцы, пасечники, разные механики, "мастера зеленого стекла" и пр. Даже сделаны были попытки производить некоторые работы посредством машин. В 1666 г. 17 июня, велено, напр., сделать три образца: 1) — "как молотить колесами и гирями без воды"; 2) — "как воду привезть из пруда к виноградному саду"; 3) — "как воду выливать из риг гирями-ж и колесы". Рядом с машинами и выпиской мастеров прибегали и к другим средствам: к дням ярового и ржаного посева государь выписывал из Троицы и Савина монастыря "освященное масло", "святую и омовленную воду" для окропления и освящения засеваемых полей. При этом соблюдалась тайна; в грамоте, посылаемой в Троицкий монастырь, говорилось, между прочим: "И ты бы богомолец нам сотворил и прислал тайно, никому-же поведавше сию тайну, священнаго масла великаго четвертка в сосуде, и воды с ног больничных братьей, умыв сам тайно, и воды из колодезя Сергия три ведра, отпев молебн у колодезя, за своею печатью".

И не вотще трудился Алексей Михайлович: в царских житницах в Измайлове бывало до 27 000 четвертей хлеба; в Ригу посылалось на продажу до 200 берковцев льну; кроме того, Измайлово давало ежегодно от 500 до 800 пудов хмеля, до 179 пудов меду и почти столько же воску, не говоря уже о разных стеклянных изделиях, массе плодов и овощей, доставляемых во дворец; лечебных травах и кореньях, посылаемых в Аптекарский приказ и т.п.

В Измайлове царь Алексей Михайлович жил только летом; с ним приезжала и вся царская семья. Первые царские хоромы

также см.: А.Е.Мартынов. "Русская старина в памятниках зодчества" изд. 1853 г. — Сборник Муханова, Спб. 1866 г., с. 389. — Записки отдела Русской и Славянской Археологии, том II, Спб., 1861 г., с. 387: "Докладная выписка о крестьянах, которые переведены в село Измайлово, и в приселки, и в деревни из разных уездов". — Описи Измайловского дворца у Забелина, лит. Б, с. 50. — Г.В.Есипов. "Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом", т. II, приказы, М., 1872 г.

были поставлены здесь около 1663 г. на острове¹. Дворец первоначально не был особенно обширен; он состоял из хором, подклетов и верхних "жителей"; вся постройка его была как бы сборная, соединенная крытыми переходами и лестницами. Тут были отдельные помещения для государя, царицы, царевичей, больших царевен и меньших царевен. Кругом всех нижних хоров шли перила, по перилам баляски точеные. Все хоромы были деревянные, покрытые тесом; у крылец верхи шатровые, "крытые тесом скалою по чешуйному обиванью". К дворцу примыкала каменная двухэтажная церковь; в верхнюю церковь св. Иосафа из царских хором вели брусяные переходы, и здесь, на хорах, слушали службу царицы и царевны. На острове была еще одна церковь во имя Покрова Пр. Богородицы о пяти главах, крытая гонтом, с высокими крыльцами; она обнесена была каменной оградой²; возле нее возвышалась башня с тремя проезжими воротами; отсюда шел каменный мост через Измайловский пруд в 50 саж. длиною.

Царский дворец издали казался окруженным зеленью, так как перед ним была огромная роща с высокими, хотя редкими, деревьями и тенистым кустарником, который широко раскидывал свои ветви, иногда застилая собою дорожки. С западной стороны дворца находился зверинец, представлявший собою, по словам Рейтенфельса, тот же лес, обнесенный забором, где между разными диковинами показывали лосей, оленей, кабанов, дикобразов, разных пушных и диких зверей. К зверинцу примыкал птичий двор, где водились лебеди, гуси, павлины английские, куры, утки и разные редкие птицы. Рев зверей и крики разнообразных птиц, без сомненья, были слышны дворцовым обитателям.

Внутреннее убранство Измайловского дворца было проще, чем в других загородных дворцах и даже в некоторых боярских и помещичьих домах: все двери в царских хоромах были обтянуты красным сукном и с лужеными петлями, в окнах окончины слюдяные, везде печи изразцовые, круглые, расписанные разными красками, полы, мощенные дубовым кирпичом. Кроме столов и стульев, почти не было никакой другой мебели. Нигде не было видно и следа роскоши; все внимание обращено на многочисленные хозяйственные заведения, которые отличались наилучшим порядком³. Они составляли гордость хозяйства

¹ Старинный план Измайловского острова с плотинами помещен в "Сборнике чертежей Москвы и ее окрестностей", изд. Археологического Общества. Спб., 1861 г.

² Церкви эти были окончательно отстроены при царе Федоре Алексеевиче.

³ При царе Алексее Михайловиче в приходных книгах села Измайлова

села Измайловского, и их прежде всего показывали иностранцам. Так, в описании посещения села Измайлова польским послом Яном Гнинским, 27 января 1672 г., внимание иностранных гостей прежде всего старались обратить на стоявшее перед селом "гумно царскаго величества изрядным зело расположением", на хлеб, в скирдах "ровнехонько" уложенный; затем приказчик показывал им мельницы, плотину, житницы, построенные одна возле другой, наполненные хлебом и окопанные канавой. Хоромное строение и церковь послы видели только издали; сады и огороды не могли быть осмотрены ими по зимнему времени года.

Между тем измайловские сады и огороды стоили того, чтобы познакомиться с ними. Так называемый "виноградный" сад занимал в окружности 800 саженей; в нем росли сотни яблонь, груши, сливы, грецкие орехи; ягодные кустарники занимали сотни саженей; между ними красовались пионии и другие цветы. "Просяной" сад имел в окружности 138 саженей, тут был огород, где садили дыни, огурцы, капусту и всякие летние овощи; разводили цветы, семена трав, аптекарские растения. Вдоль по берегу р. Серебровки простирался на 33 саженях "регулярный" сад, следы которого остались до настоящего времени в виде кустарников шиповника, барбариса, крыжовника и пр.

Обширное измайловское хозяйство находилось, главным образом, в ведении приказчика и ключника. В приказной измайловской избе хранились денежная казна и книги "крестоприводныя Измайловской волости крестьянам и всяких чинов людем", указные памяти о всяких делах, челобитные, росписи, выборы на старост и целовальников, поручные записи, книги, тетради, столпы умолотные, приходные, расходные, продажные, столпики посевные, ужинные, укосные, росписи, "что изволил великий государь взять из села Измайлова".

Приказчик жил обыкновенно на съезжем дворе, огороженном забором. Не легко было его управление и других начальственных лиц крестьянами, переселенными в измайловские слободы из разных мест. Тяжелые работы, строгие взыскания и всякого рода притеснения, обычные в России во все времена по отношению к простонародью, заставляли измайловских крестьян искать

упоминаются следующие сельскохозяйственные заведения: каменные риги, житный двор, льяной двор с амбарами, скотный двор, в нем 6 денников, 3 избы, 4 амбара и погреб с ледником. Здесь содержалось 903 быка, 128 дойных коров, 190 телиц, 82 телят, баранов 284, свиней и борзых 26, конюшенный двор, с семью денниками, где находилось коней 701; сенной двор, винный завод, пивоварня, медоварня, солодовня и маслобойня, стеклянный завод; птичий двор, где водилось всякой птицы 484; запасный двор с погребами и амбарами для хранения напитков, припасов и земледельческих орудий.

спасения в бегстве. После смерти Алексея Михайловича оказалось из составленного в то время доклада, что из 664 крестьянских семейств, переселенных в Измайлово, 481 двор в бегах, а "которые крестьяне в остаток" 183 двора и те "наготове бежать, мало не все".

От Алексея Михайловича село Измайлово перешло в полное владение старшего его сына, царя Федора. Хозяйство шло при нем тем же порядком. Время от времени царь приезжал со своим двором в Измайлово, указывал "поить" всяких чинов людей и боярских слуг, угощал бояр и стольников; по-прежнему Измайлово поставляло во дворец всякие запасы, живность, напитки, овощи, стеклянные изделия. При царе Федоре произошли, однако, некоторые перемены в Измайлове: переделан был дворец, построены и исправлены разные служебные и хозяйственные здания и по углам двора около царских хором поставлены четыре каменные башни.

Постройки, переделки и исправления продолжались и тогда, когда собственником измайловской вотчины стал считаться царь Иван Алексеевич, оставшийся старшим после Федора. К этому времени относятся подробные описи села Измайлова, сделанные по приказу обоих царей, Ивана и Петра, и царевны Софьи; именем же трех царских особ и наказом из приказа Большого Дворца производились тогда перемены в составе лиц, заведывавших хозяйством в селе Измайлово.

Богатое село Измайлово, по-видимому, вовсе не было отдано ни во владение, ни в пожизненное пользование вдове Ивана, царице Прасковье Федоровне, — в ее собственность перешел один дворец. Петр, водворявший порядок в дворцовом хозяйстве, расстроенном при Софье, благодаря бесцеремонному обращению членов царской семьи с казной, назначил всем им, и в том числе Прасковье Федоровне, известный оклад содержания деньгами и запасами, что вряд ли оказывалось нужным, если бы царица владела на полном праве богатым селом и вотчиною Измайловым.

В подтверждение того, что Прасковья Федоровна была на том же положении, как и остальные члены царской семьи, считаем необходимым привести некоторые несомненные, хотя и отрывочные, данные. Так из прихода-расходных книг приказа Большого Дворца 1701 г. мы узнаем следующее:

"У комнаты великия государыни царицы Марфы Матвеевны (вдовы царя Федора) — 9 стоялых, 21 подъемных, итого 30 лошадей; на корм им по окладу 330 чети овса, 75 копен мерных сена, 275 возов без чети воза соломы ржаной".

Столько же значится у тетки царя, Татьяны Михайловны, только вместо 330 чети овса ей отпускалось всего 304.

”У великия государыни царицы Прасковьи Федоровны 24 стоялых, 56 подъемных, итого 80 лошадей; на корм им: стоялым в год, подъемным на 7 месяцев 880 чети овса, 200 копен мерных сена; на подстилку 732 воза соломы ржаной”.

Сравнительно большие цифры объяснить можно и тем, что у царицы Прасковьи были три дочери, которые приняты в расчет при назначении оклада. Хлопотала об этом и сама царица, как видно из одного донесения провинциал-фискала Терского в октябре 1722 года. ”Уведомился я, — писал Терский, — что государыня царица Прасковья Федоровна просила в сенате, чтоб на комнату ея величества с царевнами учинить оклад против окладу, каков учинен был к комнате царевны Натальи Алексеевны”.

У царевны Натальи Алексеевны: ”14 стоялых, 28 подъемных, итого 42 лошади; на корм им: 476 чети овса, 107 копен с третью мерных сена, на подстилки 407 возов с полувозом соломы ржаной”.

Затем из бумаг приказа Большой Казны того же 1701 года мы узнаем, что ”к великим государыням царицам (след. Марфе Матвеевне и Прасковье Федоровне) и царевнам, по указным статьям, в 10 комнат по 2000 р. в комнату, и на 1701 г. к прежним взносам в 20 000 рублей, к 10 000 рублей, отпущено 10 000 р.; на 1702 год — 15 000, итого 25 000 рублей”.

Почти столько же получала царица Прасковья Федоровна и в последующие годы, хотя сумма не всегда была одинакова. Из дела казначея царицы Деревнина оказывается, что в приходе взято для нее из Большой Казны ”окладных” на 1715 г. 18 320 р.; на 1716 г. — 24 066 р. 9 алт. 4 ден.; на 1717 г. — 12 600 р.; на 1718 г. — 32 915 р.

В перечне певчих и крестовых дьяков царских особ значатся певчие царицы Прасковьи Федоровны, и им наравне с прочими отпускалось содержание из приказа Большого Дворца¹.

Наконец, мы видим, что между селом Измайловым и другими ”дворцовыми” селами, по крайней мере в 1701 г. не делается различия. Разным служителям и нижним чинам села Измайлова отпущены деньги наравне со служителями села Воробьева, Преображенского и др.

Кроме царского оклада, царица Прасковья Федоровна полу-

---

¹ ”Певчих и крестовых дьяков у Петра Алексеевича 22 чел.; у Марфы Матвеевны 12 чел.; у Прасковьи Федоровны 12 чел., у Татьяны Михайловны 12 чел.; у Евдокии Алексеевны с сестрами крест. 12 чел.; у Натальи Алексеевны крест. 9 чел.; всего певчим и крестовым 79 человекам отпущено в 1701 году 821 четверть с осминою и с четвериком и половина пол-четверика ржи, овса тож” (Есипов. Сборник архив. бум. о Петре Великом, т. 2, с. 247).

чала еще доходы со своих вотчин деньгами и запасами. Вотчины эти находились в разных волостях Новгородского, Псковского и Копорского уездов, также в Ставропольской сотне, так что во владении ее находилось 2477 посадских и крестьянских дворов. По всему вероятно, цифра эта далеко не выражает полного числа дворов, принадлежавших царице, но мы не имеем пока сведений о них. Известно только, что в ее владении находились еще довольно значительные нижегородские имения. Вотчины царицы Прасковьи находились в ведении старост и целовальников, как видно из челобитной, поданной царице крестьянами Осеченской волости в 1711 г., где они жалуются ей на претерпеваемые ими притеснения.

Всем дворцовым хозяйством царицы обыкновенно управлял Постельный (комнатный, кабинетный) приказ государыни царицы. Его составляли, собственно, только два лица: царицын дворецкий, стоявший во главе ведомства, и дьяк. Первый бывал обыкновенно близкий человек по родству или по старой испытанной службе. Правую руку дворецкого был дьяк, на обязанности которого лежала вся письменная часть и все делопроизводство; то был как бы главный секретарь царицы, производитель всякого ее приказа и всякого назначения и распоряжения.

Именно таких двух лиц мы и встречаем при дворе Прасковьи Федоровны. Должность дворецкого, по-видимому, исполнял ее родной брат Василий Федорович Салтыков, приставленный к ней Петром в 1690 году. Мы его часто встречаем в Измайлове; она советуется с ним о всех домашних делах, дает ему различные поручения. Другим близким человеком царицы Прасковьи был стольник Василий Алексеевич Юшков, определенный по именному указу царя к комнате Прасковьи Федоровны и детям ее в 1701 г.

Юшков начал свою службу при дворе царя Ивана Алексеевича, когда ему было не более 13 лет от роду; затем он был записан в Семеновский полк и находился в походах в Азове, под Керчью и в первом Нарвском походе 1700 г. В этом же году Василий Юшков получил от отца своего, Алексея Александровича Юшкова, многие поместья и вотчины в разных уездах. Отец передал сыну почти все свое недвижимое имущество с обязательством "ему, Василию, его, Алексея, поить и кормить, обувать и одевать и почитать, а будет он, Алексей, те свои поместья похочет поворотить и ему, Алексею, поворотить вольно и чтоб повелено было те его поместья за ним, сыном его, справить".

Таким образом, Василий Юшков поступил ко двору Прасковьи Федоровны уже богатым человеком. Благоволила к нему царица и со своей стороны дарила деньгами, драгоценными кам-

нями и даже деревнями, как мы увидим ниже. Между тем отец Юшков, наскучив вдовством, вступил во второй брак с молодой вдовою Вельяминовой и потребовал обратно от сына Василия уступленные ему вотчины и поместья. От этой беды спасла своего любимца царица Прасковья. По всесильному ходатайству ее, отца Юшкова задобрили чином окольного, которым он был пожалован именованным указом сенату 14 ноября 1711 г. И действительно, старик после этого уже не поминал о возврате ему вотчин и поместий.

Кроме Салтыкова и Юшкова мы встречаем в Измайлове при дворе вдовы царицы многочисленный мужской чин, хотя, разумеется, далеко на такой, как прежде, так как в год смерти царя Ивана одних стольников числилось у царицы Прасковьи 263 чел. Теперь не позволяли этого и денежные средства. Тем не менее царица, сообразно своему сану, все еще держала ключника, подключника, подьячих, стряпчих, конюхов, сторожей, истопников и всяких служителей. Женский царицын чин был, разумеется, еще многочисленнее.

Помимо всей этой нужной и ненужной челяди, царица, удовлетворяя своему личному вкусу, усвоенному с детства, окружала себя целой толпой дармоедов другого рода: нищие богомольцы и богомолицы, ханжи, гадальщицы, всякие калеки, уроды, до того скромно проживавшие в подклетьях ее кремлевских хором и являвшиеся только по зову, теперь свободно разгуливали по измайловскому дворцу в своих грязных, изодранных рубищах, выставляя напоказ свои увечья и раны, гнусливо тянули свои песни, плясали, проделывали разные шутки. Только при посещении Петра, не терпевшего этих остатков старины, они прятались в дальние чуланы. Число их было так велико, что Татищев, не раз лично посещавший Прасковью Федоровну, говорит, что двор царицы от набожности был госпиталь на уродов, юродов, ханжей и шалунов. Из них наибольшим уважением царицы пользовался полупомешанный подьячий Тимофей Архипович, выдававший себя за святого и пророка. Некогда он занимался иконописанием, но потом бросил, стал "юродствовать миру" и прожил при дворе Прасковьи Федоровны 28 лет. Прасковья Федоровна вместе со своим другом, боярыней Настасьей Александровной Нарышкиной, поручали ему раздачу милостыни и другие благочестивые дела¹. "Меня, — рассказывает Татищев, — Тимофей Архипыч не любил за то, что я не был

¹ Настасья Александровна Нарышкина до смерти своей относилась с любовью и уважением к своему другу царице и завещала своим детям и потомкам постоянно поминать в молитвах "добрейшую" Прасковью Федоровну. См. "Русский Архив" 1874 г., кн. 12, с. 612: "Борода Тимофея Архипыча", из воспоминаний Е.А.Нарышкиной.

суверен и руки его не целовал. Однажды, перед отъездом в Сибирь, я приехал проститься с царицей; она, "жалуя меня, спросила онаго шалуна, скоро ли я возвращусь?" — Он ответил на это: — "Руды много накопишь, да и самого закопают".

Пророчество это, однако, не исполнилось.

Рассказывали потом, будто Тимофей Архипович предрек царевне Анне Ивановне ее дальнейшую судьбу.

Прасковья Федоровна верила каждому слову Тимофея Архипыча и считала себя счастливою, что такой святой человек удостоивает жить в ее доме. Благочестие и обычай побуждали ее также держать у себя вдов и сирот, давать приют странникам; делать, через стольника своего Юшкова, подарки духовенству и церковные вклады.

Такого рода расходы и содержание многочисленной челяди, разумеется, не могли способствовать порядку в делах Прасковьи Федоровны. Вдобавок ее обкрадывали самым бессовестным образом; крали у ней во дворце, благодаря недосмотру ее любимца Юшкова; крали и доверенные лица, которым она поручала сбор доходов со своих имений. Из них особенно выдаются Аргамаковы, отец и сын, на которых лежала обязанность собирать доходы с нижегородских имений царицы и вести приходо-расходные книги. После нескольких лет их управления в книгах замечено было до 300 подчисток: убавлены в чистовых книгах приходы денег и хлеба, также и в черновых книгах многие статьи вычернены, денег и хлеба убавлено; в среднем числе, как каялись впоследствии сами Аргамаковы, они клали в свой карман из сотни по рублю и более.

Из вышеупомянутой челобитной крестьян Осеченской волости мы узнаем, что старосты и целовальники неизвестно куда девали мирские деньги. Крестьяне писали царице: "Выборной мирской целовальник Григорей Иванов збирал с нас с Корелян со всей Осеченской волости, и с Воскресенскаго погосту всякие денежные многие поборы; и тех денег, он, целовальник, собрал 1 500 рублей, и в тех в многих зборных мирских денгах он, целовальник, по приходным и по расходным книгам отчет нам в мир не дает; также того-ж году (1711) староста Софрон Анофреев в подводах и в работных людях в мир ведомости не дает же, стакався они за одно... и з горланами и з ябедниками; а куды они такие большие денги девали, про то мы, мирские люди, не ведаем".

Не ведала зачастую и сама Прасковья Федоровна, куда девались ее деньги и все ли запасы доставлялись из деревень к ее двору. Она бóльшую частью довольствовалась тем, что делала те или другие письменные распоряжения; вообще она писала письма в большом количестве и, по-видимому, охотно, не стес-

няясь своею сравнительною безграмотностью. Затем она проводила бóльшую часть дня все-таки в полной праздности, занимаясь главным образом исполнением обрядов, мало обращая внимания на безурядицу и грязь, которые царили в ее доме. По известиям иностранцев, кушанья за обедом царицы Прасковьи бывали дурно приготовлены, заправлены бóльшей частью, по русскому обычаю, маслом из грецких орехов или льняного семени (конечно, в посту) и подавались кое-как, но зато кушаньев было много и в избытке. Кроме рыб, мяса, разных холодных и горячих блюд, блинов и пирогов, неизбежно принадлежностью ее стола, как и всех достаточных людей того времени, были орехи, ягоды, яблоки, дыни сырые, моченные и варенные в меду. Являлись гости, царица Прасковья принимала их приветливо, угощала пивом и медами и сама подносила вино в золоченых рюмках или поручала своим дочерям. Гости бывали у ней часто. Весною и летом жилали, а зимою наезжали все члены царской семьи. Царица Евдокия праздновала в Измайлове дни рождения и именины своего супруга, царя Петра Алексеевича, ставила крестьянам пиво и вино, подавала нищим милостыню. Особенно хорошо бывало Измайлово летом, когда в окна теремов заглядывала зелень и свежий воздух вносил прохладу в низенькие царские хоромы, запертые наглухо целую зиму. Выходили тогда царицы и царевны в сад, подолгу гуляли, посещали иногда для развлечения хозяйственные заведения села Измайлова, кормили рыбу в прудах, сзывая ее на корм по колокольчику. В праздники собирались хороводы перед дворцом; царевны раздавали крестьянкам пряники, куски маковой избойни и серебряные копеечки¹.

Из всех приведенных подробностей видно, что царица Прасковья Федоровна жила в с. Измайлове вполне зажиточной помещицей: у нее под рукой было все, что нужно для самого обширного хозяйства; всевозможные ремесленники, мастера, повара, громадный штат прислуги были к ее услугам. Царица правила, распоряжалась, судила и рядила, миловала и карала, принимала гостей, угощала их, и жизнь текла в довольстве, сытно и тепло,

---

¹ Документы, относящиеся до хозяйства царицы Прасковьи, в Государственном Архиве Министерства иностранных дел, дела Кабинет. полов. Ц, т. VI, л. 454, 876–877; в "Русской Старине" изд. 1872 г., т. VIII: Царица Прасковья и ее письма, с. 565–566. "Челобитная крестьян Осеченской волости" в изд. "Чтения в Моск. Обществе истории и древностей" 1862 г., кн. IV, смесь, с. 1. О Юшкове см. в "Русской Старине", изд. 1872 г., т. VIII, "Бутурлин и Юшков", статья Н.Ф.Самарина, с. 561–563.

вполне соответственно развитию и потребностям измайловских обитательниц.

За царевнами ухаживало множество мамушек и нянек; они гуляли с ними в тенистых садах, посещали хозяйственные заведения, стеклянный завод, славный своими изделиями; молились по церквам, забавлялись на прудах, которых насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда шук и стерлядей с золотыми сережками и сзывали рыб на корм по колокольчику. Подрастая, они привыкали в теремах своих к шитью и вышиванью шелком и золотом, но рукоделье не далось им; по крайней мере, нет известий, чтоб какая-нибудь их трех сестер сделалась искусницей в этом деле¹.

Светлая сторона жизни матери-помещицы ярко рисуется перед нами; но она не помешает нам перевернуть медаль — взглянуть и на черную сторону того же патриархального быта, где самоуправство и жестокость клали столь густые тени и не на такие лица, какова была Прасковья Федоровна.

Но эту сторону характера мы еще увидим, а теперь нельзя не отдать справедливости особенному такту царицы приноравливаться к обстоятельствам. Являя приверженность к старине, она в то же время умела угодить царю Петру. Она не входила в сношения с нелюбезными ему сестрами, неосторожно судившими и осуждавшими Петра и его сторонников. Имея возможность часто навещать заключенную царевну Софью, Прасковья уклонялась от этих свиданий и не входила ни в какие козни².

Казни стрельцов и грозная опала, поразившая царских сестер в октябре 1698 г., еще более сделали царицу осторожною в отношении к Петровским реформам; не отрешаясь вполне от святой для нее старины, она в то же время делала ряд уступок требованиям нового времени, и делала это не по принуждению, а единственно из желания сохранить расположение монарха. Так, мы у нее рано встречаем гостей-иностранцев. Подобно царицам, своим предшественницам, она любит в 1697 г. на въезд посольства римского императора в Кремль из окон дворца, а в 1698 г. имперский посол посещает ее со свитой в с. Измайлове. Царица-помещица весьма радушно принимает иноземцев. "За послом, — описывает этот визит его секретарь, Корб, — следовали музыканты, чтобы гармоническую мелодию своих инструментов соединить с тихим шелестом ветра, который медленно стекает с вершины деревьев. Царицы, царевич и неза-

¹ Воспоминание о подмосковном селе Измайлове. М., изд. 1837 г. — О хозяйственных заведениях в с. Измайлове, статья А.Малиновского в "Землед. Журнале", М., 1824, № 11. — Также "Русск. Старина в памятниках зодчества", Москва, ч. 4.

² Устр., т. III, с. 156.

мужние царевны, желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведут они в этом волшебном убежище, часто выходят на прогулку в рощу и любят гулять по тропинкам, где терновник распустил свои коварные ветви. Случилось, что августейшие особы гуляли, когда вдруг до их слуха долетели приятные звуки труб и флейт; они остановились, хотя возвращались уже во дворец. Музыканты, видя, что их слушают, стали играть еще приятнее. Особы царской крови, с четверть часа слушая симфонию, похвалили искусство всех артистов"¹.

Между тем подрастали дочери царицы Прасковьи. Первоначальное обучение их, вероятно, было вверено одной из так называемых дворцовых "учительниц", или мастериц, на обязанности которых лежало преподавание грамоты малолетним царевнам. Прасковья Федоровна на этот случай уже заблаговременно запаслась книгой. В 1693 г., "по ея изволению и повелению", иеромонах Карион Истомин, составитель учебников для царевича Алексея Петровича², поднес царице Прасковье второй экземпляр "Букваря славенороссийских письмен со образованиями вещей и со нравоучительными стихами", писанный красками и золотом³. Букварь этот, по обычаю, перечитывался, конечно, столько раз, что царевны выучили его наизусть.

В чем вообще состояло их обучение, мы можем только приблизительно составить понятие из общего состояния первоначального воспитания в тогдашней России. Изучение русского языка заключалось в чтении и письме, и особенно в чтении всякого письма рукописей. Далее полагалось чтение Библии и Нового Завета. Хотя грамматики появились в России очень рано, но правила изучались больше практически, как было удобно учителю; в правописании, прежде всего, требовалось как "ять" с "естем" различать и где какие ударения ставить. Сообщались также кое-какие сведения из истории и географии, но, конечно, в крайне извращенном и отрывочном виде. Каллиграфия заключалась в копировании писанных прописей, состоявших из кратких двустушии нравственного и религиозного содержания. Мы не в состоянии сказать, преподавалась ли целиком вся эта премудрость царевнам, или только отчасти, за неимением положительных данных. Одно несомненно, что они воспитывались в "страхе", так как строгость и розга

---

¹ Дневник Корба, изд. под нашей редакц., М., 1868 г., с. 183.

² Карион Истомин, кроме того, написал в 1700 г. "Домострой" в подражание "Домострою Сильвестра", найденный акад. А.Ф.Бычковым и помещенный в "Летописи Занятий Археографич. Ком.", изд. 1862—1863, вып. II, Спб., 1862 г.

³ Пекарский "Наука и литература при Петре Великом", т. I, с. 172—173.

считались первейшими педагогическими средствами. Розге писались панегирики чуть ли не во всех азбуковниках XVII века, и даже стихами¹.

В скором времени при дочерях ее в качестве учителя немецкого языка и гувернера является заезжий немец Иоган-Христофор-Дитрих Остерман, старший брат знаменитого впоследствии кабинет-министра². Но это близкое родство с человеком замечательным не отразилось на уме Иогана-Христофора. Это был немец бездарный, ни к чему не способный³. Петр не употребил его к какому-либо важному делу, и даже Андрей Остерман, при всем своем значении, не находил возможным дать ход Иогану. "Старший Остерман, — так отзывались люди, близко его знавшие, — был величайший глупец, что не мешало ему, однако, считать себя человеком с большими способностями, вследствие чего он всегда говорил загадками. Жил он очень уединенно и не пользовался уважением"⁴.

Но он был немец, немец молчаливый, важный, преисполненный сознанием собственного достоинства; немцы были в ходу, немцы были в силе, немцы считались воспитателями наследника престола, и всего этого было достаточно для Прасковьи, чтоб вручить воспитание дочерей Иогану. Насколько в нем было педагогических способностей — Прасковья не могла знать; а Петр, не успевавший приглядеть за обучением собственного сына, не имел времени полюбопытствовать о воспитании племянниц. При них был немец — мать и дядя, а более всего сам наставник, были спокойны и довольны.

Но, кроме немца, для полного развития дочерей необходим был француз, и царица позаботилась принаять в 1703 г. французца Стефана Рамбурха.

Рамбурху обещано 300 рублей в год с тем, чтобы он всех

---

¹ Приводим здесь для образчика начало одного из подобных панегириков:

Розгою Дух святыи детище бити велит,
Розга убо ниже мало здравию вредит,
Розга разум во главу детям вгоняет,
Учит молитве и злых всех встягает;
Розга родителям послушны дети творит,
Розга божественнаго писания учит и пр.

Стихи эти помещены целиком в любопытной статье Д.Л.Мордовцева: "О русских школьных книгах XVII в.". См. "Чтения М. Общ. Ист. и Др. Российск." 1861 г., кн. 4.

² Генрих-Иоган-Фридрих Остерман был представлен царице своим братом педагогом. "Как тебя зовут?" — спросила Прасковья. — "Генрих, — отвечал немец, — сын Ивана". "Итак, — продолжала Прасковья, — ты должен называться Андреем Ивановичем".

³ Russische Günstlinge. Тюбинген, 1809 г., с. 83—85.

⁴ Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même.

трех царевен "танцу учил и показывал зачало и основание языка французскаго". За аккуратное вознаграждение учителя поручился Остерман.

Новый наставник, как видно из собственноручных его писем, знал французский язык довольно плохо, но это не мешало ему обучать царевен в течение пяти лет, до 1708 г. "Зачало и основание французскаго языка" не привились царевнам: ни одна из них не овладела языком настолько, чтоб писать, даже и объяснялись на нем плохо. Что же касается до танцев, то к ним они оказались положительно неспособными, в особенности царевна Прасковья, с малолетства девушка слабая и болезненная; живее и подвижнее была Катерина.

Кто был виноват в неудачах царевен — они ли сами, попечительная ли мамаша, или учителя — неизвестно; известно только то, что учителям стараться было не из чего. Рамбурх в течение пяти лет ни разу не получил следуемого жалованья, не увидел его и потом после "долголетних докук царице, царевнам и государю"¹.

Бедному французу было трудно что-нибудь получить от бережливой царицы; только одна ревность к церкви и ее служителям вызывали Прасковью на подарки духовенству и церковные вклады. Таким образом, спальник царицы, Юшков, лицо близкое, выбранное царевной Софьей, по поручению госпожи, развозил дары святителям: Димитрию, Ростовскому²

---

¹ Его жалобы и челобитные в Госуд. Арх. при Мин. Ин. Дел. Каб., II пол., книга 65, л. 726; кн. 69, л. 118 и 119. Стефан Рамбурх пережил со своими мольбами о выдаче ему заслуженного, еще в 1703—1708 гг., жалованья царицу Прасковью и еще в декабре месяце 1723 года, т.е. после ее кончины, — бил челом императору Петру:

"В прошлом 1703 г., — писал учитель "танцевального искусства и поступи немецких учтивств", — зачал я, по указу, со всякою прилежностью танц учить их высочествам государыням царевнам, племянницам вашего императорскаго величества, которым служих до 1708 году, и того пять лет. А за оные мои труды обещано мне жалованья по 300 рублей на год, к чему представляю во свидетели господ Гуйзена и Остермана, которые тогда их высочествам и язык немецкой учили. Однакож принужден после десятилетних моих докук в Москве дом мой оставить и приехав в Санкт Петербург, непрестанно просил о выдаче моих денег ея величества блаженныя памяти государыни царицы Прасковьи Федоровны, которая изволила ото дня до дня отлагать, а после смерти ея величества бил челом и ея высочеству государыне царевне герцогине Мекленбургской (Екатерине Ивановне), которая не изволила жь мне никакое удовольствие учинить" и пр.

² Др. Рос. Вивлиоф., издание второе, т. XVII, с. 67. В записках Димитрия Ростовского, между прочим, отмечено: "20 января 1708 г. в Ростове была благоверная государыня, царица Прасковья Федоровна, а с ней была Ирина Володимировна Курбатова с Имеретинским царевичем" и пр.

митрополиту, Ицларону Суздальскому, епископу Ростовскому Досифею и другим.

”Великой государыне, благоверной царице и великой княгине, Прасковье Федоровне, ваш государский богомолец, смиренный Дмитрий, митрополит Ростовский, всесвятаго Бога моля, челом бьет”¹.

”Во известие тебе, великая государыня, благоверная царица и великая княгиня, Параскева Федоровна, доношу, что октября 18 дня от вашей государской пресветлости спальник Василий Алексеевич Юшков в Ростове вашу государскую милость мне возвестил и жалованье: преизрядныя водки в четырех сосудах стеклянных, именуемых бутылках, и капусту красную три кочана объявил и вручил. Аз же, смиренный, таковую вашу государскую к себе милость и выше именованное жалованье приях, благодарственно и смиренно челом бью. И кушаю во здравие, про ваше государское здравие. И за сие ваше государское милостивое ко мне, богомольцу вашему, жалованье долженствую аз о вашем государском многолетнем здравии премилостиваго Господа Бога молити всегда”.

Вообще надо сказать, что царица обменивалась письмами со многими представителями именитейшего духовенства; но эти письма ограничивались уведомлением о посылке того или другого гостинца и просьбой благословения и молитв. Иерархи за первое благодарили, благословляли — и обещали молиться. Впрочем, попадаютя и в этой корреспонденции письма довольно интересные. Так, напр., в 1708 г. царица ходатайствовала у Дмитрия Ростовского за одного попа, пособника раскола. Вот что отвечал святитель 9 ноября того же года:

”Изволила ты, государыня, по милости своей милосердствовать о отставном вдовом попе, Давиде, села Курбы, дел его не ведая, чтоб ему прощenu быть и на своем месте жить по-прежнему. И я, богомолец ваш, вашему царскому величеству о том попе творю известно, что тот поп, уже тому назад прошло годов два, как он от Курбовской церкви отставлен, а священства не отлучен, аще и достоин был отлучения, и велено ему постричься, в коем себе избрет монастыре, понеже грамота государская у нас есть, чтоб вдовых попов постригать; и по той грамоте постричься ему велели. А на его место того ж часа поставихом попа иного, иже и до ныне тамо священнодействует без порока. А вдовый поп отставлен по правилам за его неистовство и раскольническое противление церкви нашей православной, и за хуление книг новоисправных, и развращение людей простых в прелесть раскольническую, и за лживыя его

¹ Год и число неизвестны. Др. Рос. Вивлиоф., т. XVII, с. 69.

чудеса, и хуление на чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Тольской, о чем все подробно розыскивали. Был в то время в Ярославле боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, и был при нем тот розыск; сам розыскивал, и обрелася того попа во всем виновность; и велел боярин не держать такового развратника, и святотатца, и хульника. Судивше убо, отставихом его от церкви; обаче милосердствуя о нем, аще и мне много было от него досады, пред многими бо люди хуля мое смиренное имя, нарицал меня еретиком, и римлянином, и неверным, и многими браньми лаятельствуя, обаче все то ему прощая Христа ради моего: иже укоряемый противу неукоряше, и стражда не прещаше. Взирая на незлобие Спаса моего, тому попу простих и священство не запретих, и дал ему волю избрати себе где место в монастыре, в коем либо постричься. А ныне, государыня, когда его паки на прежнее место в село Курбу пустить, то где сего, который ныне тамо служит поп, определить? Как его отставить безвинно? Однако утешити виноватаго, а неповиннаго плакать заставить праведно ли будет? А к тому и гнева Божия на себе боюся, егда волка, в одежде овчей суща, пушу в стадо Христово погубляти души людския раскольническими ученьми. Еще же и государева гнева опасаяся, аще грамоте его, государевой, вдовых попов постригать повелевающей, ослушен буду. Молю убо, ваше царское благородие, не положите гнева на мя, богомольца своего, что не могу соделати вещи невозможной. Аз же, грешный, на того попа гнева не держу и не ишу его, и запрещения ему от меня нет; а принуждения к иночеству нет же, как он себе хочет. Овца, не слушающая пастыря, волку корысть, а я чист от погибели его. Вашему же царскому величеству низко кланяюся”¹.

Весьма вероятно, что царица ходатайствовала за этого человека под влиянием некоторых покровителей раскола. Известно, что двоюродный дед ее, боярин Салтыков, монах Сергей (ум. 1655 г.), был ярый расколуучитель и оставил учеников². Дворецкий и служитель этого боярина, Исаия, был поборник раскола, совращал многих, был любимец и полновластный распорядитель имений господина. По словам своих поклонников, Исаия ”за множество разума и за доброе ревности двором всем не только был любимец и присный советник господина, но и самому царскому величеству за благоразумие познаваем бляше...”.

¹ Др. Рос. Вивлиоф., 1791, т. XVII. Дневные записки св. Дмитрия, митрополита Ростовского, с. 66–68. М., 1791 г.

² Он был один из сильнейших и замечательнейших заводчиков раскола. ”Сиглитик царя Алексея (так повествует историограф раскола Денисов) Салтыков столько был смел, что даже в присутствии самого царя торжественно защищал двуперстный крест”.

Не менее глубокое уважение питала Прасковья к Иову, митрополиту Новгородскому. "Всеблаженнейший и всепреподобнейший архипастырь, — писала к нему царица, — в Дусе же святем любезнейший наш отец и сладчайший учитель, преосвященнейший-кир-Иов митрополит великого Новаграда и Великих Лук. Желание души моея, да всемогущая и вседержавная триипостасная благодсть Божия сохранит ваше преосвященство благополучно, мирно, здраво, душеспасительно и многолетно!"

"При сем возвестую вашему архипастырству, по обещанию моему: послала я вашей святине с Аароном епископом Корельским 100 рублей денег на строение пятибратскаго Созоненскаго (Соколенскаго) монастыря; благоволи принять, во удобное строение того монастыря, по твоему рассмотрению, то наше подаяние истощити, а о умедлении сея присылки не позазри, понеже вестно вашему преосвященству, что уже не ныне и не только, но сугубо обещала дати, а умедлила, надежду имея на виц-губернатора Корсакова¹ и об отдаче к нему и писано, но он сего не учинил, не ведую для чего; а сугубое достальное толикое ж число желаю прислати или с собою привезу, аще Бог изволит и жива буду в грядущее лето".

"Прошу вашего преосвященства, да не оставлена буду аз и дщери мои в ваших архипастырских святых молитвах".

"Еще прошу, надеясь на вашу архипастырскую духовную любовь: пожалуй, батюшка, не прогневайся на Аарона епископа за укоснение езды его из Москвы; — истинно неоднократно мы его удерживали; но он аще и немало печален был о разлучении вашего архипастырства, но исполняя наше повеление, не дерзнул чрез наше слово отъехать. Паки просим, по своему благому состоянию, отпусти ему сей долг. Многогрешная, припадая к стопам твоим святительским, о молитвах прошу. Царица Прасковья. Из Измайлова, 14 февраля 1714 г."²

Одно уж это письмо показывает, в каких близких и дружественных сношениях находилась Прасковья с представителями именитого духовенства.

Пересылалась она с ними письмами, посылала подарки, ходатайствовала о епископах, попах да диаконах, наконец, ездила к ним сама на поклон — молить о благословении да внимать их вещему слову.

Между прочим, царица зачастую посещала уважаемого ею

¹ В списке, напечатан. в изд. "Чтения Москов. Общ. Истор.": "на вид губернатора Корыхова".

² Этот документ сообщен нам в 1859 г. М.П.Погодиным и несколько рознится, в некоторых отдельных словах, с текстом того же письма, напечатанным по другому списку в "Чтениях Москов. Общ. истории и древн. российских" 1860 г., кн. III, смесь, с. 128—129.

митрополита Иллариона Суздальского; ездил к нему, в сопровождении своих дочерей, с дарами и поклоном, в Спасокукоцкую и Золотилловскую обители. В один из таких приездов царица долго беседовала с уважаемым старцем, обнаруживала беспокойство о будущей участи своих царевен и просила за них молиться.

В ответ на это преосвященный, в прозорливость и дар пророчества которого верила паства, верила и Прасковья, предсказал царевне Анне высокую участь: престол и корону.

Нет ничего удивительного, что Прасковья, с малолетства обиходившая видеть, среди даже родственников, фанатиков, зачастую прибегавших к чудесам и чародейству для распространения своего учения, невольно сохраняла слепую веру в предсказания и во все чудесное. В низеньких покоях ее обширного дома, в толпе челядинцев, особенно первое время, по словам Татищева, нами уже приведенным выше, не только были терпимы ханжи, пустосвяты и всякие уроды физические и нравственные, но некоторые из них почитались чуть-чуть не за святых; в обычном штате благоверной государыни были гадальщицы и пророки. В последнем звании, как мы уже упомянули выше, состоял между прочими отставной подьячий Архип Тимофеич; у него целовали руки, просили благословения, ждали вещего слова и каждому бессмысленному изречению придавали какое-то таинственное, во всяком случае, священное значение. При посещениях Петра мнимых пророков убирали в дальние чуланы; но всех скрыть было нельзя, и они давали повод монарху к частым насмешкам. "Двор моей невестки, — говаривал Петр, — госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов".

Но царица умела ему угодить в другом, была к нему предупредительна, во многом делала уступки, и Петр снисходил к ее предрассудкам. В глазах Петра невестка его имела уже ту заслугу, что держалась вдали от его крамольных сестер и опостылой жены и была на его стороне, была близка к его родной и всегда любимой сестре, добродушной и веселонравной царевне Наталье Алексеевне.

В декабре 1702 г. царь Петр праздновал в Москве торжество побед Шереметева над шведами; празднество, между прочим, ознаменовалось церемониальным входом войск с царем во главе и в сопровождении пленных шведов. Из окон одного частного дома любовалась на торжество царица Прасковья Федоровна с царевной Натальей Алексеевной, со множеством русских и иностранных господ.

На праздниках царь Петр приказал знатнейшим русским господам и господам, в числе 300 человек, явиться в Измайлово в 9 часов утра. То же предписано было иностранным послам,

некоторым купцам и женам их, так что всего набралось до 500 челов. Каждому предложено было поднести царице Прасковье праздничный подарок, в виде серебряной или золотой вещицы. Подарки записывались в особую книгу, с обозначением имени дарившего; затем их отдавали одной из царевен, которая при этом позволяла целовать свою руку. Большая часть гостей после этого разъехалась по домам, остальных пригласили к обеду, после которого была пляска до полуночи¹.

Прасковья Федоровна отблагодарила царя тем, что, отрешившись от старых обычаев, вместе с тремя дочерьми и царевной Натальей Алексеевной являлась в Немецкую слободу и, между прочим, была на свадьбе одного из приближенных Петра. Свадьба праздновалась в доме Лефорта. Это было большое каменное здание в итальянском вкусе, в которое входили по лестнице с правой и левой стороны. Здесь были, по тому времени, великолепные комнаты и большая зала с богатыми обоями; для вящего украшения в зале расставлено было множество серебряных и вызолоченных сосудов, взятых из казны. Свадьба праздновалась два дня сряду, так что часть гостей, которых было до 500 человек, осталась ночевать в Немецкой слободе в домах, назначенных царем, чтобы на другое утро явиться вовремя на пир.

Первый день прошел довольно чинно, мужчины и женщины сидели особо. Родная сестра Прасковьи, Настасья Федоровна, в качестве супруги князя-кесаря Ромодановского, которому, по приказу царя, воздавались царские почести, изображала из себя царицу и с комическою важностью восседала одна, на возвышенном месте за решеткою. В последний день гости обоего пола пировали вместе, и большая часть дам, в том числе племянницы царя, явились в немецких платьях. После пира были устроены танцы.

Покончив с необычными увеселениями, Прасковья Федоровна вернулась в Измайлово. Там застал ее иностранный живописец де Бруин, которому Петр поручил написать портреты трех племянниц.

Де Бруину царица Прасковья показала моложе своих лет. По его словам, она была тогда, в 1703 г., довольно дородна, но имела стройный стан, и ее почти можно было назвать красивою. Особенно очарован был живописец обращением царицы: и она, и дочери не раз сами подносили вино; за обедом ему подавалась рыба, несмотря на великий пост. Портреты, на которых

---

¹ Путешествие чрез Московию Корнелия де Бруина в 1702—1703 гг. "Чтения Москов. Общ. Истории и древностей Российских", издание 1872 г., кн. Ц, с. 52—53, 108.

царевны были изображены в немецких платьях, очень понравились царице; она подарила живописцу кошелек с золотом и просила нарисовать для нее вторично портреты ее дочерей, так как первые были сданы Меншикову, по приказу царя.

Таким образом, де Бруин довольно часто бывал в Измайлове и однажды приехал туда в такое время, когда там справлялось новоселье в деревянной пристройке для царевен. Ждали и царское семейство. В первой комнате, по случаю новоселья, пол был устлан сеном; направо стоял огромный стол, уставленный большими и малыми хлебами, принесенными по случаю справляемого торжества; на некоторых были щепотки соли, на других — серебряные солонки. Стены комнаты вверху над окошками и дверьми были украшены семнадцатью иконами. Брат царицы, Василий Федорович Салтыков, с священниками и вельможами, находился в конце комнаты, где служили мелебен; царица, со множеством дам, во время службы, стояла в третьей комнате.

Из угождения государю решила царица Прасковья променять свое привольное Измайлово¹ на неизвестный и едва ли любезный для нее Петербург. Она не могла не знать тех неудобств и лишений, с которыми неминуемо сопряжена была столь дальняя поездка по сквернейшей дороге в страну болотную, полудикую, бедную, вконец опустошенную продолжительной войной; но толковая женщина не могла не видеть, что городок, возникающий из этих болот, есть любимое создание Петра, и она долгом считала выполнить указы, неоднократно повелевавшие именитым москвичам переселяться на берега Невы.

24 августа 1706 г. происходило погребение любимой тетки государя, царевны Татьяны Михайловны; между прочими членами царского семейства шла Прасковья с старшей дочерью Катериной; вся процессия была в "печальном, смирном платье, со свечами"².

После печальной церемонии сборы в дорогу усилились; но они не могли быть скоро конченными, так как все почти царское семейство разом подымалось на переселение³. Только 22 марта 1708 г. бесконечные вереницы колымаг, повозок и под-

¹ Кстати заметить, что Прасковья была очень встревожена 25 февраля 1700 г.: "Часу в третьем случился пожар, загорелись ее хоромы, — пожар с нуждой удержан". Письмо Ф.А. Головина к Петру I. Государ. Арх. Собрание писем Петра Великого.

² Чин погребения цар. Татьяны Михайловны в Др. Рос. Вивлиоф., изд. I, ч. IV, с. 352—367.

³ 1708 года марта — в день, по указу государеву, была на постельном крыльце сказка: велено ехать царедворцам по домам с Москвы, а первой статье велено быть на Москве. Марта в 22 день с Москвы изволили пойтить в Петербург царевны, также и бояре с женами. Желябужский, изд. 1840 г., с. 240—241.

вод с царицами, царевнами, боярами и боярынями, с громадной прислугой и обозами с вещами потянулись в Петербург по дороге, едва проложенной.

При всех неудобствах дальней поездки, она не могла быть особенно скучна ни для царицы, ни для царевен; они ехали в большой компании; тут была царица Марфа Матвеевна, вдова царя Федора, сестры Петра; царевны Наталья, Марья и Федосья; князь Федор Юрьевич Ромодановский, Иван Иванович Бутурлин и множество именитейших сановников.

Конец путешествия совершен был водою из угождения царю, страстному любителю путешествий водою.

20 апреля 1708 г. в Шлиссельбурге бесконечная флотилия встречена была державным хозяином. "Я приучаю мою семью к воде, — говорил царь Петр Апраксину, — чтоб не боялись впредь моря, и чтоб понравилось им положение Петербурга, окруженного водой. Кто хочет жить со мною, тот должен бывать часто на воде".

В Шлиссельбурге, вследствие дурной погоды и льда, шедшего из Ладожского озера, государь пробыл с гостями пять дней¹, показывая им все, достойное внимания, и заботясь об устройстве торжественной встречи. Флотилия с царицами и царевнами, вновь встреченная государем, приплыла к столице 25 апреля 1708 г. Дорогие гости приглашены были в губернаторские старые хоромы, бывшие при въезде в город. Лишь только приезжие стали подыматься из буеров, в городе грянул залп, другой, третий, загремела пальба: то Петербург ликовал, принимая царственное семейство. В губернаторском доме загорелся пир горой; веселились довольно и только за полночь разъехались по домам пьяные гости и гости. Царица с дочерьми осталась ночевать в губернаторском доме.

Путешественницы, утомленные дорогой и пиром, крепко и долго спали. В десятом часу утра их разбудил крик: "Пожар, пожар!". Губернаторский дом, довольно ветхий и деревянной постройки, был охвачен пламенем. Все бывшие в доме спаслись; но большая половина верхнего жилья сгорела со многими вещами и пожитками².

Государь поспешил познакомить гостей с своим обширным хозяйством; он водил и возил их по городу, обращал внимание на все постройки, на новые и проектированные улицы, площади, каналы. Отрекомендовав столицу, Петр плавал с гостями в Кроншлотт; наконец, изъявил желание, чтоб они проводили его

¹ "Русский Архив". 1875 г., кн. III, с. 60.

² Журнал 1708 г. Достопам. повествов. о Петре I Нартова (Москвит., 1842 г., ч. VI, № 11). Журнал Петра I, изд. 1770 г., ч. I, с. 150, 151, 154.

в Нарву, откуда он должен был ехать для военных операций в Смоленск. Царская фамилия выехала 25 июня 1708 г., монарх знакомил их с местностью (отрадного в ней было мало); хвалился новосозданными крепостцами, Копорьем да Ямбургом; в Нарве отпраздновали приезжие день ангела государя. Молебны, пушечная пальба, огненные потехи — все было как следует. На другой день государь поехал далее, а царицы и царевны вернулись в Петербург, в то время не укрепленный еще за нами Полтавским боем.

Прасковье с дочерьми отведен был дом в полную ее собственность, едва ли не ее же людьми выстроенный на Петербургской стороне, недалеко от крепости, вверх по Неве, близ Петровского домика. На этом берегу жил государь; недалеко был деревянный дом князя Меншикова, с виду похожий на церковь, мазанковые дома канцлера Г.И. Головкина, вице-канцлера Остермана, барона Шафирова и других знатных лиц, русских и иноземцев¹.

Петербург представил новоприезжим непривлекательное, но весьма любопытное и оригинальное зрелище. На обоих берегах красавицы-Невы ежедневно вырастали из болот деревянные, мазанковые, а мало-помалу и каменные домики; вытягивались амбары, госпитали; разбивались лавочки, образовывались гостинные дворики, возникла торговля. На одном из подобных дворов, на месте нынешней Троицкой площади, царица и ее дочери могли видеть самые разнохарактерные и разноязычные толпы народа. Пред окнами ее дома текла роскошная Нева, покрытая сотнями стругов из Ладogi, Новгорода и других городов, с товарами и съестными припасами.

Если быстро возникали домики да лавки, то частенько и исчезали они в пожарах. Так, напр., в 1710 г. Прасковья была свидетельницей сильного пожара, дотла уничтожившего соседний гостиный двор. Пожар не обошелся без грабежа, вследствие чего пепелище скоро украсилось четырьмя виселицами. На них, по жребию, из 12 человек осужденных вздернули четверых.

Невеселое и недешевое житье было в Петербурге, особенно первые годы по переселении. Город и его жалкие окрестности были опустошаемы пожарами, моровою язвою, наконец, голодом, так как за неустройством путей сообщения подвоз провианта был крайне затруднителен и цены на все стояли непомерные. Волки забегали в дома, скот падал, люди, опухшие от голода и холода, мерли до такой степени, что в городских домах

---

¹ "Описание С.-Петербурга в 1710—1711 г." Спб., 1860 г., с. 15—17, 56—58, перепечатано в "Русской Старине", изд. 1882 г., том XXXVI, с. 33—60, 293—312.

да в избах окрестных деревень оставалось в живых не более двух-трех душ.

Прасковье не легко было содержать большую дворню трудно подвозимыми припасами; пожары да наводнения пугали ее немало, и нет сомнения, воспоминание о дорогом Измайлове не раз отравляло для нее петербургские удовольствия. Тем не менее должно было покоряться необходимости: царица находилась в прямой зависимости от государя; ей дорога была его милость — и тем дороже, что надо было пристраивать подраставших дочерей.

Судьбу своих царевен Прасковья благоразумно предоставила Петру, а тот распоряжался племянницами сообразно с планами своей политики. Желания и нежелания царевен не могли входить в расчет ни матушки, ни дядюшки: первая выросла в сознании необходимости невольного брака, а последний хотя и освободил царевен от теремного заточенья, но настолько, чтоб они не выходили из-под его власти и предоставляли ему распоряжаться их жизнью.

III

Царевна и герцогиня Анна Ивановна

...Государыня моя тетушка...

содержи в своей неотменной милости: ей, ей, у меня краме тебя, свет мой, нет никакой надежды!.. (матушка моя, царица Прасковья) гневна на меня; и мне, свет мой, печална, што нас мутят... и ни чем не могу радоваца; толка радуюсь, матушка моя, твою милостью к себе... Попроси, свет мой, милости у дарагова Государя нашева, батюшка дядюшка, оба мне, штоб показал милость; мое супружественнае дела ко окончанию привести, дабы я болше в сокрушении и терпени от моих зладеев ссорю к матушке не была... неснозна, как нами ругаютца! Если бы я таперь была при матушки, чаю бы чуть была жива от их смутак...

...Ей, ей, матушка, моя дарагая тетушка, краме Бога и дядюшки, и тебя, свет мой, не имею на свете радости в моих печалех...

Анна к царице Екатерине. 4 июля 1719 г. и 26 февр. 1720 г.

Первый жених сыскался для царевны Анны Ивановны в лице молодого герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма, племянника короля Прусского.

Об этом браке говорено было еще в октябре 1709 г. на свидании Петра с королем Прусским в Мариенвердере. Дело было тут же улажено, оставалось герцогу посвататься. Дорожа могучим соседом, герцог не заставил себя долго ждать, и в июле 1710 г. его уполномоченные заключили супружеский договор. После ратификации договора герцог получил приглашение приехать в столицу, куда и прибыл в сопровождении фельдмаршала Шереметева в августе 1710 г.¹

---

¹ Переговоры о браке шли с 1709 г. Герцог писал Петру письма, благодарил царя за его милости и умолял вывести русские войска из Курляндии. "Ваше Величество, — писал герцог, — возымели над мною милость меня сыном своим восприяти; того ради ублажаюся вашею отеческою милостивою опекою о благосостоянии моем, во всем, а особливо в том, что благодумное любочестие возымеете очищением скоро последующим моих пределов и прав, которые по неповоротному моему убытку от короны Свейския, по сие число удержано было меня впоследи обрадовати..."

Государь принял его с необыкновенным радушием; царевна Анна, по убеждению матери, написала к нему любезное письмо на немецком языке, чем заявляла успехи своего обучения у Остермана-старшего; наконец, Прасковья Федоровна угостила на славу дорогого гостя. Жених довольно близко сошелся с членами царского семейства; вместе с ними принимал он участие во всех пирах, церемониях и празднествах. В сентябре в честь герцога произведены были всем флотом маневры. Государь развлекал Фридриха то фейерверками, то пальбой, то катаньем в обществе дам, то гулянками в среде дорогих собутыльников. Между ними герцог явил несомненный талант — пил до невозможности; чуть не заливался он русским пенником, а 10 декабря 1710 г. едва не погиб, но не от пенника, а от невской воды: в ночь, при сильном морском ветре, поднялась страшная буря; вода выступила из берегов и между прочими строениями едва не унесла тот дом, где мирно почивал жених из Курляндии¹.

Мы не имеем вполне достоверных данных, по которым могли бы объяснить, почему выбор герцога упал не на пухлую, бойкую, румяную царевну Катерину, а на смуглую, угрюмую и рябоватую Анну. Позволяем себе только догадываться, на основании некоторых фактов, что со стороны герцога выбор не был про-

---

Между женихом и невестой также шел обмен писем. Царевна Анна писала герцогу: "Из любезнейшего письма вашего высочества, отправленного 11-го июля (н. ст.) я с особенным удовольствием узнала об имеющемся быть, по воле Всеверхняго и их царских величеств, моих милостивейших родственников, браке нашем. При сем не могу не удостоверить ваше высочество, что ничто не может быть для меня приятнее, как услышать ваше объяснение в любви ко мне. С своей стороны уверяю ваше высочество совершенно в тех чувствах, что при первом сердечном желаемом, с Божьею помощью счастливом личном свидании предоставляю себе повторить лично, оставаясь между тем, светлейший герцог, вашего высочества покорнейшею служницею"*.

В таком же тоне и, разумеется, на немецком языке писано герцогу от имени царицы Прасковьи и князя Меншикова.

10 июля 1710 г. был заключен брачный договор, по которому сверх одежды, данной в приданое, клейнод и пр., царевне назначено 200 000 р. деньгами. Из этой суммы 160 000 шли герцогу заимообразно на выкуп заложенных его имений, которые служили герцогине вместо заклада. Она и ее служители могли свободно справлять богослужение, и для того "будет одна церковь по греческому украшению устроена". Дети мужского пола должны были воспитываться в "евангелической лютеранской вере", а дочери — в греческой. Если бы герцог умер без наследников, то вдова имела получить достойное вдовское жилище и замок и по 40 000 р. на год на пропитание.

¹ О наводнении см. Журнал 1710 г.

---

* Выписки из дел Госуд. Архива при Министерстве Иностранных дел. — Büsching's Magazin, т. IV.

изволен. В герцоге не было ничего такого, что могло бы вызвать большую симпатию Прасковьи. Царевна Катерина была любимицей матери, снискала особенное расположение дяди, — и вот царица и царь решились обождать для нее нового и, может быть, более удачного жениха.

Впрочем, и настоящая свадьба послужила достаточным предлогом для нескончаемого ряда празднеств: и дневных и ночных, и на земле и на воде. По свидетельству современника, "невероятное" число пороха растрачено было при этом, так как каждый тост, — а им не было числа, — сопровождался 11 пушечными выстрелами.

Свадьба назначена была 31 октября 1710 г. За несколько дней о ней оповестили с большими церемониями. В день свадьбы, в девять часов утра, сам государь в качестве обер-маршала, в сопровождении знатнейших кавалеров, на шлюпках отправился к Прасковье. Впереди гремел хор немецких музыкантов; на средней барже красовался царь — в алом кафтане, с собольими отворотами, серебряной шпагой на серебряной портупее и орденом св. Андрея на голубой ленте. На голове вместо шляпы был напудренный парик, а в руке большой маршальский жезл, у которого на пестрых лентах висела кисть, украшенная золотом и серебром.

А между тем в доме царицы все уже было готово: невесту окружали мать, сестры, царевны-тетки и знатнейшие русские дамы, все в нарядных немецких платьях.

По прибытии государя, после обычных церемоний, присутствовавшие особой процессией отправились к шлюпкам, где и разместились по церемониалу. Здесь дамы оставались, пока расторопный обер-маршал не привел к шлюпкам жениха и его свиту. Все уселись. Музыка гремела по-прежнему, и флотилия из 50 разукрашенных судов полпыла вниз по реке к палатам князя Меншикова.

И плыла флотилия, и шли высадившиеся лица на берегу не иначе как по особому установленному церемониалу. Невеста была в белой бархатной робе, с золотыми городками и длинной мантией из красного бархата, подбитой горностаем; на голове красовалась богатая королевская корона. Герцог был в белом, затканном золотом кафтане.

При входе во двор дома рота преображенцев отдала честь при звуках музыки. Обряд венчания совершен был архимандритом Феодосием Яновским в полотняной походной церкви, поставленной в хоромах Меншикова. Архимандрит объяснил по-латыни жениху сущность обряда, но при совершении его нашел нужным опустить некоторые церемонии.

После венчания все отправились обедать. Столы были накры-

ты в двух великолепно убранных залах. В первой зале, где ныне церковь Павловского военного училища, за свадебным столом сидели новобрачные под лавровыми венками; напротив сидели сестры невесты, мать-царица, сестры царя и несколько дам; остальные гости — а их было не мало — разместились также починам да разрядам, и пир, искусно управляемый неутомимым обер-маршалом, пошел обычной чередой. Царь был очень весел; тост сменялся тостом, и каждый раз заздравное питье было сигналом залпа из 41 пушки, размещенной на плацу (ныне плац Павловского военного училища) и на яхте "Лизете", которая красовалась на Неве.

Обед сменился танцами; открылся бал во вкусе того времени, с трубками, пивом, водкой, штрафными кубками, которые, придавая развязность гостям, заставляли их смелей да смелей выделять все антраша немецких да французских танцев.

Дамы и кавалеры были неутомимы; только в третьем часу пополудни прекратился бал. Новобрачные сели за стол, уставленный конфетами и винами; после чего царица Прасковья отвела Анну в спальню, куда вскоре сам государь проводил молодого.

На другой день — другой пир. Перед обедом государь сорвал венки, висевший над герцогом; последний должен был сделать то же самое с венком молодой, но никак не мог сладить: руки ли отказывались ему служить после тостов, или венки в самом деле были крепко связаны, — как бы то ни было, но герцог нашел нужным разрезать его ножом.

При украшении столов Петр явил обычный ему юмор: так, на главных столах возвышались два громаднейшие пирога, четвертей в пять. Когда прочее кушанье было снято, государь вскрыл пироги и ко всеобщему восторгу и изумлению из них выскочили две разряженные карлицы. Петр отнес их на свадебный стол, и здесь, по его приказу, карлицы исполнили минуэт. Между тем тосты продолжались, пальба гремела чаще и чаще; затем начались танцы; а с наступлением вечера сожжен был на Неве фейерверк с разными аллегорическими фигурами. Огненной потехой распорядился сам Петр, на этот раз, впрочем, не совсем удачно: он едва не поплатился за неосторожное обращение с огнем.

По домам разъехались ранее вчерашнего, и герцог с молодой опочили не в палатах Меншикова, а в своем доме.

2 ноября 1710 г. пастор герцога благословил брак проповедью, а в следующее воскресенье молодой угостил пиром обер-маршала, маршалов, родню жены и всех именитых лиц¹.

¹ Журнал 1710 г. Подробности брачной церемонии Анны Ивановны

Но этим не кончились пиры да забавы, вызванные свадьбой царской племянницы. Государь хотел досыта распотешить герцога Курляндского с его свитой да потешиться и самому с приближенными.

Потехою послужила устроенная царем публичная свадьба карлика Екима Волкова. На эту свадьбу свезли из Москвы и других мест, за несколько сот верст, 72 карлы и карлицы, отобрали их от дворов и дворишков царицы Прасковьи, царевен, бояр и боярынь, которые, вслед за высочайшим двором, имели обыкновение держать шутих, дураков, дур, карлов и карлиц.

14 ноября 1710 г. при всем царском семействе и большом стечении публики, в крепостной церкви совершено было бракосочетание карлы и карлицы. Все мелкие обряды, весь порядок процессии до венца, самое венчание и после него все чины свадебные были исполнены надлежащим образом.

В церкви жених на вопрос священника: хочет ли он жениться на своей невесте? — громко отвечал: "На ней и ни на какой другой". Невеста на вопрос: хочет ли она выйти за своего жениха и не обещала ли уже руки другому? — отвечала: "Вот была бы штука!" Ее "да" чуть можно было расслышать, что возбудило всеобщий хохот. Царь Петр, в знак особенной милости, держал венец над карлицей-невестой. После венчанья все отправились на шлюпках к дому князя Меншикова, и в той же зале (нынешняя церковь Павловского военного училища), с теми же церемониями, при той же обстановке — при каковой была свадьба герцога Курляндского с племянницей русского государя — ныне пировали маленькие уродцы; герцог и герцогиня были в числе именитых зрителей.

Впрочем, и зрители были не без дела: усевшись вокруг столов, так расставленных, чтобы отовсюду видны были карлики и карлицы, гости ели, пили, шумно говорили и хохотали, с любопытством следя за суетней уродцев. Их угощал, как и на свадьбе племянницы, сам государь.

Тосты провозглашались в обычном порядке, и шутовское собрание осушало громадные кубки до дна, не уступая в этом самым великорослым людям.

Глядя на эту странную потеху, действительно, нельзя было не найти в ней, как находит это Крузе, историк Курляндии, род

см. в современном и правдивом описании С.-Петербурга. Описание это, относящееся к 1710—1711 годам, напечатано в Лейпциге в 1713 г.; издано в русском переводе Императорскою Публичною Библиотекою: "Описание Спб. и Кроншлота в 1710—1711 гг., перевод с немецкого с примечаниями. Спб., 1860 г.". Второе издание "Описания" см. в "Русской Старине" изд. 1882 г. т. XXXVI.

сарказма на брак незначительного принца с принцессой могучего государя. Но проникнуть в тайные мысли Петра нет возможности, и мы, не имея ключа к ним, должны остановиться на том, что преобразователь потешался просто из страсти к потехам — "искусство для искусства", не придавая шутовской свадьбе никакого серьезного значения.

После обеда карлики очень весело танцевали по-русски до одиннадцати часов ночи; карлицы были в немецких платьях и своими прыжками и кривляньями вдоволь натешили именитых зрителей. Общий восторг овладел даже немцем I.G., который и сохранил для нас эти интересные подробности в своей — ныне чрезвычайно редкой — книжечке "Описание С.-Петербурга 1710—1711 гг."; впадая в какой-то лирический пафос, заезжий немец восклицает: "Трудно представить себе, какие тут были прыжки, кривлянья и гримасы! Все гости, в особенности же царь, были в восторге, не могли навеселиться, и смотря на коверканье и ужимки 72 уродцев, хохотали до упада. У иного были коротенькие ножки и высокий горб, у другого — большое брюхо, у третьего — ноги кривые и вывернутые, как у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой рот и длинные уши, или маленькие глазки и расплывшееся от жира лицо!.." и т.д.

Постель новобрачных была устроена в опочивальне его царского величества. Государь, кажется, до конца хотел проследить все явления интересного зрелища.

Как ни интересно оно было для любознательного монарха, считавшего себя знатоком в изучении человеческого естества, но результат первой ночи молодых был довольно плачевный (по крайней мере, для них): молодая умерла осенью 1711 г. в страшнейших мучениях от родов, а муж впал в распутство и умер позже своей невольной супруги.

Столь же несчастлив был и другой брак, брак не карлов по росту, а карлов по значению: брачная жизнь Анны Ивановны продолжалась с небольшим два месяца. В январе 1711 г. она отправилась с мужем в Митаву, но 9 числа, в сорока верстах от Петербурга, на мызе Дудергоф, молодой герцог скончался. На основании некоторых известий, он умер от непомерного потребления крепких напитков, которыми так заботливо угощал его сам Петр и все петербургские сановники.

Смерть мужа, по изволению Петра, не должна была переменить место жительства Анны. Она лишь на некоторое только время возвратилась к матери, жила в Петербурге, ездила в Измайлово¹. Волею-неволею, но для политических видов дяди племянница должна была, однако, поселиться в Митаве и окру-

¹ Пекарский: биография Анны Ивановны в Энциклопедическом словаре, 1862 г., кн. IV.

жить себя немцами: не напрасно же она училась у Дитриха Остермана.

Впрочем, Митава предназначалась не для одной Анны; из письма Петра сенату от 16 апреля 1712 г. видно, что он думал водворить там все семейство покойного брата.

”Понеже невестка наша, — писал Петр, — царица Прасковья Федоровна с детьми своими в скором времени посдет отселе в Курляндию и будет там жить; а понеже у них людей мало, для того отпустите к ним Михайлу Салтыкова с женою, и чтоб он ехал с Москвы прямо в Ригу, немешкав”.

Отъездом, однако, в Курляндию, хотя бы только и в гости к дочери, царица Прасковья не торопилась, и в 1712 г. мы ее встречаем действующим лицом на весьма важном акте, именно на свадьбе царя Петра с Екатериной Алексеевной. Брак был совершен в Петербурге, рано утром, в деревянной церкви Исакия Далмацкого, находившейся между нынешним памятником Петру и адмиралтейством. Посаженною матерью была царица Прасковья Федоровна, а ближайшими девицами — ее дочери: Катерина и Прасковья.

Еще накануне Кикин и Ягужинский посланы были приглашать ”на старую свадьбу” его величества. Гостей было не особенно много, и никого не принуждали пить вино в большом количестве. Вечер заключился балом и фейерверком.

В 1713 г. мы встречаем краткое известие, что ”по указу царицы Прасковьи Федоровны взяты из комедии, обретающихся близ Никольских ворот... 20 преспективных картин” для домашнего театра ее величества, потому что новых, по недостатку времени, сделать было невозможно¹.

К царице Прасковье и ее семье приезжала и гостила по несколько времени царевна Анна. В 1714 г. мы ее видим гостьей в селе Измайлове, куда часто наезжала ее маменька из немилого Петербурга. Но этот приезд был несчастлив для царевны; она долго и сильно хворала, так что задерживала возврат царицы в Петербург. Страшась, дабы не прогневались государь с государыней за невольную просрочку, Прасковья спешила попросить кабинет-секретаря Макарова замолвить за нее слово.

”Алексей Васильевич, — писала мать Анны, — здравствуй на множество лет. Пожалуй донеси невестушке, царице Екатерине Алексеевне, ежели мой поход замешкается до февраля или до марта, чтоб на меня какова гнева не было от царского величества; во истинно, за великими моими печальями. А печаль моя та, что неможет у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла 13 недель каменною болезнью, о том и ты известен. А ныне

---

¹ Пекарский. Наука и литература при Петре В., т. I, с. 427—428.

лежит тяжкою болезнью горячкою; — а ежели им угодно скоро быть и я, хотя больную, повезу; и ты пожалуй, отпиши ко мне, как их воля мне быть, чтоб мне их не прогневить. Да еще прошу, пожалуй моему человеку Андрею Семенову денег на что понадобится к моему делу; при сем остаюсь царица Прасковья. Измайлово. 15 декабря 1714 года.”¹.

Судьба Анны и в разлуке постоянно озабочивала мать. Старушке многое не нравилось при дворе царевны; во многом желалось перемены, и она смело обращалась к царю с различными просьбами. Вот одна из них неизвестного года и места подачи, но прямо относящаяся до дел царевны Анны:

”1. Правительствующий сенат, не получа указа именнаго из походу, никакого денежнаго вспоможения на пути моей царевны учинить не хочет, о чем прошу указу к тому сенату.

2. Из моей определенной дачи, как вам известно, бывшую мою царевну отпуская, всячески ее снабдевала, и посуду серебряную с нею отпустила; а ныне мне того учинить мочи нет.

3. Соизволили писать ко мне, что в Курляндии все ей, царевне моей, определено; а чем ей там жить и по обыкновению княжескому порядочно себя содержать, о том именно не означено. Прошу о подлинном того всего себе уведомлении: из вашей ли казны, или сподданых того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей?

4. Извольте меня подлинно уведомить, чтоб мне и моей царевне впредь, из какого недознания, какой неугодности вам не учинить; что ей, царевне, будучи в том княжестве, по примеру ли прежних княжен вести себя и чиновно дворство содержать, или просто?

5. Чтоб мне дозволено было самой проводить царевну мою до места на время, и потом в нужные случаи ездить к ней и видеться, чтоб при такой ея новости там во всем отпасть и управить.

6. Карет и лошадей мы берем на должовных людей, по тамошнему чиновному порядку; также ей, царевне моей, без особой дачи исправить нечем. Прошу на то об указе.

7. Повелите ли отчины дать царевне моей по тамошнему старому обыкновению имать из тамошняго ж шляхетства, по пристойности дела.

8. Прошу вседокучно, по своей крайней милости и по своему слову, переменить оттуда прежняго гофмейстера, бывшего прежде при царевне моей, который там весьма несносен, и тем нас не опечалить; а быть на его место впредь иному, кому вы соизволите.

¹ Каб. дел. II пол., кн. XXXI, л. 1037.

На сие всепокорно прошу о милостивом вашем решении и об отповеди к себе, чего я и моя царевна здесь ожидать будем, и для того нарочный с тем в поход до вас от меня послан”¹.

Гофмейстер, возбудивший неудовольствие царицы, несносный для нее, был Петр Михайлович Бестужев. Государь сам назначил Бестужева к курляндскому двору как человека расторопного и весьма деятельного исполнителя его распоряжений. Герцогиня, столь рано потерявши мужа, оказывала к Бестужеву самое теплое расположение. “Не можно оправдать Анну Ивановну в любострастии, — пишет кн. Щербатов, — ибо подлинно, что бывший у ней гофмейстер Петр Михайлович Бестужев имел участие в ея милостях...”² Но если кн. Щербатов, вообще снисходительный к Анне Ивановне, не решался оправдывать ее связи, то эта связь делалась преступлением в глазах матери. Прасковью, прежде всего, поражало в этом деле своеволие дочернего выбора, и она преследовала ее упреками, а венценосного свояка постоянными просьбами удалить Петра Михайловича Бестужева.

Просьбы эти большею частью шли чрез руки Екатерины Алексеевны. Насчет ее в народе и промеж солдатства ходили разные толки. “Не подобает как монаху, так и ей, — говорили некоторые, — на царстве быть: она неприродная и нерусская, и ведаем мы, как она в полон взята, и приведена под знамя в одной рубаше и отдана была под караул, а караульный наш офицер надел на нее кафтан: она с князем Меншиковым его величество кореньем обвела” и пр.³ Не один только простой народ, первое время многие бояре и боярыни, наконец, сестры государя с недоброжелательством смотрели на возвышение безвестной немки; но царица Прасковья в этом шекотливом деле держала себя весьма осторожно: судить да рядить о фаворитке не бралась и рано догадалась, как надо себя держать. Как сама, так и чрез дочерей своих царица рано начала заявлять полное уважение к Катерине: поздравляла ее с торжественными днями и событиями, молила о милостивом слове, искала милостивого расположения. Подобное обращение, особенно в первое время по возвышении Катерины, не могло не нравиться последней, и она постоянно благоволила к умной царице. Это благоволение выражается во многих письмах к Прасковье, писанных от лица неумевшей писать Катерины. Вот, например, ответное

¹ Гос. Арх. Каб. дел., Ц, пол., кн. 92, л. 428—429.

² “О повреждении нравов”, напечатано по подлинной рукописи историка кн. Щербатова в “Русской Старине” изд. 1870 г. (третье издание), т. I.

³ Доношение дьячка Федорова на отставного капрала и волоколамского помещика Кобылина. “Чтения в общ. истории”. М., 1860, кн. II. Смесь, с. 21.

от ее имени письмо на известную уже нам и на другие в том же роде просьбы царицы Прасковьи:

”Государыня моя, невестушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лет купно и с любезными детками своими!”

”Письма вашего величества чрез присланного вашего Никиту Иевлева исправно дошли, на которыхя доношу. Об отправлении в Курляндию дочери вашей, ея высочества царевны Анны Ивановны, от его царского величества уже довольно писано к светлейшему князю Александру Даниловичу; и надеюсь я, что он для того пути деньгами и сервизом, конечно, снабдит, ибо его светлости о том указ послан. А когда, Бог даст, ея высочество в Курляндию прибудет, тогда ненадобно вашему величеству о том мыслить, чтоб на вашем коште ея высочеству, дочери вашей, там себя содержать; ибо уже заранее все то определено, чем ея дом содержать, для чего там Петр Бестужев оставлен, которому в лучших городах, а именно: в Либаве и Митаве всякие денежные поборы для того нарочно велено собирать. Что же в. в. упоминаете, чтоб для того всю определенную сумму на ваши комнаты на будущий на весь год взять и на расходы употребить в Курляндии для тамошняго житья, что я за благо не почитаю, ибо я надеюсь, что и без такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, может там прожить: а к тому же я надеюсь, что, при помощи Божией, и ея высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха съищет, и тогда уже меньше в. в. будет печали. Что же о Бестужеве, дабы ему не быть, а понеже оный не для одного только дела в Курляндию определен, чтоб ему быть только при дворе вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для других многих его царскаго величества нужнейших дел, которыхя гораздо того нужнее, и ежели его из Курляндии отлучить для одного только вашего дела, то другия все дела станут, и то его величеству зело будет противно. И зело я тому удивляюсь, что в. в. так долго гневство на нем имеете, ибо он зело о том печалится, но оправдание себе приносит, что он конечно учинил то не с умыслу, но остерегая честь детей ваших, в чем на него гнев имеете (?). Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевне Анне Ивановне Андрею Артамоновичу (Матвееву) или Львову, и те обязаны его величества нужными и великими делами. А что изволите приказывать о пажах, чтоб взять из школьничков русских, и я советую лучше изволите приказать взять из курляндцев, ибо которые и при царевне Екатерине Ивановне русские, Чемесов и проч., и те гораздо плохи”.

”О деревне в Рижском уезде для тамошняго бытия вашего величества со временем у его царскаго величества просить я буду, и о том не оставляю вашему величеству доносить впредь,

ибо еще время на то будет; однакож и ныне писала я от себя к губернатору рижскому, чтоб вашему величеству в рационах на вашу конюшню чинить всякое вспоможение. О прочем довольно писали мы с Авдотьей Воейковой, также и словесно приказывали с Васильем Федоровичем (Салтыковым)»¹.

Царице Прасковье непременно хотелось окружить Анну лицами, выбранными ею самой, более или менее близкими, вроде А.А.Матвеева или Львова; но устроить падение Бестужева было делом невозможным: государь привык к его расторопности и управлял через него всеми делами Курляндии. Царевна Анна была герцогиней только по имени, а отнюдь не по власти; самые мелкие потребности не только герцогства, но и владительницы его удовлетворялись не иначе как с разрешения государя: так, например, доставка Анне некоторых припасов, содержание ее двора, содержание войска, устройство ее дома, оранжерей, даже часть туалетная, мелкие долги и пр. — обо всем этом Бестужев должен был относиться к Петру и ждать его повелений².

Поселение царицы в Митаве при дочери не состоялось. Надо думать, что содержание такой большой семьи, какова была у Прасковьи, с ее двором, показалось бы очень обременительным для курляндских чинов, либо — и последнее вернее — сама Прасковья не пожелала перебираться на житье в немечину, притом к дочери, которую она, как оказывается из некоторых фактов, любила менее других. Тем не менее нелюбимая дочь, с позволения дяди, довольно часто навещала мать. Таким образом, 1714—1715 гг. герцогиня Курляндская гостила у матери и только в марте 1716 г. должна была, по приказанию государя, вернуться в свою резиденцию. В это время Петр, в бытность свою в Курляндии, устроил ее дела, заставил курляндских обер-ратов утвердить за герцогиней назначенные ей деревни и желать, чтоб она поскорей к ним приехала³. Не устраняя нуж-

¹ Гос. Арх. Каб. дел., I пол., кн. 64, л. 736—737.

² Голиков, т. VI, с. 339; т. VII, с. 196. До какой степени государь принимал на себя труд управлять делами и хозяйством племянницы, можно видеть из того, что с его утверждения отправлялась даже водка по особенной росписи. Вот, напр., одна из них: "Роспись, каких водок надлежит ко двору ея высочества государыни царевны и герцогини Курляндской Анны Ивановны: английской одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простого вина 5 ведер. Из Гданских водок: цитронной, померанцовой, персиковой, корицовой — по 1-му ведру". Водку приказано было отпускать по кабачной цене. Гос. Арх. Каб. дел. II пол., л. 435.

³ Впрочем, русская партия в Курляндии была довольно значительная, по крайней мере, были курляндцы, которые считали долгом, во время отлучек герцогини то в Лифляндию, то в Петербург, заявлять официальную свою скорбь. Тогда они получали столь же официальное утешение: "К Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царского величества сентября от 11-го числа дошло, по которому его царское величество о конфузии,

ного ему Бестужева, государь сделал, однако, уступку своей невестке, назначив к Анне гофмейстериною — госпожу Матвееву¹. Великий государь распоряжался иногда очень круто относительно своей племянницы: в 1718 г. она вновь гостила в Петербурге; Петр нашел нужным ее пребывание в Митаве и письмом из Москвы от 26 февраля 1718 г. повелел Меншикову немедленно отправить Анну в Курляндию². Гораздо мягче распоряжался он через жену относительно Прасковьи. Царица гостила некоторое время по вдовстве Анны в Риге, скучала, желала вернуться в родимое Измайлово и просила на то разрешения. Просьба пошла на имя Катерины Алексеевны, и от имени последней, не без ведома царя, прислан был довольно деликатный отказ. Для видов государя нужно еще было пребывание Прасковьи в Риге, и вот секретарь, от имени его жены-царицы, пишет:

”Милостивая государыня, моя невестушка, Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лет купно и с детками своими, моими дорогими племянницами, царевнами Екатериною Ивановною, Анною Ивановною, Прасковью Ивановною”.

”Письмо вашего величества я получила, за которое благодарствую и доношу, что по тому письму о отбытии вашем из Риги я просила, на что получила ответ, что то исполнится. Однакоже ныне еще некоторое время извольте там побыть, и хотя я верю, что тамошнее житье вашему величеству есть не безсучно, паче же убыточно, однако уже малое время там извольте пожить, и прошу ваше величество, чтоб не имели в том прискорбности. Также известилась я, что ваше величество имеете нужду в деньгах, того для доношу: извольте ваше величество на тамошние свои домовные расходы деньги брать у Бестужева, коликое число потребно”.

”Письма твои ровно три до меня дошли, за которыхь вам благодарствую, и объявляю вам, что хотя я довольно о том

учинившейся в Курляндии от отъезда в Ригу ея высочества государыни царевны Анны Ивановны известен; и указал к вам отписать, чтобы вы доброжелательных курляндцев обнадежили в том, что ея высочество имеет возвратиться паки в Курляндию и жить там, и что отъезд ея случился только на время, пока посол польский чрез Курляндию проедет; и более в Риге не будет мешкать, как окончится в Польше сейм”. Гос. Арх. Каб. дел., I пол., кн. 64, л. 162.

¹ Письмо Петра от 22 марта 1716 г.

² 7 марта 1718 г. Анна Ивановна еще была в Петербурге, откуда, уведомляя “государыню тетушку-матушку царицу Екатерину Алексеевну” о здоровье ее детей, писала: “Еще государыня моя матушка, доношу вашему величеству, что братец (Петр Петрович) меня всех лучше жалует, и все изволит тешились со мною, и игрушечки изволит мне показывать”.

Малютка Петр Петрович умер 26 апр. 1719 г.

Любезничанье с малютками в угоду царицы не помогло герцогине. В первых числах апреля 1718 г. ее выпроводили уже в Митаву.

просила, о чем вы ко мне писали, но не могла на то решения получить; однако не извольте о том быть печальны, но некоторое время обождите, ибо нынешнее время до того не допустит, а после, когда Бог даст добрый случай, потщуся то вам исполнить”¹.

Заботливый монарх, повелевая невестке быть там, где он находил то нужным, не считал полезным входить с ней в переписку относительно предположений о новом браке Анны. Брак этот входил в политические планы государя на счет ближайшего подчинения Курляндии России, а в эти планы² не могла, да и не дерзала, вмешиваться старушка. Вследствие различных обстоятельств, планы расстраивались; расстраивались предположения и “концепты” нового супружества. Так, не исполнились переговоры о браке Анны с Иоанном Адольфом, герцогом Саксен-вейсенфальским³, а вслед за тем не состоялся договор и две ратификации о супружестве племянника короля Прусского, Фридриха Вильгельма, маркграфа Бранденбург-Шведского.

Впрочем, нельзя сказать, чтоб царевна Анна, любя обязательного Бестужева, сама бы не желала законного брака. Напротив, в письмах своих то к Екатерине, то к Петру она не раз заявляла желание отдать руку тому, кого благоволит назначить дядюшка. Причина такой покорности для нас делается совершенно понятной, когда мы начинаем ближе присматриваться к жизни царевны-герцогини. Эта жизнь мало представляла для нее отрадного. С одной стороны, полнейшая зависимость от сурового дяди, невозможность куда-нибудь выехать и что-либо сделать без его разрешения; с другой — недостаточность содержания, его не хватало при ее неумении вести хозяйство; наконец, беспрестанная воркотня, упреки да брань матушки, как в письмах, при разлуке, так в устных беседах, при свиданиях, — все это преследовало, все тяготило, все отравляло жизнь царевны Анны Ивановны.

В ее митавском дворце, среди немецкого и довольно безобразного двора, зачастую являлся то надсмотрщик царский, то приезжала свойственница, друг, либо родственник царицы Прасковьи: шпион следил за жизнью герцогини и нередко хулил ее потом при дворе ворчливой старухи-царицы.

Некоторые из этих надсмотрщиков и хулителей весьма интересны, и мы считаем не лишним познакомиться с главнейшим из них — ее родным дядей — Василием Федоровичем Салтыковым.

¹ Гос. Арх. Каб. дел., I пол., кн. 64, л. 131.

² Разбор их, как не имеющий отношения к настоящему исследованию, мы опускаем.

³ См. об этом договоре в письме царя Петра к П.М.Бестужеву, 1717 г. Голиков, изд. второе, т. VI, с. 271–273; т. VII, с. 353.

IV Нежный братец

Жену свою до смерти я убить не хотел, а бил ее своеручно не мучительно за вины ея, за что надлежало.

В. Ф. Салтыков (Письмо 1720 г. в Юстиц-Коллегию)

Василий Федорович Салтыков, брат царицы Прасковьи, был одним из именитейших бояр старого покроя. В 1690 г. государь сделал его кравчим при дворе невестки¹. Прасковья вполне доверяла брату и уважала его, часто гостила у него в Москве и советовалась с ним о всех домашних делах. Схоронив первую жену, княжну Аграфену Петровну Прозоровскую, в 1707 г., кравчий женился на княжне Александре Григорьевне Долгоруковой, единственной дочери младшего брата знаменитого князя Якова.

Новый брак, удовлетворявший аристократическим стремлениям Салтыкова, был, однако, несчастлив. Отношения мужа к жене вполне рисуют перед нами характер нежного братца Прасковьи. В 1718—1719 годах мы видим брачную чету в Митаве. Зачем были они здесь — неизвестно; известно только из жалобы герцогини, что любезный дядюшка вел себя относительно ее крайне непочтительно, даже дерзко; колкими замечаниями да грубым вмешательством во все, нередко до него не касающееся, дядюшка глубоко оскорблял племянницу, не стесняясь тем, было ли то в семейном кружке, либо в публике, так что Анна частенько проливали горькие слезы... Салтыков, частью по поручению сестры, частью из личных расчетов, всячески преследовал обер-гофмейстера Бестужева, требовал

¹ П. В. Долгоруков, Рос. Род. Книга, ч. II, с. 72—73; Голыков XIII, с. 206; Бантыш-Каменский в Словаре достопамятных людей, 1836 г., ч. V, с. 4—6, и Долгоруков в сказаниях о своем роде 1840 г., с. 87, смешали кравчего Василия Федоровича с другим Васильем Федоровичем Салтыковым. Первый умер графом, действ. тайн. сов. и орд. св. Андрея кавалером в 1730 г. 5 октября, а последний, племянник кравчего, умер в 1755 г. ген.-аншефом и ордена св. Андрея кавалером.

у Анны просьбы к царю об удалении ее фаворита, а между тем сам своей семейной жизнью являл соблазн "на всю Курляндию и Польшу".

Не влюбив жену, он преследовал ее попреками, бранью, побоями; когда Александра Григорьевна жаловалась царевне, либо решалась письменно просить защиты у государыни, Василий Федорович снова давал разугл своему гневу и бил княжну не на живот, а на смерть. Не желая разделять с ней брачного ложа, братец царицы завел связь со служанкой, держал ее в "фаворе" публично, слушал наговоры людей своих на жену и позволял им относиться к ней с неуважением. Загнанная, забитая, Александра Григорьевна, если верить ее отцу¹, зачастую мучилась голодом и зачастую падала без чувств от кулачных поучений супруга.

Потеряв всякое терпение, она написала жалобу не только государыне Екатерине Алексеевне, но и самому царю. Сильно встревожилась за брата царица Прасковья Федоровна и отправила ему письмо, в котором проглядывает горячая заботливость об его судьбе:

"Братец, свет мой, пожалуй поберегися, чтобы тебя не извели или бы не убили... она (т.е. Александра Салтыкова) била челом и руку приложила "Васильева, жена Федоровича Салтыкова"; а челобитня писана по прежнему, только прибавки: "хуже-де я вдовы и девки"; да еще пишет: "взял-де мою бабу и живет блудно и бьет челом, блудного дела с тобою разойтится"; ко государю пишет просительное письмо, чтобы он миловал. Надобно тебе быть сюда поскорее; я не знаю что делать на их челобитню: твоя надобна или нет? и без твоей челобитной будто нельзя быть, и без твоей руки не примут; всеконечно надобно тебе быть поскорее, по последней мере, что к царице Екатерине ангелу; а лучше бы поскорее, надеелася... много умиляются за нее и стоят за нее; больше сам знаешь, кто ея друзья..."².

Жена надоедала своеобразному мужу ревностью, слезливостью и постоянными жалобами; сильное желание каким бы то ни было образом развязаться с ней привело однажды супруга к столь горячему с ней объяснению, что Александра Григорьевна, покрытая синяками и ранами, замертво упала на землю. Супругу было некогда возиться с ней: он торопился в Петербург, по призыву Прасковьи, к ней под крыльышко. Василий Федорович бросил жену и ускакал из Митавы, пылая гневом и против жены, и против ее заступницы, герцогини Анны Ивановны.

¹ Гос. Арх. Каб. дел. Ц, кн. XLIV, л. 133; кн. XLVI, л. 89–92; кн. LIII, л. 244–246; Письма герцогини Анны Ивановны, 1719, л. 1–2.

² См. "Русскую Старину", изд. 1872 г., т. VI, с. 563–564.

Действительно, племянница взяла под свой покров забитую тетку; перевела ее в свои хоромы и поручила придворному доктору осмотреть тетенькины раны.

Лечение пошло успешно; княжна стала оправляться, — как вдруг нежный братец Прасковьи прислал жене строгий приказ — немедленно ехать в Петербург. Как ни боялась Александра Григорьевна бешеного мужа, но, ободряемая племянницей, она решилась скрыться в Варшаву, к отцу, действительному тайному советнику и кавалеру, бывшему чрезвычайным посланником и полномочным министром. Затаив намерение от многочисленной дворни, княжна со слезами простилась с царевной, шепнула ей, что непременно поедет в Варшаву, и в сопровождении челяди отправилась в путь.

Князь Григорий Федорович Долгоруков знал и скорбел о страдальческой жизни дочери: предуведомленный ею, он выслал навстречу ей князя Шейдякова¹. Посланный встретил страдальицу в жидовской корчме, близ Митавы, на Двине. Он немедленно распорядился, чтоб обоз с вещами и дворней проехал далее в Ригу, а барыню с двумя горничными пересадил в почтовую коляску, заранее приготовленную, сел в нее сам и велел ехать назад. То был обман. Отъехав несколько, Александра Григорьевна, все еще страшась тирана-мужа, написала к нему письмецо. Запуганная и забитая, она и тут не смела заявить свою самостоятельность и причину своего побега сваливала на отца. "При отъезде моем в Ригу, — писала она между прочим, — получила я от отца своего присланных людей; приказал он видеться с собой. Не смела воли его преслушать; а когда изволите мне приказать быть — я готова. Не надеюсь я вашего за то гневу, понеже имела давно от вас позволение. А что мое платье и другое осталось по отъезде вашем из Митавы, и я ничего не взяла". Вручив Марье Волковой, одной из своих служанок, письмо к мужу, Александра Григорьевна приказала ей ехать в Петербург, а сама беспрепятственно продолжала путь в Варшаву, куда и прибыла еле-еле живая от физических и душевных страданий.

Вид дочери жестоко огорчил старика-отца. Пылая мстостью за оскорбление чести дочери, за оскорбление в лице ее всей именитой фамилии маститый старец, министр и воин, искал правды и суда у великого государя.

"Высокодержавный царь и всемилостивейший государь, — писал Григорий Федорович, — ваше величество, милосердуя о народе своего государства, изволите непрестанно беспокойно трудиться, чтоб оной из прежних азиатских обычаев вывести

¹ Гос. Арх. Каб. дел., II пол., кн. LVI, л. 195—200.

и обучить как все народы христианские в Европе обходятся. Того рода изволили высоким своим указом всем милостиво воспретить, чтоб никто, не зная женихов, как прежде было, не ходили замуж. Зная это, зять мой Василий Салтыков, зная дочь мою, своею волею женился и оную немалое время имел, как и прочие мужья, в своей любви; и потом ни за что, токмо по наговору своих людей, которые и с прежнею его женою, також для своего интересу, чтоб оным всем его владеть, ссорили. Для чего какою немилостию обратился, и в такой немилости и в руганчи от людей своих оную содержал, и безвинно бил, и голодом морил, и такое бедное мучение и гонение терпела, чего и описать невозможно, что не токмо жене, ни последней подданной сироте снести было не мочно; однако она, привращая его к прежней милости, все то чрез натуру терпела, и тем пуще сердце его ожесточила, так что не боясь Бога и всенароднаго стыда, в Митаве хотел убить (ее) до смерти; и так мучительно бил, что запертую кинул, и притом токмо напамятовал, для чего о несчастливом своем житье доносила всемилостивейшей государыне, царице Екатерине Алексеевне, и для чего от него прочь пойдет. А потом, что было ее — все ограбил. И так теми своими барбарскими поступками не токмо Курляндию и Польшу безчестно наслушил, и в Петербург отъехал; а как потом уведал, что еще жена его в кровавых ранах с живыми обретається, то велел людям своим из Митавы больную к себе везть, что уже была и повезена. И видя она последнее свое житье, принуждена была с дороги из Риги ко мне в Варшаву уходить, и свой несчастливый живот спасать. Того ради, упавая до ног вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, что мне от него, Василья Салтыкова, не быть в поругании, и чтоб несчастливая собственная моя дочь не была отдана ему в прежнее мучение, и жить бы оной в моем доме. Тако ж за ее помянутое терпенье не токмо ее сущее приданое возвратить, но и из его недвижимаго оную милостиво повелели наградить, дабы она, несчастная дочь моя, в вечных слезах имела себе пропитание, понеже муж ее не токмо хуже вдовы, но и последней сироты учинил, ибо от нея не токмо счастье, радость, здравие, но и честь на веки отнял. Вашего величества низайший раб, князь Григорий Долгоруков.”¹

Нельзя не заметить, что челобитная написана искусно: в ней видна рука опытного старца-дипломата; особенно мастерски написано вступление, в котором министр ловко льстит одной из слабейших струн Петра, его страсти к преобразованиям.

¹ Гос. Арх. Каб. дел., II пол., XLIV, л. 133.

Старый придворный, послав челобитную к своему повелителю, в то же время спешил побить челом и государыне: Екатерина обыкновенно была посредницей в семейных распрях тогдашней аристократии. Отец просил у нее дозволения оставить при себе дочь; монархиня, не без ведома мужа, соизволила разрешить, и князь рассыпался в благодарностях.

”15 сентября 1719 года. Варшава. Премилостивая, великая государыня, царица Екатерина Алексеевна! — писал Долгоруков. — Вашего величества ко мне отправленное из С.-Петербурга высокомилостивое писание от 10 июля, я здесь чрез почту всеподданнейше получил, из котораго с великою радостью усмотрел, что ваше величество не токмо ко мне недостойному, и к последней своей рабе, к бедственной дочери моей, свою высокую милость не по заслуге простирать изволите, и быть оной несчастливой при мне соизволяете, за которую милость навеки ничем заслужить невозможно, и не смел бы повторительно сим моим дерзновенно трудить ваше величество. Токмо обнадеживает и придает мне смелость ваша высокая милость к бедственной дочери моей, которую милостию не токмо во всех бедах своих всегда радовалась и от немилости и мучения безсовестнаго мужа своего защищалась. К тому ж усиленно принуждает меня натуральная отеческая нетерпеливость, смотря на сиротство и непрестанная слезы, и на тиранския раны и увечье несчастливой бедной моей дочери, которую безсовестный муж ея непрестанно не токмо лаял и бил, и людям своим ругать велел и голодом морил...” Далее сановник, все более и более раздражаясь при воспоминании об обидах дочери, повторяет известные нам подробности о поведении Салтыкова, о заботах царевны Анны, наконец о бегстве дочери в Варшаву... ”Упадая под ноги вашего величества, — заключал князь челобитье, — слезно прошу сотворить со мною высокую свою милость, дабы несчастливую дочь мою на прежнее мучение и убийство и мне на поругание и безчестие к безсовестному мужу ея не отдавать. А что она принесла за собою в приданое, не токмо то ея сущее возвратить, но и из его недвижимаго, за ея напрасное мучение и терпение, для оной пропитания милостиво приказать наградить, чтоб она в вечных своих слезах голодом не умерла, понеже муж ея не токмо оную всю ограбил, и счастье, радость, здоровье, но и честь от оной безвинно навеки отнял, и сделал не токмо хуже вдовы, но и последней сироты. О чем я рабски чрез свою нижайшую суплику и у его царскаго величества слезно милости просил. В чем на высокую вашего величества милость, как на Бога, надежду имею, что по своему ко всем сирым милосердию, бедственную дочь мою в высокой своей милости, для сего рабскаго слезнаго прошения оставить не изволите.

Вашего величества низжайший раб, князь Григорий Долго-руков”¹.

Между тем нежный братец успел уже ”намутить” пред Прасковьей насчет царевны Анны, ее домашнего быта, двора и ненавистного ему и царице Петра Бестужева. Прасковья стала гневаться на дочь, не отвечала на ее письма, либо отвечала упреками, писала сухо... Анна Ивановна огорчалась гневом матери, кроме того, ее смущала мысль: может быть, гневается на нее, по наговорам В.Ф.Салтыкова, и державный дядюшка с государыней. Она трепетала за себя, трепетала еще больше за то, что у нее, чего доброго, отнимут наконец гофмаршала. В минуты тяжкого раздумья герцогиня была неожиданно обрадована письмом от государыни (т.е. от ее секретаря). Катерина Алексеевна спрашивала царевну о житье-бытье, предлагала свое пособие, наконец, просила сообщить подробности о поведении Салтыкова в Митаве. Как велика была радость Анны Ивановны, можно заключить из ее длинного послания. Оно выведено собственноручными каракульками на большом листу серой бумаги порыжелыми чернилами; помещаем письмо буквально:

”Из Митавы, 4 день июля 1719 году. Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексеевна! здравствуй, государыня моя, на многия лета вкупе с государям нашим батюшкой, дядюшкой и с Государынями нашими сестрицами”.

”Благодарствую, матушка моя, за милость вашу, што пожаловала исволила вспомнить меня. Не знаю, матушка мая, как мне благодарить за высокою вашу милость; как я обрадовалась, Бог вас, свет мой, самое так порадует. Ей, ей, дарагая моя тетушка! я на свете ничему так не радовалась, как нынче радуюсь о милости вашей к себе; и прошу, матушка мая, впредь меня содержать в своей неотменной милости: ей, ей, у меня краме тебя, свет мой, нет никакой надежды! и вручаю я себя в милость тваю матеренскую, и надеюсь, радость мая тетушка, што не оставишь меня в своей милости и до маеи смерти”.

”Исволили вы, свет мой, ка мне приказовать, штоб я отписала про Василья Федоровича. И я донашу: каторай здесь бытнастию своею многие мне противности делал, как славами, так и публичными поступками, против моей чести; между которыми раза стри со слезами от него отошла; а жену он сваю бил безо всякой здешнай причины, толка прежние упоминал, каторыми здешными своими худыми паступками здешных людей весьма удивил. Он же сердился на меня за Бестужева, показывая себя, штоб он был, или хто другой, ево руки, на Бестужева места. И прошу, свет мой, до таво не допустить: я от Бестужева во

¹ Гос. Арх. Каб. дел., II пол., кн. ЦП, л. 244—246.

всем доволна, и в моих здешних делах, очень харашо поступает. И о всех Василья Федоровича поступках писать я не магу; и приказала вам, матушка моя, славами о всем донесть Маврину. И поехал Василей Федоровичь от меня (с) сердцам; мошна было видеть, што он снадеждаю поехал — што матушке на меня мутить. Извесна, свет мой, вам, как оне намутили на сестрицу (Катерину Ивановну). И как он приехал впитербурх, и матушка исволить ка мне писать не так миластива, как прежде исволили писавать; а нынче исволит писать, штоб я не печалилась: "я де не сердита!" а я сваей вины, ей, ей! не знаю, а мошна видеть по писмам, што гневна на меня; и мне, свет мой, печална, што нас мутят. Также как праважал сестрицу (Катерину) Окунев до Мемля и был здесь, и приехал отселя в Питербурх, и он немала напрасна на меня намутил матушке; и чаю, — вы свет мой, таго Окунева исволите знать. И ни чем не могу радоваца; толка радуюсь, матушка моя, твоею милостью к себе. — А кнежна (Александра Григорьевна Салтыкова, рожд. княжна Долгорукова) поехала от меня, и мне сказала тихонка, што поедет ис Риги в варшаву кацу (к отцу)".

"При сем прашу, матушка моя, как у самаво Бога — у вас, дарагая моя тетушка: покажи нада мною материнскую милась: попроси, свет мой, миласти у дарагова государя нашева, батюшка-дядюшка, оба мне, штоб показал милась: мое супружественнае дела ко окончанию привесь, дабы я болше в сокрушении и терпени от моих зладеев, ссораю кматушке не была. Истенна, матушка моя, донашу: неснозна, как нами ругаютца! Еслибы я таперь была при матушки чаю бы чуть была жива от их смутак: я думаю, и сестрица от них, чаю, сокрушилась. Не оставь, мой свет, сие в своей миласте".

"Также исволили вы, свет мой, приказовать ко мне; нет ли нужды мне вчом здесь? Вам, матушка мая, извесна, што у меня ничего нет, краме што с воли вашей выписаны штофы; а ежели к чему случей позавет, и я не имею нарочетых алмазов, ни кружев, ни полотен, ни платья нарочетава: и втом ко мне исволте учинить, матушка моя, по високай своей миласти, из здешних пошленых денек; а деревенскими доходами насилу я магу дом и стол свой в гот содержать. Также определон, по вашему указу, Бестужев сын ка мне обаркамарам-юнкаром; и живет другой год без жалованья; и просит у меня жалованья; и вы, свет мой, как исволите? И прошу, матушка моя, не прогневася на меня, што утрудила сваим писмом, надеючи на милась вашу ксебе. Еще прошу, свет мой, штоб матушка не ведала ничево; и кладусь в волю

вашу, как, матушка моя, изволишь са мною. При сем племянница ваша Анна кланеюсь”¹.

Приведенное нами послание, без всяких объяснений, довольно ярко обрисовывает личность герцогини. Мы узнаем отношения царевны к матери и к Салтыкову, о котором она боится много писать, к царице Екатерине Алексеевне и Петру, своим милостивцам; наконец, из того же письма ясно видны старания царевны снять всякое сомнение с Бестужева, чтоб отнюдь де не вызвали его из Митавы².

Нежная заботливость двадцатипятилетней царевны о 54-летнем любимце и его семействе проглядывает в нескольких письмах. Вот одно из них, которое, как и нижеследующие, приводим дословно, но без сохранения массы грамматических ошибок, так как степень грамотности герцогини Курляндской, Анны Ивановны, — достаточно засвидетельствована вышеприведенным, буквально приведенным, ее посланием; — здесь же сохраняем лишь немногие своеобразности ее письма.

”Митава, 1719 года ноября 1-го. Государыня моя тетушка и матушка царица Екатерина Алексеевна! здравствуй государыня моя на многия лета, вкупе с государем нашим дядюшкой и батюшкой и с государынями нашими сестрицами”.

”Прошу, свет мой тетушка, содержать меня в вашей высокой милости, в которой мой живот, и всю мою надежду, и от всех противностей защищение имею. Еще прошу вашей высокой милости к Бестужевой дочери, княгине Волконской, которая ныне отселе поехала: не оставить ее в вашей высокой милости”.

”При сем матушка моя дорогая, посылаю вашему величеству доскан енътарной, о котором, свет мой, прошу милостиво принять”.

”При сем племянница ваша Анна кланяюсь”³.

Пока бил челом Долгоруков, да писала свою иеремиаду герцогиня Курляндская, нежный братец царицы Прасковьи не оставался в бездействии. Встречая атаку обороной, Салтыков притворился, будто ничего не знает, куда и от чего скрылась его жена, и в мнимом неведении, 7 февраля 1720 г. подал на высочайшее имя объявление.

В нем Василий Федорович обстоятельно рассказывает о том,

¹ Гос. Арх. Письма Выс. особ. Анна Ивановна, 1719 г., л. 1—2.

² Петр Михайлович имел двух взрослых сыновей, почти одноклассников с царевной. Сам он родился в 1664 г., умер в 1743 г. От жены Авдотьи Ивановны Талызиной Петр Михайлович имел дочь Аграфену Петровну, вышедшую за князя Н.Ф.Волконского, и двух сыновей: Михаила Петровича (1688—1760), известного волокиту и льва своего времени, и Алексея Петровича (1693—1766), впоследствии знаменитого канцлера.

³ Гос. Арх., письма Анны Ивановны, 1719 г.

как послал его государь в Митаву состоять при герцогине и как оставил он ее по указу царицы Прасковьи. "При этом отъезде, я приказал жене своей Александре, -- так объявлял супруг, -- ехать за мной в Петербург как можно скорей. Для проводов оставлены были дворовые люди -- Третьяков, Гаврилов, Васильев, Веревкин, жонка Яковлева, да девица Аграфена Иевлева. Все названные служителя, кроме жены моей да служанки, явились ко мне в Петербург. Ни жены, ни девки, ни животов моих, что при них осталось, не оказалось. А куда все они скрылись -- про то я не сведал; ведомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочет со мной в законе жить".

Салтыков просил в заключение о снятии допросов со своих людей: куда и зачем скрылась жена его, куда дела его пожитки и пр. Достойно замечания, что в числе представленных им служителей не было Васильева: он умер вскоре по приезде. Зная тогдашние нравы и характер брата царицы Прасковьи, невольно останавливаешься на мысли -- не испустил ли дух безвестный челядинец под барскими батогами? Не погневался ли на него боярин за недосмотр за беглянкой княгиней?

Но один не в счет -- на смерть Васильева никто не обратил внимания; зато княжеские жалобы не остались втуне. На одной из них царь Петр положил резолюцию: "О сем розыскать и обиженной стороне полную сатисфакцию учинить в Юстиц-Коллегии. А буде за чем решать будет невозможно -- учинить нам доношение". И вот дело потянулось обычным чередом. Одним из первенствующих членов коллегии был Андрей Артамонович Матвеев, друг и свойственник царицы Прасковьи, следовательно, на беспристрастие рассчитывать было трудно.

8 февраля 1720 г. опросили людей; они рассказали известные нам обстоятельства, сопровождавшие побег их госпожи; сняли допрос с Шейдякова. Тот сознался в принятой им на себя командировке от начальника, показал и то, каким образом выполнил он данное ему поручение.

"А тебе, Шейдякову, -- уличал Салтыков, -- без мужниного позволения ни увозить жены, ни ехать с ней в одной коляске не надлежало. По уложению да по артикулу: кто честную жену, либо вдову, либо девку увезет, тот подлежит смертной казни; командирскаго же приказания в столь партикулярном деле слушать не надлежало"¹.

Между тем князь Долгоруков присылал письмо за письмом; в каждом из них он повторял горькие жалобы на бесчеловечное обращение зятя с женой, требовал дочернего развода

¹ Каб. дел., II пол., т. LVIII, л. 138--139.

и возврата ее приданого. Все обвинения тестя Салтыков совершенно отвергал, уверяя устно и письменно, "что жену безвинно мучительски не бил, немилостиво с ней не обращался, голодом ее не морил, убить до смерти не желал и пожитки ее не грабил". Впрочем, скромный супруг тут же, не без наивности, сознавался: "Только за непослушание бил я жену сам своеручно, да и нельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила, к милости меня не привращала и против меня невежнила многими досадными словами и ничего чрез натуру не терпела! Бежать же ей в Варшаву было не из чего, а жалобы князя писаны были, без сомнения, без ее согласия"¹. Последнее предположение Салтыков основывал на письме, присланном к нему женой с дороги; письмо это, как мы видели, мало говорило в пользу ее дела и давало надежное оружие находчивому боярину.

В ответ на показания зятя, кн. Г.Ф.Долгоруков отвечал, что "явную его неправду он, за далеким своим отлучением, ныне обличить не имеет возможности. Ходатая не имею: один был брат, и тем меня Бог за грехи ограбил". Старый князь пока просил государя только об одном: развести его "бедственную дочь, чтоб она на веки во слезах и в животе своем была от мужа безопасна, а мне, видя ея непрестанныя слезы, с печали здесь (в Варшаве) не укоснеть, а от его, Василья, поругания и безчестия безпременно не умереть".

Сила и связи нежного братца были до такой степени надежны, что он стал смотреть на возникшее дело совершенно покойно и даже отшучивался в ответах на обвинения тестя. "Что в челобитье его написано, — говорил обвиняемый, — что иных поступков моих будто и написать невозможно, в том и отвечать мне на то, что в челобитье не написано невозможно..." "Истец же мой, будучи в Варшаве, не ведал подлинно, как жил я с женой в Митаве: видеть и слышать ему из Варшавы в Митаву далеко и невозможно; а невидав да неслыхав, и челобитной писать не надлежало! Что же до того, чтоб возвратить жене ее приданое из недвижимаго имения, то ни из каких указов, ни из пунктов уложения не видно, чтоб мужья награждали жон за уход..."

Отец Салтыковой, князь Григорий Федорович Долгорукий, в письме к императрице, указывая на причины медленности процесса его с зятем, писал: "Всем обидимым милостивая мать! Известно вашему величеству, какая дочь моя от мужа своего нестерпимья обиды и смертныя побои терпела и совсем ограблена и ныне без всякаго милостиваго страждет разсуждения, что еще по сие время не только праваго решения и ни начала по неусыпному моему прошению в ея известном деле нет, когда

¹ Каб. дел. II пол., т. XLVI, л. 89—92, т. LVI, л. 195—200.

многие противные сильные особы людей в пользу его просят и принуждают, а моего никакого истинного прощения принять не хотят и к себе ни с какою истиною меня не допускают; того ради помянутый зять мой в Москве и по деревням всегда ездит и до ныне гуляет и веселится и мне ругается”¹.

Вообще Василий Федорович вел дело так смело, ловко и обстоятельно, что Юстиц-Коллегия единогласно положила: обиженной стороны нет, так как взаимно жалуются друг на друга тесть и зять: обе стороны были истцами. Обвинения князя Долгорукова не доказаны; Салтыков же основательно привел в оправдание собственноручное письмо жены с дороги в Варшаву; из него видно, что она от мужа не отрицается, уехала без его позволения, по приказу отцовскому, а пожитки свои добровольно оставила в Митаве. Вследствие всего этого, — заключала Юстиц-Коллегия, — сего дела без подлинного ответа жены Салтыкова ”рознять” невозможно; нужны ее собственные показания и ее свидетелей; а челобитная отца после ее собственноручного письма к мужу — недействительна; что же касается до развода, того духовного дела Коллегия судить не может. Подписали: Андрей Матвеев. Brewern. Вольф. Иаков Масальский. Стрик и Егор Кушелев. За уклончивым решением Юстиц-Коллегии, дело перешло в синод; но и в нем были либо ставленники, либо угодники царицы Прасковьи и ее именитого брата. Как ни торопил кн. Г.Ф.Долгоруков, что ни писал он то к государю, то к его кабинет-секретарю, ничто не помогало. Самое заступничество царевны Анны Ивановны за его дочь не помогло разводу, а только усилило злобу Салтыкова: его резкие замечания о дворе герцогини Курляндской, найдя опору в царице Прасковье, вызвали государя на строгое замечание ее гофмаршалу. ”Понеже слышу, — писал Петр 22 мая 1721 г. к Бестужеву, — что при дворе моей племянницы люди не все потребные, и есть и такие, от которых стыд только, также порядку нет при дворе, как в лишнем жалованье, так и в расправе между людьми, на которое сим накрепко вам приказываем, чтоб сей двор в добром смотреии и порядке имели;... людей непотребных отпусти и впредь не принимай: виновных наказывай, понеже неисправление взъщется на вас”.

С 1722-м годом пришло время персидского похода: милостивцы князя уезжали; синод в это время мог решить дело не в его пользу — и вот князь Григорий Федорович Долгоруков спешит побить новой челобитной:

”Премилосердая императрица и всем обидимым милостивая мать и государыня! Не смел моим рабским прощением часто

¹ Соловьев. История России, т. XVII, с. 199–200.

трудить его императорское величество, чтоб известное продолжительное дело в Синоде бедственной дочери моей окончилось при вашем величестве. А ныне сомневаюсь, дабы то дело, по отшествии вашего величества, по воле государыни царицы Праскевы Федоровны, в пользу Василья Салтыкова не вершили, что уже у дочери моей из Синода на допрос мужа ея ныне здесь и улика взята; и ежели ваше величество отымите от меня руку своей милости и не изволите архиереям милостиво то дело без себя приказать по правилам св. отец окончить, а паче докторскою сказкою, который дочь мою от бою мужа ея в Митаве лечил, которая взята у онаго под присягою, не по моему прошению токмо, но именному его величества указу для истиннаго в том деле свидетельства, то оное дело и паки безконечно будет продолжаться”.

”О сем припадая к ногам вашего величества, слезно рабски прошу сотворить свою высокую милость, чтобы то дело изволили Синоду ныне приказать окончить, дабы бедственная дочь моя от немилости сильных на веки избована не была. Вашего величества нижайший раб, князь Григорий Долгоруков”¹.

Чем же кончилась эта семейная драма? Кончилась она не скоро. В 1730 г., семь лет спустя после смерти отца, Александра Григорьевна, разведенная наконец с мужем, пострижена, по повелению Анны Ивановны, в Нижегородский девичий монастырь и в том же году схоронила мужа. Действительно ли это пострижение было делом невольным, поступила ли она в монастырь прежде или после смерти своего ”нежного” супруга — неизвестно². Вообще вся тяжба из-за развода для нас важна не столько сама по себе, сколько потому, что ее подробности освещают личность единственного брата царицы Прасковьи. Самоуправство, хитрость, пронырливость, грубость обращения, доходящая до жестокости, — вот главнейшие черты, резко выдающиеся в характере Василия Федоровича Салтыкова. В нем, как мы увидим, много общего с характером царицы Прасковьи; одна личность действовала на другую: характер Прасковьи округлялся и дополнялся свойствами ее нежного брата; нежный братец, наоборот, много заимствовал у сестрицы, а оба вместе — они не могли не действовать на развитие умственных и душевных свойств будущей императрицы Анны Ивановны и герцогини Мекленбургской Катерины Ивановны. Познакомься с Анной, мы не можем оставить без внимания ее сестры — царевны Катерины.

¹ Каб. дел., II пол., LVIII, л. 750.

² Единственным плодом несчастного брака была дочь Аграфна Васильевна Салтыкова, вышедшая замуж за кн. А.Д.Голицына.

V

Царевна Катерина

Катюшка, свет мой, здравствуй... прибуди на табою милость божия и пресветые Богородицы миласердие... А большая мне печаль а тебе... письма твои Катюшка чту и всегда плачу на их смотря... При сем быть натобою мае и отцово благословение.

Писавый мать ваша царица Прасковья

"Свет-Катюшка" была любимицей, баловницей — была отрадой и утешением царицы Прасковьи. Она была старшею ее дочерью и с малых лет, в ущерб сестрам, пользовалась материнскими ласками и самую теплою привязанностью. Катерина не была особенно образована; как ученица Остермана-старшего — Остермана "неудобнаго" ни к какому роду службы и занятиям, — она не сделала, да и не могла сделать, каких-либо успехов. Довольно сказать, что, окруженная немцами-гувернерами, она не выучилась даже свободно говорить по-немецки и впоследствии только понимала этот язык, но изъяснялась на нем неохотно и нехорошо. Итак, не успехи ее привлекли особую любовь матери, не красота — и в ней судьба ее обидела, — но резкое отличие ее характера от характеров младших сестер. В самом деле: сосредоточенная, угрюмая, несообщительная герцогиня Анна, а также вечно больная, уродливая и тупая от рождения младшая царевна Прасковья — и та, и другая резко отличались от старшей сестры.

Благодаря описаниям современников, мы ясно видим пред собой "свет-Катюшку".

Маленькая, преждевременно расплывшаяся до чрезмерности, черноглазая, с черною косою, белолицая — она не была красивой; но зато обращала на себя всеобщее внимание непомерно болтливостью, громким смехом, беззаботностью и особенной способностью говорить все, что только взбредет в ее ветреную голову.

Она рано стала отличать в окружающих ее придворных — среди пажей, деньщиков, секретарей и др. героев — красавцев;

была к ним особенно внимательна, словоохотлива и зачастую отпускала остроты — настолько остроумные, что лэди Рондо, ни слова не понимавшая по-русски, серьезно находила в ней "сатирический взгляд" на вещи.

На ассамблеях и всякого рода пиршествах "свет-Катюшка" танцевала гораздо больше, нежели ее хворые и скучные сестры; вертелась, хохотала, болтала, вызывала и отвечала на шутки впопад и невпопад — и звонкий смех ее постоянно оглашал низенькие, прокопченные табаком и пропахшие пивом и водкой танцевальные покои общественных собраний.

"Катерина Ивановна, — отмечает в своем дневнике камер-юнкер Берхгольц, — женщина чрезвычайно веселая. Она постоянно говорит все, что только придет ей в голову, и потому зачастую выходят преуморительные вещи. "Если 'я буду пред вами бранить Берхгольца, — сказала она мне однажды через переводчика, — стану называть Берхгольца дезертиром и изменником, — то вы не принимайте этого на свой счет. Я браню не вас, а вашего двоюродного брата обер-егермейстера, за то, что он состоит в шведской службе". — Любопытно, замечает при этом составитель дневника, что Катерина Ивановна хотела сказать этим комплимент, но он вышел как-то особенно странен¹.

А все эти странности нравились многим невзыскательным представителям тогдашней аристократии и приводили в восторг нежную маменьку. Она положительно не слышала души в ненаглядной свет-Катюшке — берегла и лелеяла ее пуще всего на свете.

Этот любовью объясняется и то обстоятельство, что, желая подольше удержать при себе старшую дочь, царица Прасковья охотно отдала прежде замуж среднюю.

Катерина была утехой, другом, поверенным всех тайн старушки-матери. Царица нередко через нее обращалась со своими просьбами к государю, через нее заискивала в новой государыне... Эта новая государыня с каждым годом получала все больше и больше значения, больше и больше влияния на частные дела тогдашней аристократии — и старушка всячески торопилась ее задобрить. Таким образом, выполняя желание матери, царица Катерина писала к супруге Петра грамотки, преисполненные самых нежных эпитетов: "предражайшая, прелюбезнейшая голубушка, свет-царица", поздравляла с праздниками и всякого рода торжественными случаями.

---

¹ Берхгольц, ч. II, с. 300. Де Лирия, с. 116. Рондо, с. 45. Лучшие портреты всех трех дочерей царицы Прасковьи находятся в императорской Романовской галерее, в здании Эрмитажа, в Петербурге.

Родилась у государыни дочь Мария — и царевна спешит засвидетельствовать свои радостные чувства, вызванные этим случаем. "За него, — уверяла Катерина, — мы всемилостиваго Бога благодарим, что слышем про ваше здравие, что вас Господь Бог в добром здравии распротал чрез такой ваш дальний путь..." "А в новый год (1714-й), — продолжала царевна, — подай Господи царевича и чего от всего сердца желаем..."¹

И желание, как надо думать, было самое чистосердечное: государыня вскоре, именно 29 октября 1715 г., родила Петра Петровича. Его появление в свет — послужило только к гибели царевича Алексея Петровича. Царевичем Петром Преобразователь решил заменить убытое место наследника престола, но законы Провидения неисповедимы — и десять месяцев спустя после смерти царевича Алексея умер царевич Петр Петрович.

Старшая дочь Прасковьи давно была в летах. Ей минуло 24 года, когда венценосный дядя решил, наконец, пристроить племянницу. За женихами дело не стало. В январе 1716 г. явился к Петру посол герцога Мекленбургского советник Габихсталь. Посол явил грамоту, в которой герцог в самых выпренных выражениях просил руки одной из царевен, царских племянниц, и именно вдовствующей герцогини Анны Ивановны. Государь решил выдать царевну Катерину; брак этот входил в черту его политических планов и соображений².

Со своей стороны герцог Мекленбургский строил на браке с любой из племянниц русского царя большие надежды, рассчитывая, что после этого брака найдет в могущественном государе поддержку своим завоевательным планам.

"Тогда я буду в состоянии всем предписывать законы", — сказал Карл-Леопольд своему обер-маршалу барону Эйхгольцу, который был его главным советником во всех делах.

Эйхголец заметил, что прижитие детей — главная цель брака и что царские племянницы для этого слишком стары. Герцог успокоил своего собеседника уверением, что намерен жениться на герцогине Курляндской, за которой получит славное герцогство.

К царю, как сказано выше, послан был мекленбургский сановник Габихсталь, с поручением просить руки герцогини Курляндской. Желая ускорить сватовство, сам герцог чуть было

---

¹ Герцогиня Анна Ивановна, также рано начавшая, ради своих нужд, заискивать в Екатерине Алексеевне, называла ее, пока положение той при государе не выяснилось, "сестрицей и другом", но со вступлением Екатерины в брак с государем, именует ее "государыней тетушкой, царицей". См. "Переписку герцогини Курляндской Анны Ивановны" М., изд. 1862 г., в IV т. издания: "Письма русск. государей".

² Голиков, изд. второе, т. VI, с. 374, 408—410, 416—417.

не отправился в Петербург, но потом передумал и вместо этого поехал в Штральзунд к царскому любимцу Ягужинскому, чтобы узнать от него о положении дел. При этом свидании герцог вручил Ягужинскому обручальное кольцо и бланкет, что он согласен жениться на той из царевен, которую царь сам назначит. Между тем Габихсталь, не подозревавший, какой оборот приняло дело, продолжал настаивать, чтобы герцогу отдана была герцогиня Курляндская. Тогда царь велел позвать к себе Габихсталя и объявил, что, имея бланкет от герцога, может назначить в невесты любую из племянниц, а если Габихсталь еще будет настаивать на герцогине Курляндской, то будет сослан в Сибирь.

Габихсталю оставалось только молчать.

В тот же вечер государь объявил царевну Екатерину Ивановну невестою герцога Мекленбургского.

Габихсталь написал герцогу о случившемся и сообщил, что сам царь скоро придет в Данциг и привезет с собою царевну.

Эйхгольц, разговаривая по этому поводу с герцогом, изъявил сожаление, что ему не досталась герцогиня Курляндская, а ее сестра, которая еще старше. Герцог ответил на это:

”Что делать! судьба назначила мне эту Екатерину; надобно быть довольным; она, по крайней мере, любимица царицы”.

Но сам герцог не успокоился своими словами и, рассказывая по комнате, наконец, спросил:

”Как ты думаешь, Эйхгольц, хорошо ли это кончится?”

Эйхгольц заметил, что не он давал такой совет и не отвечает за последствия; при этом упрекнул герцога, что он всегда спрашивает совета, а действует по-своему.

Между тем в С.-Петербурге, в день аудиенции посла от герцога Мекленбургского, приступлено было к заключению свадебного контракта. На основании его герцог обязывался, по заключении сговора, — вступить в брак немедленно, с подобающим торжеством, в том месте, какое будет назначено по взаимному соглашению. Ее высочество останется православной, равно как и весь ее русский штат; причем в резиденции своей она будет иметь православную церковь. Герцог обязывался определить на содержание жены и ее штата надлежащее жалование; все придворные чины должны были получать приличное содержание, и стол для ее высочества должен был приготовляться в надлежащие дни постный. На случай своей смерти, герцог обязывался закрепить за женою замок Гистров с двадцатью пятью тысячами ефимков ежегодного содержания.

Что же касается до русского государя, то, в силу свадебного договора, он обязывался снабдить племянницу экипажами, гардеробом и пр., да, кроме того, дать в приданое двести тысяч рублей, буде не удастся силою оружия отнять у шведов город

Висмар с Барнеминдом, отошедшими от Мекленбурга по Вестфальскому миру.

Висмар, лежащий в семи милях от Балтийского моря, некогда принадлежал к славному Ганзейскому союзу и вообще был весьма выгодным постом для морской торговли. Вот почему, имея в виду усиление и упрочение своих торговых сношений с Европою, Петр непременно хотел иметь в сильной крепости Висмар надежное складочное место для русских товаров, на что и мог рассчитывать при закреплении Висмара с его пригородами за первоначальными владельцами, настоящий представитель которых делался его зятем.

Но нельзя сказать, чтоб новый свойственник царской фамилии был человек симпатичный, достойный родства с могущественным домом. Нет, Карл-Леопольд — был тип грубого, необразованного, своевольного и в высшей степени взбалмошного владельца лоскутка Германии.

Начиная с того, что он вступал в брак с русской царевной в то время, когда еще жива была его первая супруга, немка, София-Гедвига, рожденная принцесса Нассау-Фрисландская, с которой он еще не успел развестись, — но он с ней решительно не уживался, точно так же, как не мог ужиться с подданными, в которых видел постоянных заговорщиков на свое имущество, свободу, даже на жизнь. Вследствие этого он их преследовал самым деспотическим образом: хватал недовольных и бросал в тюрьмы, чинил сам суд и расправу и, попирая всякий закон, посылал на эшафот... При сварливости, деспотизме и жестокости, герцог известен был еще скупостью. Любимой его поговоркой было: "Старые долги не надо платить, а новым нужно дать время состариться".

Знал ли Петр о деяниях и свойствах будущего зятя? Нет сомнения, что знал как нельзя лучше; но едва ли смотрел на это строго, а главное — эти неудобства были ничтожны в его глазах пред несомненными выгодами брачного союза. Свадебный договор был подписан обоими представителями своих государей: вице-канцлером Шафировым и советником Габихсталем. Последний в особом сепаратном артикуле обязывался до совершения брака предъявить точное доказательство о разводе герцога с первой женой.

По совершении обручения и сговора — посол герцога Габихсталь имел отпускные аудиенции у всех членов царской фамилии; причем царица Прасковья как хлебосольная хозяйка и мать высокой невесты всячески старалась его угостить. Была ли она довольна брачным договором? Неизвестно, но хочешь или не хочешь, а покориться было надо; она знала крутой нрав Петра: противиться ему было делом не легким. Впрочем,

государь, как всегда, был ласков и внимателен к невестке и еще незадолго до приема мекленбургского посла провел у нее несколько часов в толках и беседе о предстоящем сватовстве немецкой владетельной персоны.

Прасковья убедительно просила государя выдать ее Катюшку замуж не иначе как в своем высоком присутствии; причем просила строго-настрого наказать ее мужу, чтоб он берег жену. Старушка скорбела, что за тяжкими недугами не могла сама быть на торжестве, столь близком ее родительскому сердцу.

27 января 1716 г. она проводила свою любимицу в дальнюю дорогу. Государь с государыней, с племянницей-невестой и с необходимой свитой — выехал из Петербурга в Данциг¹.

Царица Прасковья Федоровна сильно скучала по отъезде дочери, особенно первые два месяца. В это время она пишет письмо за письмом царице Екатерине Алексеевне, бывшей с государем за границу. Извещая ее о здоровье детей, она униженно молит не оставлять "своею милостью" царевну Катерину. Вот для примера одно из таких писем, каковое приводим без грамматических ошибок царицы.

"Государыня моя невестушка и матушка царица Екатерина Алексеевна!"

"Здравствуй, свет мой, на множество лет, купно с Государем нашим общим батюшкой, с царем Петром Алексеевичем".

"Доношу вашей милости: дорогия детки ваши, слава Богу, в добром здоровье. Благодарствую, государыня моя, за писание ваше, чего и впредь желаю слышать чрез писание о вашем общем здравии; а что изволишь писать, чтоб взаимно не покинуть дорогих деток ваших, и мы ради служить — лишь бы что вам было угодно"... "А (о) Катюшке прошу пожалу (й), свет мой! содержать ее в такой милости, как от всюдова слышу превеликую к ней милость; а (о) том, свет мой, еще прошу, што с молодости какая неист (п) рава — пожалуй, свет мой, поучи и покручнисья и побей по такой (т) воей милости. При сем остаюся Прасковья".

(Из) Петербурга.

Жених явился в Данциг 8 марта 1716 г. и здесь впервые увидел свою веселую, бойкую, хохотунью невесту. Первый день их знакомства заключился торжественной ассамблеей у бискупа Варминского, князя Потоцкого; затем последующие дни, вплоть до свадьбы, прошли в осмотре достопамятных замков, местностей, церквей, в посещении музеев; вечера — в театрах и ассамблеях. Нельзя не пожалеть, что до нас не дошли

¹ Подденная записка, изд. 1772 г., т. II, с. 14. Голиков т. VI, с. 98—109, 473—474.

(по крайней мере, в тех бумагах, которые мы пересматривали) письма Катерины к ее матушке. Нет сомнения, что из них мы бы узнали, какое впечатление произвел на нее Карл-Леопольд, насколько полюбились ей его беседа, его наружность, его придворные... В официальных же источниках мы ничего не находим, кроме сухого, безжизненного перечня празднеств и торжеств, в которые погрузилась брачная чета. Празднества были тем великолепнее, что в Данциг съехались не только уполномоченные от венценосных владетелей Дании, Пруссии, ГанOVERA, но явился и сам "великолепный" король Польский Август II. Все они поспешили к Петру, под его знамя, для составления грозного союза против Швеции... И тут, среди политических толков, пересудов и рассуждений, в которых иногда довольно бесплодно пропадало время, они всячески старались щегольнуть перед русским царем великолепными празднествами и пирами.

Но если мало подробностей об этих днях соединения царской племянницы с герцогом Карлом-Леопольдом находим мы в официальных источниках, то в высшей степени интересные данные для характеристики нравов общества той эпохи дает нам в своем рассказе Эйхгольц — обер-маршал и ближайший советник герцога Мекленбургского.

Герцог Карл-Леопольд выслал к царю Петру навстречу в Данциг барона Эйхгольца. В Данциге Эйхгольц милостиво принят был царем и царской фамилией; приглашали его всюду, где угощали царя. Он очень опасался, чтобы герцог, переменив мысли, не отказался бы приехать на свадьбу и чтобы его, посланника, не отправили за то в Сибирь.

Царь ежедневно спрашивал: "Wann kumm (kommt) Herzog?"

Наконец, на седьмой день, герцог Карл-Леопольд приехал и Эйхгольц повел его тотчас к епископу Ермеландскому, у коего царь Петр находился в гостях со всем своим семейством.

При входе герцога царь спросил: "Wo ist Ober-Marchall?" (т.е. Эйхгольц); но сам герцог показался и Ягужинский представил его государю (8 марта 1716 г.).

Царь обнял и поцеловал герцога и подвел его к царице и к невесте, царевне Екатерине Ивановне.

Перед царем (так рассказывает Эйхгольц) его светлость вел себя с большею скромностью и смирением, нежели перед самим цесарским величеством и почти с рабским унижением, а перед царицею и невестою он был хотя вежлив, но холоден, так что Эйхгольц нашел нужным извинить его, сказав обергофмейстерине российского двора:

"Кажется, светлейший жених еще не довольно познако-

мился и от дороги не в веселом расположении духа, но это пройдет”.

В первый вечер герцог довольно понравился царю, потому что Петр не успел узнать его короче, ибо герцог был отвлекаем иностранными и российскими министрами, подходившими к нему с поздравительными приветствиями. Когда сели за ужин, Эйхгольц заметил, что герцог, сидевший подле царя, снова принял свойственный ему холодный и угрюмый вид; он, встав и подошед к герцогу, сказал ему на ухо, чтобы он предложил царю большой кубок за здоровье родителя и сына. Герцог исполнил совет, и царь, приняв тост, поцеловал герцога. Потом Эйхгольц, подойдя к царю, сказал:

— “Ваше царское величество приняли ныне моего милостивейшего герцога за сына и дали ему супругу. Осмеливаюсь и я просить, чтобы и меня ссудили женою”.

Царь, смотря на него, с удивлением спросил по-голландски: “А что, разве ты еще не женат?” Потом, сняв с него парик и посмотрев на него, продолжал:

— “Сверху ты молодец и имеешь хороший ум, но снизу обстоит плохо”.

Эйхгольц, покраснев, замолчал, и когда после ужина начались танцы и царь ему приказал танцевать, он отвечал:

— “Ваше величество меня так пристыдили пред всею компаниею, что я уже не смею поднять глаз ни на одну из дам”.

Царь, смеясь, сказал: “Я ужю найду тебе пару”.

На второй и третий день герцог вел себя изрядно, но на четвертый за ужином возник спор: лучше ли для кавалерии колоть по-шведски или рубить по-русски?

Царь был последнего мнения, а герцог придерживался первого так усердно и упорно, что спор сделался шумным, а Эйхгольца бросало в пот, как Иуду (*Judas-Schweiss geschwitzt*).

Возвращаясь домой, Эйхгольц сказал герцогу: “Ради Бога, ваша светлость, берегитесь! Вы имеете дело с таким государем, с которым надобно обходиться осторожно. Какое вам дело, что лучше: колоть или рубить? Конечно, вы приехали сюда, чтобы колоть, но иначе”.

Герцог отвечал, что заблаговременно должно приучить царя так, как ему нужно.

Начались переговоры касательно брачных трактатов. “Когда граф Горн, — говорит Эйхгольц, — сочинял брачный трактат между покойным герцогом и его супругою, то не имел другого труда, кроме составления выписки из прежних договоров герцогского дома, и за то дали ему 1 000 червонцев и сверх того серебряный сервиз в 5 000 гульденов. Ныне же российские министры и слышать не хотят о прежних договорах герцог-

скаго дома, говоря, что дело идет об императорской принцессе, которую следует иначе обеспечить, нежели прежних герцогинь Мекленбургских. Прежним герцогиням, бывшим не одной веры с супругами, позволялось иметь только одного духовника; русские же требовали содержания архимандрита и 12 человек певчих. Прежним обер-гофмейстерам назначали 500 талеров жалованья; теперь требовали 3 000 и в той же соразмерности жалованья придворным дамам”.

Бедный Эйхгольц по целым дням спорил с Головкиным, Шафировым и Петром Андреевичем Толстым, так что едва не подвергся кровохарканию (*dass er hätte mögen Blut speyen*); а когда по вечерам герцог приходил к царице, то его светлость не упорствовал и соглашался на все требования российских министров. Придворные русские дамы стали так ненавидеть Эйхгольца, что при появлении его громко восклицали: *”Hu Ober-Marschall, Bös(er) Mann! Bös(er) Mann!”*

Но царь Петр Алексеевич, слыша сие, всегда защищал его, говоря: *”Он прав; он делает, что́ государь его велит и соблюдает его пользу”*.

Предложили заплатить герцогу 200 000 р. сер. (по тогдашнему 400 000 талеров), доставшихся Екатерине Ивановне по наследству от родителя ее; но герцог, под видом великодушия, отклонил сие предложение и просил гарантировать ему лучше город Висмар. *”Так, — говорит Эйхгольц, — у нас из-под носу ускользнули 400 000 талеров. Зачем было не взять этих денег в зачет за несправедливые притеснения, претерпеваемые Мекленбургским краем от российского войска!”*

Носился слух, что генерал Адам Вейде и кн. Долгоруков соединятся с корпусом кн. Репнина в Мекленбурге.

— *”Берегитесь, ваша светлость, — говорил Эйхгольц герцогу — чтобы эти русские не пожрали целого Мекленбурга”*.

Герцог отвечал: *”Пустое, они нам ничего не сделают. Нет народа, который довольствовался бы столь малым. Русские едят траву и пьют воду”*.

Это показалось Эйхгольцу не безвероятным, потому что он помнил, какую превосходную дисциплину российские войска соблюдали в 1712 г., причем поддержание этой дисциплины ничего не стоило, кроме лучшего коня из герцогской конюшни со сбруей, купленной в Париже за 1800 талеров, и кошелька с 1000 червонцами, доставшихся в подарок главнокомандующему князю Меншикову. Так и Петр Андреевич Толстой говорил, что войска не требуют ничего, как *”un rосо di rane! un rосо di rane!”*

Между тем, по случаю приезда в Данциг короля Польского, у русских вельмож ежедневно были балы и разные угощения.

По подписании брачных трактатов, герцог, вовсе не думая о совершении брака, избегал присутствия царя, извиняясь разными пустыми предложениями; с невестой обходился он весьма равнодушно и поступал чрезвычайно надменно с российскими вельможами, которым оказывал даже презрение, так что все перестали его любить. Царь скоро узнал герцога, и шведский его наряд, и шведский мундир его людей ему надоели; но, дав уже слово, настаивал на совершении бракосочетания.

Накануне свадьбы (7 апреля 1716 г.) герцог Карл-Леопольд причастился св. Тайн.

8 апреля 1716 г., в день свадьбы, поутру, Эйхгольц, подойдя к кровати герцога, спросил его: "Каково теперь сердечку вашему и чувствуете-ли, ваша светлость, себя спокойным?"

Герцог отвечал: "Да!" — и, встав, оделся по своему великолепию, не забыв большой шведской шпаги на широкой, богато вышитой перевязи. Он не мог отвыкнуть от этой шведской моды, хотя Эйхгольц нередко ему говаривал:

— "Ваша светлость! с кем хотите драться, что всегда изволите носить столь огромную шпагу? Не лучше ли было бы, если б вы одевались одинаково с другими принцами — скромно и без особенного отличия?"

Эйхгольц заметил как странность, что герцог в день свадьбы не надел манжетов.

Герцог в день свадьбы обедал дома. После обеда, в 2 часа, приехал генерал Вейде везти герцога в своей карете к царю, ибо герцог не имел с собою собственного экипажа. Пред ним ехала, в наемных каретах, свита его: Вальтер, Габихсталь, Беркгольц и Эйхгольц. Площадь пред домом, в коем жил царь, и даже крыши соседственных домов наполнены были народом. Когда герцог выходил из кареты, то зацепил париком за гвоздик и должен был стоять несколько минут с голою головою посреди народа, покуда верный Эйхгольц не успел снять парик с гвоздя и снова надеть ему на голову.

У царя находился король Польский, их величества приняли герцога весьма благосклонно. В присутствии прочих андреевских кавалеров, царь наложил на герцога орден, и все кавалеры, по очереди, обнимали нового своего товарища. Потом пошли к невесте, убранной великокняжеской короной (*fast Kaiserliche Krone*), и отправились пешком чрез улицу в часовню, наскоро построенную. Русский архиерей совершил обряд венчания, невзирая на представленные Эйхгольцом опасения, состоявшие в том, что процесс о разводе герцога с супругой первого брака еще продолжался в Вене, и поелику греческая вера не принадлежала к числу принятых в Римской империи вероисповеданий, то законность нового брака впоследствии времени

могла быть оспариваема¹. Посему Эйхгольц советовал герцогу обряд венчания поручить священнику какого-либо в Римской империи признанного вероисповедания; но герцог не внял этому совету. Во время церемонии, продолжавшейся два часа, царь Петр, по своему обыкновению, часто переходил с одного места на другое и сам указывал певчим в псалтыре, что надлежало петь.

Из церкви пошли процессией к вечернему столу, и многие в народе громко восклицали:

— "Смотрите, у герцога нет манжет!"

Стол накрыт был в узкой комнате. Брачное ложе находилось в комнате, украшенной в японском вкусе и наполненной японскими лакированными вещами, каких, по словам Эйхгольца, у русских много. Самая кровать была также лакирована, и Эйхгольц опасался, что герцог в нее не ляжет, так как запах от лакировки был ему противен.

На площади, перед домом герцога, был фейерверк. Царь Петр Алексеевич, сопровождаемый королем Польским Августом II и герцогом Мекленбургским, ходил и суетился по площади и сам забавлялся зажиганием ракет. Эйхгольц ходил за своим герцогом, боясь падающих ракетных шестов. Он сказал ему, что светлейшая невеста в 10 часов удалилась в спальню и что уже пробил час пополуночи, а что потому и его светлости пора ложиться спать. Наконец, он убедил герцога войти в спальню, и сам, утомленный и притом полупьяный, лег спать и заснул крепким сном, однако ж ненадолго.

Около 4 часов пополуночи кто-то разбудил его, сказав тихим голосом:

— "Эйхгольц, Эйхгольц, что ты, спишь?"

Проснувшись и очнувшись с трудом, Эйхгольц увидел пред собой герцога и сильно испугался, думая, что опять случилось такое происшествие (?), как с разведенною герцогинею. Но герцог велел ему не делать шума и объявил, что хочет лечь к нему. Эйхгольц уступил ему свою кровать, а сам лег к Беркгольцу.

Несмотря на свой странный поступок, герцог на другое утро пошел к герцогине и поднес ей подарки. Потом велел Эйхгольцу заготовить уведомительные письма о заключенном браке: к царскому величеству и ко всем курфирстам.

На другой день царь угощал новобрачных.

На третий день герцог обедал дома. Кроме обер-гофмейстерины, Екатерина Ивановна имела при себе трех фрейлин русских: прекрасную Салтыкову, состоявшую в близком родстве

---

¹ Первая жена Карла-Леопольда была София-Гедвига, рожденная принцесса Нассау-Фрисландская.

со своей повелительницей, Балк¹, и третьей, коей имени Эйхгольц не помнит².

Герцог спросил его, как водилось при прежних герцогах мекленбургских: допускались ли фрейлины к герцогскому столу?

Эйхгольц отвечал утвердительно, на что герцог шутя сказал: "Ты это говоришь потому, что ты влюблен в Салтыкову". Эйхгольц, смеясь, возразил: "А что за беда, хотя бы и так?" Герцог продолжал: "Если женишься на ней, то будешь со мной в родстве"³. Эйхгольц благодарил за честь, от которой, однако ж, отказался, ибо смешно было бы, если б муж и жена не могли говорить друг с другом. (Салтыкова не знала немецкого языка.) Решено было, чтобы фрейлины обедали за герцогским столом. Но когда шли к столу, герцог, подозвав Эйхгольца, приказал, чтобы придворные дамы, кроме обер-гофмейстерины, сели за маршальским столом, прибавляя: "Надлежит этих (девушек) заранее учить, какими им должно быть". Эйхгольц тщетно представлял герцогу, сколь это им будет обидно, и, наконец, объявил, что в таком случае он, как тайный советник и обер-маршал, сам сядет за маршальским столом, а место его при герцогском столе может заступить Беркгольц. Потом он подал руку Салтыковой и повел ее к маршальскому столу, объясняя ей, через Наталью Федоровну Балк, что им тут будет гораздо лучше и непринужденнее, нежели у герцогского стола. Салтыкова стала горько плакать и рыдать, не хотела даже отдать из рук веера своего и ничего не отведала, хотя Эйхгольц пал пред ней на колена, целовал у ней руки и просил, чтобы она успокоилась. Нечего делать! И другие девицы ничего не кушали.

По окончании стола, Салтыкова убежала к герцогине Екатерине Ивановне: поднялись шум, рыдание, вопли и слезы, так что, рассказывает Эйхгольц, "страшно было слушать". Царь сильно почувствовал поступок герцога, а Салтыкову отозвали от двора герцога.

---

¹ Наталья Федоровна Балк, родная племянница несчастного камергера Монса, казненного в 1724 г., вышла впоследствии за флотского офицера Лопухина, пожалована была в статс-дамы и жила в связи с обер-штальмейстером графом Левенвольде. В "Русской Старине" (изд. 1874 г., т. XI, с. 1-44; 191-235) подробно рассказана трагическая судьба, постигшая эту злосчастную женщину. По преданиям, она тем особенно раздражила против себя императрицу Елизавету Петровну, что позволила себе отозваться: "Я хотя и пожилая женщина, но все еще красивее, нежели Елисавета Петровна". Наталья Лопухина скончалась в 1763 г.

² Это была Воейкова.

³ Мать царевны Екатерины Ивановны, герцогини Мекленбургской, царица Прасковья Федоровна, как мы уже говорили, была рожденная Салтыкова.

Герцог весьма щедро одарил российских министров и придворных, на что употребил купленные им за 70 000 талеров драгоценности. Всем дарили перстни, даже служанкам при камермедхенах. Но с российской стороны мекленбуржцам ничего не подарили, ниже кривой булавки (nicht eine krumme Stecknadel).

В числе заказанных в Гамбурге подарков было три перстня, каждый в 4000 талеров; так как невозможно было сделать их равной ценности, один перстень стоил только 3500 талеров, хотя видом не отличался от других. По отъезде герцога из Данцига, Габихсталь вручил перстни в 4000 талеров Головкину и Шафирову, а Толстому как младшему тайному советнику — в 3500 талеров. Толстой, который, вероятно, велел оценить свой перстень, поднял великий шум и сказал Остерману: "Что герцог себе воображает, что поступает со мною так подло!" и пр. Остерман, получив перстень в 1800 талеров и желая успокоить Толстого, предложил ему взять вдобавок и его перстень. Толстой хотя на это согласился, но сей "грубиян", как его называет Эйхгольц, не переставал принимать пред ним вида оскорбленного и невежливого и даже не принес благодарности герцогу по приезде своем в Шверин.

В Шверине покои во дворце обивались красным бархатом и шпалерами, и все приготовления были сделаны к приему царя. Завербованные Фитингофом, по приказанию герцога, войска стояли в параде при въезде царя (12 мая 1716 г.), и когда царь с герцогом проезжали верхом мимо войск, сей последний кивнул головою Эйхгольцу и выразил глазами, сколь он доволен иметь столь прекрасных солдат. Царь принят был с такими почестями, как сам император (т.е. цесарское величество). Разумеется, что ему отведены были лучшие комнаты во дворце.

Когда Эйхгольц на следующее утро явился к царю для поклона, он не нашел никого в передней. Проходя через несколько комнат и не встречая никого, он входит в приготовленную для августейшего гостя спальню и видит, что кровать осталась неприкосновенной. Наконец, слыша, что ходят по потаенной лестнице, пошел по ней и застал царя под крышей в каморке, приготовленной для его камердинера, в кровати коего он изволил почивать.

Обеденный стол царь велел накрыть в самой маленькой комнате дворца, ибо его величество вообще любил маленькие комнаты. Говорят, что таков его обычай. В Берлине он спал на медвежьей шкуре за дверьми. Предполагали, что он это делает для избежания опасности, дабы не знали, где он спит. В Шверине царь начал лечиться пирмонтскими водами. Между тем герцог

уехал на короткое время в Росток, чтобы сделать приготовления к приезду царя. На возвратном пути герцог остановился на обед в Пассене. Квартирующие там русские солдаты жестоко бранили управителя этого имения за то, что данный им хлеб нехорош, и требовали лучшего, угрожая управителю, что, в противном случае, они поколотят его по-русски. Управитель спасся от них в комнате, где герцог обедал. Но раздраженные солдаты в открытые двери бросили туда данный им хлеб. Эйхгольц, смеясь, спросил герцога:

— "Неужели это те самые люди, которые довольствуются водою и травою? Господи, упаси меня от такого теста, коего люди так бы со мною поступали!"

Герцог молчал в изумлении. Эйхгольц представил герцогу, что, если русские так поступают в его имениях, каково должно быть их поведение в дворянских имениях, и что он, герцог как владетельный князь пред Богом и пред собственной своей совестью обязан поговорить о том с царем. Эйхгольц не переставал напоминать о том герцогу: но когда последнему представился случай говорить с царем Петром Алексеевичем, герцог Мекленбургский струсил и молчал как онемелый (*als wenn er aufs Maul geschlagen wäre*). Наконец, когда царь однажды прогуливался в саду, Эйхгольц снова начал понукать своего герцога, чтобы, пользуясь этим случаем, завел разговор о постояях. Герцог никак не мог решиться и наконец сказал Эйхгольцу: "Ты сам поговори". Эйхгольц принял на себя это поручение, и, действительно, царь изволил издать регламент: сколько хлеба, мяса, крупы, сала крестьяне обязаны давать солдатам. Но существенного облегчения не последовало. Русские пили и ели не только во дворце, где последний конюх требовал всего, что ему в голову приходило; но и в городе, в домах, где жили российские министры, стол должен был быть накрыт целый день. "И русская толпа, — говорит Эйхгольц, — оставалась у нас на шее до тех пор, пока царь, по славной кампании в Зеландии, не уехал в Голландию и потом во Францию".

В Шверине царь любил обедать в герцогском саду, из коего прекраснейший вид на Шверинское озеро. Герцог всегда требовал, чтобы его дворцовый караул занимал все посты. Эта герцогская гвардия состояла из людей исполинского роста, с огромными усами, и чем они видом были страшнее и суровее, тем более нравились герцогу. Во время обеденного стола всегда четверо стояли тут с обнаженными шпагами. Царь, любя быть без принуждения и не на виду, неоднократно просил герцога избавить его от этих излишних почестей, но не успел в своей просьбе. Однажды вечером, когда комары стали беспокоить

компанию, речь зашла о том, как бы скорее избавиться от них.

Царь Петр Алексеевич сказал герцогу: "Вот эти мужичины с обнаженными шпагами ни к чему иному не годны; велите им подойти и отгонять комаров огромными своими усами".

Когда царица уехала из Шверина, Эйхгольц ожидал, что она изъявит свое удовольствие обыкновенными подарками придворным чинам, в особенности ему как обер-маршалу. Но она не пожаловала ему ни гроша (*nicht einen Kreuzer*). Когда он вел ее к карете, Екатерина Алексеевна ему сказала:

— "Я останусь у вас в долгу".

Эйхгольц отвечал, что того не знает; но что, впрочем, считает за большую честь, если столь великая государыня у него в долгу. Между тем он просил одной милости, чтобы ее царское величество упростила царя об освобождении баварского дворянина барона Пфертнера, состоящего в шведской службе и взятого в плен в Полтавском сражении, чем ее величество обяжет также княгиню Нидер-Минстерскую, с коей барон Пфертнер состоит в родстве, а его, Эйхгольца, вполне вознаградит за его старания. Царица обещала исполнить эту просьбу, и Эйхгольц впоследствии напоминал ей о том неоднократно своими записками в Гаге и в Ахене; но царица даже не справлялась о Пфертнере, а тем менее просила за него царя. "Столь мало, — говорит Эйхгольц, — имела она великодушия".

Положено было, чтобы царские министры имели совещания с герцогскими о тесном союзе между обоими дворами и обоюдных их пользах. Так как царь не любил мекленбургского министра Петкума, то последний не участвовал в совещаниях. Со стороны царя назначены были Шафиров и барон Шлейниц; со стороны герцога — Эйхгольц и Габихсталь.

Накануне Эйхгольц спросил герцога, не желает ли он лично открыть заседание и какие предметы имеют быть трактуемы? Герцог предоставил Эйхгольцу открыть заседание приветствием. Предметами совещания были: 1) О новом браке герцога и о претензиях разведенной с ним герцогини. 2) О городе Висмаре. 3) Об удовлетворении герцога за военные убытки. 4) Касательно дворянства. О пятом предмете, яко секретном, Эйхгольц умалчивает. (Полагают, что оный касался до проекта герцога — променять Мекленбург на Курляндию).

Герцог велел позвать к себе Шафирова и не отпустил его до полуночи.

В следующий день уполномоченные собрались в герцогских покоях. Герцог сам занимал председательское место. Эйхгольц открыл конференцию изъявлением благодарности за то, что царь намеревается вступить с его герцогской светлостью в тесный союз. Посему обоюдная польза требовала принять такие

меры, чтобы разведенная герцогиня, имеющая столь многих друзей при всех немецких дворах, не могла представлять свое дело с слишком невыгодной для герцога стороны. При первом, втором и третьем пунктах все шло хорошо, и согласились, чтобы царским посланникам в Вене, Брауншвейге и Лондоне предписано было действовать в пользу герцога единодушно с мекленбургскими. Но когда дошли до четвертого пункта, герцог сам начал говорить с яростью, обвиняя дворянство свое в ужасных небывалых преступлениях и произнося столь неосторожные речи, что Эйхгольц, забывшись, ударил рукою по столу и сказал герцогу:

— "Если ваша светлость станете так поступать, то лишитесь земли и подданных".

Шафиров уклонился от суждения по сему предмету, извиняясь тем, что конституция Римской империи ему неизвестна и что он согласится с мнением товарища своего, Шлейница, коему известны имперские законы. Шлейниц же заметил, "что образ правления в немецких княжествах не везде одинаков и что каждое княжество имеет свои права и привилегии; что ему не безызвестно о существовании в Мекленбурге реверсалий, из коих видно будет, до какой степени можно требовать повиновения от дворянства. Что же касается до преступлений, в коих герцог обвиняет дворянство, то надобно будет ожидать, какая его светлость может представить на то доказательства".

Так, по-видимому, дело осталось; но герцог умел склонить на свою сторону Шафирова, который слепо вошел во все намерения герцога. Шафиров впоследствии признавался в Гаге Эйхгольцу, что герцог в то время так вовлек его в сии дела, что он рисковал своей головою.

Вследствие домогательства герцога, депутаты мекленбургского дворянства, по повелению царскому, были арестованы, невзирая на то, что Ягужинский советовал царю этого не делать, чем он и навлек на себя вражду герцога.

В самый день арестования депутатов Петр Андреевич Толстой дал одному из герцогских пажей пощечину в покоях герцога. Эйхгольц представил герцогу, что Толстой тем нарушил не только тишину, долженствующую быть во дворце (Burgfrieden), но и должное его светлости высокопочитание. Однако ж герцог почел за лучшее прикрыть такую безделицу мнимым неведением.

Царь с герцогом поехали в Росток. По повелению царя, еще некоторые знатные дворяне взяты были военными командами под арест. В Ростокѣ фурьер герцога, одетый наравне с прочими людьми герцогскими по шведской форме, случайно подрался с царским шутом. Царь, увидя сие из окна, сам прибежал и, своей

державной рукой поколотив фурыра, велел еще явившемуся караулу наказать его палками. Все извинение царя пред герцогом состояло в том, что он будто принял этого фурыера за шведа.

Эйхгольц, оставшийся в Шверине, узнав об аресте дворян, поспешил в Росток и упрекал герцога в его насильстве. Герцог уверял, что он о том ничего не знал и что все происходило по повелению царя, который, без сомнения, сумеет объяснить свои действия¹.

Достойна замечания следующая случайность: накануне первого свидания Карла-Леопольда с Катериной Ивановной было видно на небе громадное северное сияние: превеликий был свет с белым огнем от горизонта до самого зенита. "Правда, — писал Петр в Россию, — хотя натуральное (то было) дело; однако зело было ужасно видеть". Небесное знамение было видимо и в России; и если Петр находил его ужасным, то как должна была объяснять его суеверная толпа, да и не менее ее суеверное большинство русской аристократии! Все они считали воздушное явление чудом, грозным предзнаменованием страшных несчастий... Так что Меншиков находил нужным объяснять во многих знатных домах, между прочим князю Черкасскому, что "знамение, еже недавно на воздухе видимо было, не чрезнатуральное, но обычайное есть; еже по универсальному разсуждению философов, из серных и селитренных восхождений происходит, и так-выя сияния в сих нордских странах и часто видят".

Впрочем, ученые объяснения Меншикова не успокоивали простодушных истолкователей небесного явления. Мы можем представить себе, какое сильное впечатление произвело оно на царицу Прасковью, как пытливо расспрашивала она о его значении у своих доморощенных пророков и кудесников и с какой теплой мольбой спешила в монастыри да Божьи храмы — к чудотворным иконам, к нетленным мощам... ее мольба была за здоровье и счастье ненаглядной "Катюшки".

А "Катюшка" тем временем веселилась, без сомнения, довольная и счастливая. Так, по крайней мере, мы имеем право думать, зная ее "веселонравный" характер. Ее радовали праздники, поражали новые предметы, новые лица, незнакомый ей быт... А будущее? К чему в него было заглядывать?

Не так думал Петр. Еще накануне свадьбы, 7 апреля 1716 г., он обязал герцога выдавать жене ежегодно на карманные расходы по 6000 рейсталеров. А затем, в особом трактате, в девяти

¹ Весь рассказ барона Эйхгольца, приведенный выше, сохранился в его записке, составленной им в 1721 г. и хранящейся в библиотеке города Ростка. Извлечение-перевод с немецкой рукописи сделал П. П. Гец (ныне покойный), и впервые напечатан в "Русской Старине" изд. 1875 г., т. XII, январь, изд. второе, с. 1—26.

пунктах, изложил условия и цель, для которых заключается родственный союз. Карл-Леопольд, герцог Мекленбургский, князь Венденский, Шверинский и Рацебургский, Ростоцких и Старгардских земель государь, взаимно с русским царем обязывались: быть верными друг другу союзниками и пособниками во всяком, как наступательном, так и оборонительном, действиях. Петр обещал помощь слабому союзнику и войском, и деньгами в Северной войне, для отнятия у шведов Висмара с пригородами; но за то герцог должен был давать все, что нужно и что было в его власти, для успешного действия русско-вспомогательного корпуса. В случаях каких-либо неприятных столкновений мекленбургского герцога с царским величеством, царь Петр Алексеевич брал на себя ходатайствовать за него чрез своих уполномоченных при венском дворе.

Все эти условия были крайне выгодны для небольшого германского владетеля, но трактат был далеко не безвыгоден и для русского государя. Не говоря уже о том, что в этом покровительстве Петр являл свою силу и влияние на дела европейской политики; но, кроме того, на основании седьмой статьи трактата он получал право свободно и невозбранно присылать свои суда торговые и военные в мекленбургские пристани; русские купцы могли жить, складывать свои товары, иметь свою церковь, заключать разные торговые операции, под особым покровительством герцога. Карл-Леопольд обязывался всегда чинить свободный пропуск войскам царя Петра чрез свои земли, устраивать для них запасные магазины и пр.

8 апреля 1716 г., как мы уже видели выше, была свадьба. Польский король, не ладивший с конфедератами и искавший помощи Петра, рассыпался пред ним во всевозможных пирах, ассамблеях и всякого рода увеселениях. Тщеславный, сластолюбивый, расточительный и ничтожный по характеру, Август II умел блеснуть роскошью своего двора и находчивостью в изобретении всякого рода удовольствий.

На другой день после свадьбы он дал новобрачным, их дяде, тетке и всему двору пир на славу, с разными потехами. При сочинении их Август искусно подобрал такие именно забавы, какие должны были понравиться его могучему соседу. И действительно: примерные битвы саксонцев с городским войском, всякого рода огненные потехи, игры как нельзя больше понравились Петру.

”Известую вам, — писал государь к Апраксину, — что вчерашняго дня племянницы нашей брак с герцогом мекленбургским, при присутствии корфля польскаго, и при многих знатных особах, с стрельбою пушечною и фейерверком торжественно совершился, и с сею новиною вас поздравляю”.

Прислушиваясь к поздравлениям и приглядываясь к празднествам и забавам, можно подумать, что брачный союз заключен был без всяких помех, не вызвал никаких неприязненных действий. Противников, действительно, было немного, но они были. Во главе их стоял ганноверский министр Беренсдорф, родом мекленбуржец. Он всячески интриговал против брака Карла-Леопольда, и когда интриги его не расстроили свадьбу, он много повредил в общем деле северных союзников. Беренсдорф чинил всякого рода проволочки в действиях войски вообще — непрерывно злодействовал. И какую напрасную ссору между Россиею и Англиею произвел сей злодейственный и безсовестный человек, — восклицает Петр, — ради своего партикулярнаго дела, свету есть известно! А понеже он в своем принципале такую силу имел, что все по воле его оный делал; к тому же сей Беренсдорф имел своих земляков (и согласников) при датском дворе бóльшую часть, как в министрах, так и в генералах... к тому же склонял других деньгами... того ради, по злобе своей, чрез оных вымыслами помешал, дабы препарации умедлить; а когда опоздают, то самая невозможность будет... Здесь всяк непристрастный и разумный разсуди, ни для чего иного сие учинено, только дабы не зимовать в Мекленбургии...”¹

По этим словам можно видеть, что в противнике брачного договора племянницы Петр нашел интригана искусного, опытного, наделавшего ему немало хлопот, а главное — расстроившего многие его планы. Но молодые, хотя и близко были заинтересованы в планах Петра, весело провели медовый месяц,

---

¹ Журнал или подденная записка Петра Великого, т. II, с. 20–24, 43–44, 398–421. Судя по энергическому слогу, можно смело сказать, что выписанные нами в извлечении строки принадлежат не кому другому, как самому Петру. Государь, как известно, несколько раз исправлял и вписывал целые страницы в составлявшюся, по его приказанию, подденную записку. Нельзя не порадоваться, что этот драгоценнейший источник к истории царствования Петра когда-нибудь явится в свет в возможно полном издании, с примечаниями, с обозначением собственноручных строк Петра, указаниями на его пометки и пр., и пр. Этот громадный труд принял на себя В. Ф. Ратчъ, известный своими исследованиями и разысканиями по части истории русской артиллерии. Правительство назначило ему на издание 5000 руб.

Примеч. 1860 г.

Оказалось, что мы в 1860 г. слишком поспешили выразить свое удовольствие и радостную надежду видеть драгоценный Журнал Петра Великого в издании, его достойном. Прошло 23 года. В. Ф. Ратчъ многие годы уже как умер, а для издания подлинных писем и собственноручных трудов великого преобразователя России императора Петра I — все еще не могут отыскаться деньги, хотя самое собрание этих материалов, как слышно, уже приготовлено трупами директора Императорской публичной библиотеки — А. Ф. Бычкова.

Примеч. 1883 г.

затем уехали в свои владения. и здесь, в городе Шверине, Карл-Леопольд, как мы рассказали уже выше со слов Эйхгольца, имел честь принимать 12 мая 1716 г. своего именитого тестя. Герцог провожал государя от города в город в пределах своих владений, но не видно, чтобы Петр совещался с ним, либо звал его на съезды для переговоров с остальными союзниками... Годовщина Полтавской "виктории" была отпразднована в Ростове, в доме герцога, с подобающим торжеством. Предприимчивый и неутомимый Петр не оставался долго на одном месте: он ездил, писал повеления, толковал с министрами, одушевлял одного союзника, торопил другого и т.д. Таким образом, во время своих заездов в Шверин или Ростов он проводил в семье герцога только несколько суток и спешил далее; зато государыня гостила у них и по часту, и подолгу, так как она не хотела задерживать Петра ни собой, ни своим штатом.

Вот несколько подробностей, относящихся к событиям 1717 г. из жизни герцога Мекленбургского и его супруги.

В 1717 г. герцог послал Эйхгольца к царю, пребывавшему тогда в Ахене, с просьбой об удалении русских войск из Мекленбурга, кроме семи полков, и о защите герцога против всякого насилья. Герцогиня Екатерина Ивановна, по желанию супруга своего, писала равномерно к царю, заклиная его не оставить герцога и не верить своим министрам, советуя ему противное, но считать их мошенниками и изменниками. Эйхголец не знал, как он уверяет, ничего о содержании письма Екатерины Ивановны. Застав царя в Литтихе, на возвратном пути его величества из Парижа, он просил тайного секретаря немецкой экспедиции Остермана доложить о нем царю, и был принят милостиво. Царь, видя по числу на письме, что оно уже давно писано, спросил Эйхгольца, где он так долго оставался? Эйхголец отвечал, что он — цесарский вассал и довольно нанюхался воздуху в Вене и потому, на старости лет, не хотел ехать в Париж, но ожидал его царского величества в Литтихе.

Государь сказал на то: "Dobre".

Когда Эйхголец, по приказанию герцога, просил об оставлении семи полков в Мекленбурге и о защите его светлости против всех и каждого, царь сказал:

— "Знает-ли герцог, что требуемые семь полков составляют 11 000 человек?" — и велел Остерману объяснить это хорошенько Эйхгольцу.

Его величество назначил Толстого и Шафирова для переговоров с Эйхгольцом, а письмо Екатерины Ивановны, увидя на нем русскую надпись, нераспечатанное положил в карман. Государь велел Эйхгольцу следовать за ним в Голландию и оставаться при нем.

В Спа Толстой и Шафиров имели совещания с Эйхгольцом, и положено было следующее: царь оставляет у герцога два полка по выбору самого герцога; более войск было бы герцогу в тягость, и царь советует ему отвести полкам, по равной соразмерности, квартиры в городах, в дворянских и герцогских имениях. Далее царь обещает герцогу защиту против всех, которые станут притеснять его неправильно. Эйхгольцу же предоставлено было отправить курьера к герцогу для узнания его мнения. Эйхголец весьма беспокоился, не зная, как герцог примет сие известие, ибо его светлость требовал всегда, чтобы от данной им инструкции не отступали ни на шаг. К счастью, герцог был доволен и отправил чрез курьера в ответ благодарственное письмо, в коем, однако ж, возобновил просьбу о защите против всех и каждого. Между тем царь путешествовал в Голландии и каждый раз, когда видел Эйхгольца, спрашивал его: "Герцог еще не писал?"

Наконец, по приезде в Ахен, Эйхголец получил с курьером письмо герцога и поднес оное царю.

Царь спросил: "Доволен ли герцог?" — и, узнав от Эйхгольца, что весьма доволен, сказал опять: "Dobre!"

Но когда письмо перевели на русский язык и государь усмотрел, что герцог повторяет просьбу о защите против всех и каждого, он вознегодовал на герцога и велел написать ему чрез Эйхгольца, что он подобной защиты никогда не обещал, разве только в справедливых делах, прибавляя:

— "Я для герцога не намерен ссориться с императором (Римским, т.е. австрийским) и империей".

Приготовляясь к отъезду из Ахена, царь укладывал свою шкатулку, в коей хранились тайные его бумаги, и тут Толстой и Шафиров увидели письмо Екатерины Ивановны. Они, ужасно рассердившись за то, что названы мошенниками и изменниками, тотчас послали за Остерманом и пред ним жестоко разругали герцога и Эйхгольца, не щадя русских вежливостей. Остерман, бледный как смерть, пришел к Эйхгольцу, сидевшему в ванне, и велел его вызвать скорее. Эйхголец божился, что содержание письма Екатерины Ивановны ему вовсе неизвестно. Пред Толстым Эйхголец не мог оправдаться, ибо Толстой отправился в Вену за царевичем Алексеем Петровичем. И Шафирова трудно было успокоить. Эйхголец уверял его, что герцог против него ничего не имеет, но что оскорбительные выражения относятся, вероятно, к канцлеру Головкину, князю Долгорукову и к другим, коих герцог подозревает в недоброжелательстве к нему¹.

¹ Вот одно из писем герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны

С того времени герцог лишился и последнего уважения у российских министров.

Царь, отпуская Эйхгольца, подарил ему свой портрет ценою в 500 галеров.

Герцог, находясь в непрерывной ссоре со своим дворянством, был недоволен, что царь не хотел его защищать против всех и каждого, и с помощью Вальтера составил меморию, чтобы склонить царя на свою сторону. В сей мемории он дворянство свое не называет иначе как "мятежниками".

Самым интересным визитом Петра к Карлу-Леопольду был, бесспорно, приезд его в Магдебург 6 сентября 1717 г.

Государь, как кратко значится в журнале, приехал сюда в 8 часов утра. Его встретили герцог Мекленбургский с герцогиней, генерал-фельдмаршал прусской службы князь Дангалт и другие.

Государь пред обедом ходил в церковь, в которой осматривал разные достопамятности, между прочим камень, на котором отсекли голову епископу Удону, и, переночевав в квартире герцога, выехал в Бранденбург.

к Петру I, несколько позднейшего времени, одно из тех, которые могли вызвать против его мужа злобу П.А.Толстого и др. Приводим его с буквальною точностью:

"Милостивейший Государь мой дялюшка и батюшка, Царь Петр Алексевич, здравству (й) на множества лет!"

"Сим Ваше Величества моего государя покорна прошю: да не аставлены мы будем (в) вашей неременной милости, которая от сердца желаем".

"При сем прошю Ваше Величества не премнить своей милости до моего супруга; понеже мой супруг слышел, что есть Вашего Величества на него гнев, и он то слыша (в) великой печали себя содержит, и надееця, что нехъта наш злодей Вашему Величеству данес неправъду, не хотя ево видеть (в) вашей милости. При сем просит мой супруг, дабы Ваше Царское Величества не изволили слушать таковых неправедливых данашени (й) на него; истино мой супруг Вашему Величеству себя абъевляет верным слугою".

"Еще покорно просит мой супруг Ваше Величества: слышел он, что Ваше Величества изволите иметь алянц с королем швецким, и при сем всенижайше просит Ваше Величества мой супруг, дабы ево при сем не аставили в свай отеческой милости. А кароль пруской да моего супруга не прс (я) мым сердцем и с великим лукавством; и ради таго мой супруг Ваше Величества всенижайше просит, ежели изволите иметь* алия (н)ц с королем швецким, дабы ево не аставили в своей милости. Впрочем предав ваше здравие дражайшее в сохранение божие, и себя рекомандую в неременаю милость Вашего Величества. Вашего Величества покорная служница и племянница Екатерина".

"Из Ростака, 8 сентебря 1718".

(См. "Письма русских государей и других особ царского семейства". М., 1861 г., кн. II, с. 63—64).

---

*В подлиннике описка: "имелеть".

Поденная записка умалчивает о некоторых частных подробностях, сопровождавших встречи Петра с зятем; тем не менее они интересны, если только справедливы. Так, например, об одной из них (едва ли не в Магдебурге) вот что рассказывает камергер Пельниц¹:

”Г. Соссеји, брат канцлера, в главе правительственных лиц, явился к Петру с приветствием и поздравлением с благополучным прибытием. Он застал гостя с двумя русскими барынями. Петр нежно обнимал своих собеседниц, что продолжалось до тех пор, пока его не отвлекли приветственной речью”. Как ни странно было для немцев подобное бесцеремонное обращение в их присутствии, но все это было ничто в сравнении с тем, что они увидели на другой день. Герцогиня Мекленбургская с мужем, прибывши из Шверина, чтоб повидаться с тестем и проводить его в Берлин, сделали государю ранний визит. Петр выбежал к племяннице навстречу, нежно ее обнял и повел в соседнюю комнату, где заботливо посадил ее на диван, оставив герцога и его свиту из передней следить за его ласками в растворенную дверь...

В Магдебурге начальствовал кн. Ангальт-Дессауский, родной дядя разведенной герцогини, первой жены Карла-Леопольда. Князь был с визитом у герцога, но не умел скрыть выражения своих внутренних чувств. Царь Петр, в бытность свою в Магдебурге, остановился у герцога: ”Итак, — замечает Эйхгольц, — сделанныя для приема его величества в королевском доме приготовления остались напрасными”. Герцог предложил царю на завтрак чаю, но его величество потребовал бургундского, спрося герцога, сколько он утром пьет чаю?

Герцог, показывая на стакан, сказал: ”Вот сколько”.

Царь отвечал: ”Так вы фофан!” (Wel, ghy bint een Geck).

Герцог, чтобы отделаться от сего упрека, сказал, что он поступает по совету своего лейб-медика Шапера.

Однако ж царь нимало не смягчил прежнего слова и отвечал сухо: ”Soo is hee noch een grösser Geck as hy!” (так он еще больше фофан, нежели вы!).

После того герцог подал царю вышепомянутую меморию свою, которую государь вручил секретарю Остерману для перевода на русский язык, а сам пошел посмотреть собор и другие достопамятности Магдебурга.

Возвратясь домой и прочтя меморию герцога, царь сказал ему: ”Что вы тут затеяли? Это вещи несправедливыя и весьма тиранския. Не забывайте, что император этого никак не позво-

¹ Mémoires pour servir à l'histoire etc. II, p. 65. Anna Ioannovna, Dargestellt von F.W.Barthold, p. 22–23.

лит, а я не могу и не хочу вам помогать в подобных делах". Герцог возразил, что империя и ее чины (das Reich und seine Stände) должны были ему содействовать.

Царь повторил несколько раз с негодованием: "Pfui, Reich! Pfui, Reich!", будто в насмешку герцогу за его неосновательное предположение, а герцог и его советники стояли пред царем, как масло на солнце (wie Butter an der Sonne), и не смели рта открыть, дабы не услышать от него титулов, подобных тому, каким он прежде почтил герцога.

Канцлер Головкин увел Эйхгольца в сторону и просил его отклонить герцога от столь опасных для него намерений. Но герцог о том и слышать не хотел.

Герцог, намереваясь ехать в Берлин, послал туда придворного кавалера, чтобы известить о своем приезде. Ему приготовили комнаты во дворце. Однако ж герцог, против воли короля, остановился в том доме, где жил царь, так что только одна комната разделяла занятые ими покои. Когда у короля собирались сесть за ужин, герцог требовал, чтобы его посадили выше маркграфов бранденбургских и чтобы пили прежде за его здоровье, нежели за здоровье маркграфов, или чтобы маркграфы вовсе не являлись к столу. Король изъявил готовность на счет тоста за здоровье, поелику маркграфы охотно на то согласились бы, но сказал, что они не могут уступить герцогу первенства. Герцог настаивал на своем требовании пред министром фон Ильгеном, говоря, что когда покойный брат его, герцог Фридрих-Вильгельм, был в Берлине, то маркграфы уехали в свои деревни, а он не менее, нежели покойный его брат. Ильген отвечал ему довольно сухо, что покойный герцог Фридрих-Вильгельм до приезда своего в Берлин заблаговременно согласился на счет церемониала и тогда удобно было маркграфов удалить под благовидным предлогом, но его светлость ныне изволил приехать, так сказать, как незванный гость, и король не может согласиться, чтобы в его доме обидели маркграфов, родных братьев покойного его родителя. Единственным средством выйти из сего положения было бы занять места по жребию. Но сие не понравилось герцогу, и, невзирая на убеждения царя и других особ, он не явился к королевскому столу.

Между тем разведенная герцогиня оспаривала решение рейсвальдской консистории о разводе и исходатайствовала разные по сему предмету декреты от имперского гофрата; впрочем, она согласна была примириться, если герцог возвратит ей приданое и назначит приличную ее сану пенсию, о чем герцог и слышать не хотел. Царь весьма рассердился на такую скупость и упрямство герцога, могущие иметь последствием, что второй брак его признан будет незаконным, и велел сказать

герцогу: "Что он, царь, дал ему племянницу свою на совесть; однако ж никогда не согласится, чтобы могли ее когда-либо считать за его наложницу". Царь мог сам видеть в стеклянные двери, какое впечатление слова его произвели на герцога, предавшегося как бы отчаянию.

Кончилось тем, что в Берлине, при посредничестве царя, заключен был с поверенными разведенной герцогини договор, по коему ей назначили пенсию в 5000 талеров и сверх того 30 000 талеров единовременно; она же безотговорочно признала развод правильным.

С сего времени ненависть герцога к Ягужинскому еще более усилилась.

Через несколько дней российский посланник Головкин угощал царя и герцога. При десерте вошел Ягужинский, и герцог сказал ему:

— "За ваше здоровье, г-н Ягужинский! Желая, чтобы вы всегда оставались благосклонны к моему рыцарству и доложили царю сколь оно от меня терпело, дабы рыцарство хорошенько возблагодарило вас подарками!"

Ягужинский, видя себя столь обиженным пред всем обществом и самим государем своим, вышел из комнаты. Все российские вельможи чувствовали себя обиженными поступком герцога Карла-Леопольда.

После ужина Эйхгольц упрекал герцога за его неосторожность. Герцог отвечал, что ему жаль, но что, по крайней мере, облегчил свое сердце. Он поручил Эйхгольцу стараться примирить его с Ягужинским и велел звать его к обеду, но учтивости после такой обиды не могли иметь успеха.

Возвратясь в Мекленбург, герцог все надеялся на помощь царя. Тщетно Эйхгольц напоминал ему разговор с царем в Магдебурге. Однажды герцог, долго смотря на маленький портрет царя, висевший в его кабинете, сказал:

— "Вот у него такое доброе лицо. Он меня не оставит!"

Распри между герцогом и мекленбургскими чинами дошли наконец до такой степени, что имперская экзекуционная армия заняла весь Мекленбург. Герцог с супругой поехал в сопровождении Эйхгольца в Вену для ходатайства по своему делу. Имел ли он успех или нет, не относится до предмета сей выписки. Мы выпишем из записок Эйхгольца только следующий эпизод касательно пребывания герцога в Вене.

Его цесарское величество сказал однажды своему вице-канцлеру:

— "Хорошо, что герцог приехал, лишь бы не привез с собою Москвитянку". Император прибавил: "Я желал бы знать: знает ли о том герцог?"

Вице-канцлер велел позвать Эйхгольца и сообщил ему слова императора. "Конечно, — говорил он, — смелый поступок, что герцог при нынешних обстоятельствах привез сюда супругу свою". Вице-канцлер советовал герцогу поместить герцогиню в Нусдорфе или Леопольдштадте, дабы можно было сказать, что она не в императорской резиденции. Герцог, посоветовавшись со своими приближенными, велел отвечать вице-канцлеру, что бедная женщина, всем светом оставленная, здесь, в Вене, никого знакомого не имеет и притом языка не знает; что она умрет с тоски, если герцог удалит ее от себя, и что он посему просит, дабы его цесарское величество оставил ее у него. Тем и кончилось дело.

Жизнь Екатерины Ивановны в замужестве за герцогом Мекленбургским была очень для нее несладка. Тем не менее первые годы, в письмах своих к Петру I и к царице Екатерине, она не только не высказывала жалоб на мужа, но, как мы видели выше, ходатайствовала за него пред своим "дядюшкой и батюшкой", как называла она Петра I. "О себе известую, — пишет герцогиня почти в каждой из своих грамоток 1716—1720 годов, — за помощью Божию, с любезным моим супругом (или "сожителем") обретаюсь в добром здравии".

В июле 1718 г. герцогиня прислала к государыне Екатерине Алексеевне важную весточку. Приводим письмо без соблюдения своеобразной орфографии герцогини Екатерины Ивановны:

"Примаю смелость я, государыня тетушка, В. В-ству о себе донести: милостию Божию я обеременила, уже есть половина. И при сем просит мой супруг, также и я: да не оставлены мы будем у государя дядюшки, также и у вас, государыня тетушка, в неотменной милости. А мой супруг, также и я, и с предбудущим, что нам Бог даст, покаместь живы мы, В. В-ству от всего нашего сердца слуги будем государю дядюшке, также и вам, государыня тетушка, и государю братцу царевичу Петру Петровичу, и государыням сестрицам: царевне Анне Петровне, царевне Елисавете Петровне".

"А прежде половины (беременности) писать я не посмела до В. В-ства, ибо я подлинно не знала. Прежде сего также надеялася быть, однако же тогда было неправда; а ныне за помощью Божию уже прямо узнала и приняла смелость писать до вас, государыня тетушка, и до государя дядюшки, и надеюсь в половине "ноემъври" (ноября) быть, еже Бог соизволит".

7 декабря 1718 г. Екатерина Ивановна родила дочь Анну — впоследствии правительница Анна Карловна, или — как у нас ее называли — Леопольдовна. Рождение ребенка не улучшило

положения матери. Побывав в апреле 1719 г. в Митаве у сестры Анны Ивановны, Екатерина Ивановна порассказала ей, а та передала матери о своей горькой жизни. Царица Прасковья Федоровна печаловалась о ней пред "государыней милостивой, матушкой-невестушкой, царицей Екатериной Алексеевной..." "Прошу у вас, государыня, милости, — писала 23 апреля 1721 г. царица Прасковья Федоровна, — побей челом царскому величеству о дочери моей, Катюшке, чтоб в печалех ее не оставил в своей милости; также и ты, свет мой, матушка моя невестушка, пожалуй, не оставь в таких ея несносных печалех. Ежели велит Бог видеть В. В-ство, и я сама донесу о печалех ея. И приказывала она ко мне на словах, что и животу своему не рада... приказывала так, чтоб для ея бедства умилосердился царское величество и повелел бы быть к себе..."

Царь Петр внял просьбам старушки-царицы Прасковьи Федоровны и стал настоятельно призывать герцогиню Мекленбургскую в Россию, напоминая ей при том, что, по отношению к ее мужу, он "многokrатно не точно писал, но и изустно говаривал супругу вашему, чтоб не все так делал, чего хочет, но смотря по времени и случаю".

Беспокойный, жестокий нрав герцога Карла-Леопольда продолжал проявляться во всей своей прелести. Карл-Леопольд присвоивал движимое и недвижимое имение своих подданных, бестолково противодействовал австрийскому императору, не выполнял условий свадебного контракта, не снабжал жену ни деньгами, ни достаточным содержанием, так что она часто обращалась с сетованиями и просьбами о помощи к матушке, которая всеми силами хлопотала за нее у Петра. Беспутный муж шел прямо к своей гибели, не вникая предостережениям и советам тестя...¹

В апреле 1719 г., как мы видели выше, герцогиня Катерина Ивановна гостила у сестры Анны — и государь был столь милостив, что повелел выдать ей из курляндских доходов 1000 червонных... Впрочем, содержание ее было плохо, далеко не герцогское; штат состоял из русских школьничков Чемесова и других, которые, по словам самой государыни, были "го-раздо плохи"².

Катерина просила, чрез посредство матери, о пополнении ее штата, о присылке церковного причта. Старушка немешкотно препроводила письмо в Петергоф, к государыне.

"Государыня моя невестушка, царица Прасковья Федоров-

¹ Карл-Леопольд, лишенный престола (в 1736 г.), пережил жену и дочь и скончался в заточении, в крепости Демниц, 28 ноября 1747 г.

² Каб. дел., I пол., кн. 64, л. 736: Письмо от имени Екатерины Алексеевны.

на, — отвечала Екатерина, — здравствуй на множество лет купно с дочкою! Объявляем вам, государыня, что письмо, до вас писанное, от любезнейшей вашей дочери, а нашей племянницы, царевны Екатерины Ивановны, его царское величество изволил все вычесть и о священнике сам изволил приказать новгородскому архиерею Феодосию, чтоб немедленно, по желанию ея высочества, отправить попа наискорее...”

Государыня заканчивала объявление просьбой, чтоб ’невестка не печалилась и уведомила бы о своем здорвьи: есть ли в болезни ей облегчение?’¹

Царица-невестушка действительно очень хворала: недуг еще более усиливался печалью в разлуке с любимой дочерью, несогласиями со средней и болезнью младшей²; но собственная болезнь не мешала ей выполнять самым тщательным образом все просьбы ”свет-Катюшки”.

Так, в ответ на просьбу о присылке церковного причта, она извещала дочь: ”Послан к тебе священник, да с ним диякон Филипп и певчий Филька, кажется люди нарочиты, а буде плох, я по зиме другого пришлю; и чаю — сама поеду к Москве зимою, и там выберу добрых...”

”А что пишет, — замечает в другом письме заботливая матушка, — чтоб не присылать женского роду (т.е. прислугу) в Ригу, и я вам пришлю не на твоём коште, хотя негодны будут вам ноне назад приедут; и о том отпиши, присылать или нет?..”

Прасковья переписывалась очень усердно; но, не довольствуясь письмами, зачастую посылала к дочери, в особенности в то время, как она гостила у Анны в Митаве, близких ей людей. Мы видели, как не нравились подобные надсмотрщики царевне Анне, не могли нравиться они и сестре ее Катерине; но прекословить матери она не решалась и держала при себе этих послов,

¹ Каб. дел., I пол., кн. 64, л. 668.

² Грозные события 1718 г., встряхнувшие, по воле Петра, все высшее общество в обеих столицах, а также и все царское семейство — мы разумеем розыск по делу царевича Алексея Петровича, — не могли также не встревожить нашу старушку-царицу, хотя они и прошли для нее благополучно. Достоинно внимания, что из массы лиц, прямо или косвенно замешанных в деле царевича Алексея и его матери, царица Прасковья Федоровна сумела остаться совершенно в стороне; не видно, сделан ли был ей допрос. Между тем она была много лет знакома и даже переписывалась с казненным по делу царицы Евдокии Лопухиной епископом Досифеем. Царевич Алексей на допросе, перечисляя своих сторонников, назвал и царицу Прасковью: ”Я ведал, — показал он, — что она ко мне добра гораздо, хотя и без большой конфиденции, чаял же к сему склонну”*

Вряд ли кому другому удалось бы в этом страшном розыске уцелеть при подобном ”оговоре”.

* Устрялов, т. IV, с. 253.

которые писали о всех порядках в ее жизни к беспокойной старушке. В таких посылках, как это видно из писем, особенно часто бывал Окунев.

”А Окунева, Катюшка, — пишет Прасковья, — будет надобно держи; будет есть нужда какая приказать и ты ко мне его пришли, а я тотчас к вам пошлю...” ”Изволь ты его держать долго, — наказывает старушка, — чтобы мне побольше про вас сказывал...”

Роды были не совсем счастливы для Катерины Ивановны; первые годы после них она иногда хворала, и вести о ее болезни сильно тревожили мать. У Катерины дуло живот, делались судороги, и старушка в интимных письмах всячески старалась ее успокоить. ”А что пишешь себе про свое брюхо, — говорит старушка в одной из грамоток, — и я, по письму вашему не чаю, что ты брюхата. Живут этакие случаи, что непознаетце; и я при отъезде так была, год чаяла брюхата, да так изошло. Отпиши еще поподлиннее про свою болезнь и могут ли дохтуры вылечить?”

Но, успокоивая дочь, старушка сама весьма беспокоилась и как для свидания с ней, так еще больше для излечения дочерних недугов звала ”Катюшку” на Олонецкие воды... ”Будет мне возможно будет ехать, — пишет Прасковья в той же грамотке, — и я с Москвы прямо к водам проеду. Да отпиши, пожалуй, подлинно, поедетель вы в Ригу или нет? И ежели тебе возможно от него (т.е. от мужа), буде не брюхата, — по прежнему у нас побывать, как вылечисся, для моей старости и для моей болезни. И ежели не брюхата, и тебе все конечно надобно быть на Олонце, у марциальных вод для этакой болезни, что пишешь — есть опухоль. И от таких болезней и повреждения женских немощей вода зело пользует и вылечивает. Сестра княгиня Настасья¹ у вод вылечилась от таких болезней. И не пухнет, и бок не болит, и немощи уставились помесячю, порядком. Если не послужат докторския лекарства, всеконечно надобно тебе к водам ехать на Олонец...”

Находя свои слова недовольно убедительными, старушка ссылалась в доводах на авторитет государя. Что Прасковья положительно преклонялась пред своим ”архангелом” — так она называла Петра, — уважала и боялась его (боязнь и уважение сливались, как всегда, в одно чувство), — это не удивительно; но то интересно, что она даже слепо веровала в его медицинские познания. Как известно, Петр любил анатомию, медицину, сам выколачивал и выдергивал зубы, выпускал из больных

¹ Настасья Федоровна Салтыкова, умершая 2 сент. 1736 г., была за действ. тайн. совет. князем кесарем Федором Юрьевичем Ромодановским.

водянкою — воду, причем удивлялся, отчего больные умирали; бросал кровь, отрезывал зараженные члены, наконец, при казни фрейлины Гамильтон, с видом знатока, с любопытством рассматривал ради анатомии срубленную голову несчастной...

Все эти обстоятельства не могли не убедить его придворных, а с ними и старушку, что Петр действительно близко знаком с медициной, и на его слова, и в этом отношении, можно положиться.

"...О болезни своей, что ты ко мне писала, — пишет к Катюшке царица Прасковья, — я удивляюсь тому, что какое твое брюхо? Надобно гораздо пользоваться и зело сокрушаюсь. Ежели были вместе, могли б всякую пользу сделать. По письму вашему, всеконечно будут вам воды действовать в вашей болезни; также и дядюшка изволил рассуждать про болезнь твою, как чел письмо то, которое ко мне пишешь, чтобы конечно вам ехать к водам, как в Риге будете, для того, что от Риги не далеко. Сестра моя, княгиня Настасья, больше пятнадцати лет все чаяла брюхата и великую скорбь имела, пожелтела и распухла, и в болезни ея и доктора все отказали. И ее государь изволил послать к водам, пока от тех вод выздоровела: как не бывало болезни, и все стало быть временно".

Для нас эти строки важны не только потому, что они показывают любовь и нежную заботливость матери о своей дочке, но еще и потому, что как нельзя лучше обнаруживают то безусловное верование в авторитет царя Петра, которое бесспорно всегда имела Прасковья. Мудрено ли, что за это уважение, за эту покорность, за это верование в справедливость каждого изречения Петра тот платил ей взаимно расположением, большим или меньшим участием к ее интересам, а главное снисхождением к ее довольно крупным слабостям, которые не прощали, однако, своим теткам, сестрам и другим свойственницам.

Впрочем, говоря о той пользе, какую принесли минеральные воды сестре Настасье, Прасковья не могла сослаться на себя; несмотря на то, что она посещала их часто, воды ей не помогали. По примеру и совету государя, она была на Кончезерских водах в 1719 г.¹, ездила в Олонец на "марциальные воды" в начале 1721 г., причем ее провожала довольно большая свита, на шестидесяти подводках². Царица пробыла здесь до 15 марта; была она и в начале 1723 г., но воды не помогали: она постоянно страдала разными недугами. Как видно из ее писем, болезни

¹ Голиков, т. IV, 455.

² Ведение служителя ее Петрова в Камер-Коллегию 8 февр. 1721 г. о даче подвод на обратный проезд царицы в Спб.: "И те подводки в пристойных местах поставить без замедления, дабы за теми подводками в пути ся величеству остановки не было". Каб. дел., II пол., т. XIV, с. 1407.

были у нее великие: "мократная, каменная, подагра и ся натуре таких болезней не снести...". Ноги ей рано отказались служить, она обрюзгла, опустилась, сделалась непомерно раздражительная, и под влиянием этих болезней являла иногда характер, как увидим ниже, в высшей степени зверский... Надо думать, что, кроме лет, впрочем, еще не преклонных (58), болезнь ее развилась и от неумеренного употребления крепких напитков. Кто бы ни приезжал в привольное село Измайлово, либо в ее дом в Петербурге, кто бы ни являлся к хлобосольной хозяйке, он редко уходил, не осушив нескольких стаканов крепчайшего вина, наливки или водки. Царица Прасковья всегда была так милостива, что сама подавала заветный напиток, сама же и опорожняла стакан, ради доброго гостя.

Даже выезжая куда-нибудь, царица приказывала брать с собой несколько бутылок вина... Нельзя слишком обвинять в этой слабости старушку; она пила так же, как пили все или почти все русские аристократки петровского двора. Кто читал дневник Берхгольца, тот, без сомнения, помнит опаиванья в царские дни петербургских и московских барынь; помнит и маленькие неприятности для дам, неминуемые последствия подобных попоек. Горькая чаша зачастую не обходила и "ангелоподобных цесаревен", как называет почтительный камер-юнкер дочерей великого монарха.

Больная старушка, убеждая дочь посетить ее да хорошенько полечиться, послала ей, а также герцогу и их дочери, в знак особенной своей любви и привязанности, разные подарки. То были большей частью дорогие меха: лисьи, соболя, горностаевы, грецкое мыло, дорогие камни, внучке игрушечки и всякого рода гостинцы.

По просьбе царицы, сам государь делал иногда подобные подарки, но, разумеется, чаще доводилось ему дарить деньгами, что было для герцогини гораздо важнее всех бочечек да мазиков, которые не скупилась присылать Прасковья для передачи "крошечке-малюточке внученке своей Аннушке".

Так, напр., в бытность Катерины Ивановны с мужем в Вене (в 1720 г.) государь послал на ее нужды перевод на банкирский дом в 5000 ефимков¹, вообще был к ней как нельзя более внимателен, извещал о своих радостях, обнадеживал своей помощью в ее нуждах и пр.

Рескрипты по большей части писались секретарской рукой, но иногда начало и конец, в особенности в P.S., Петр писал сам.

В том же 1720 г. 8 августа, государь сообщил любезной

---

¹ Голиков, т. VIII, с. 431.

государыне-племяннице "зело радостную" ведомость о победе, одержанной князем Голицыным, 6 числа, над шведской эскадрой в Ламеланской гавани, причем взяты были русскими четыре фрегата. "И (с) сею нечаянною викториею вам поздравляем. А каким порядком то делалось и что чего взято, тому прилагается печатная ведомость". "А что требовали вы о твоей нужде, — приписывал Петр собственноручно, — то исполним вскоре, також не извольте думать, чтобы мы вас позабыли; но летать не умеем, а идем хотя тихо, только слава Богу не остаемся; а когда в наших делах добро совершитца, то и вам без труда добро последовать будет"¹.

Катерина неоднократно писала к дядюшке, и тот постоянно отвечал ей в самом дружелюбном тоне; вот, напр., обращение этой полуофициальной, полуродственной корреспонденции:

"Пресветлейшая герцогиня, дружбно-любезная племянница! Мы благодарствуем вашему царскому высочеству и любви за учиненное по отправленной к нам вашей приятной грамоте, от 10 декабря минувшаго года поздравление (с) новым годом. И яко мы, во всем том, что вашему царскому высочеству приятное и пожеланное приключиться может, особливое радостное участие приемлем, такого взаимно желаем мы вашему ц. высочеству, и любви от Всевышняго, так в наступившем новом году, как на многия следующие лета всякой счастливости, постояннаго здравия и саможелаемаго благоповедения и пребываем навсегда вашего царскаго высочества дружбно-охотный дядя Петр"².

Не желая ограничиваться одним обменом поздравительных рескриптов, Петр душевно бы желал помочь, ради герцогини, ее мужу. Дела последнего были крайне плохи. Он ни с кем не уживался, никого не слушал; на него негодовал австрийский император, негодовали союзники и соседи, а более всего жаловались, и не без основания, его подданные.

— "Пишешь еще, — писал государь к племяннице³, — о прежних вам и ныне продолжающихся обидах, чтоб вам вспомочь, в чем воистинно и мы часть дасады терпим, и сколько мочно — при дворе цесарском трудимся о вашей пользе". Государь советовал им пока обождать, быть возможно уступчивее и "склоннее", что было, по его мнению, необходимо "по нынешним каньюктурам", а главное напоминал племяннице, чтоб она убедила своего благоверного супруга, чтоб он "не все так делал, чего хочет, но смотря по времени и случаю".

¹ Гос. арх., подлинные письма Петра, 1720 г., л. 1.

² Каб., дел., I пол., т. LXIV, л. 715.

³ Письмо Петра 1720 г., л. 2, собственноручный ответ из Спб. 14 дек. 1720 г. на письмо герцогини от 23 ноября того же года из Демница.

Не тут-то было. Благоверный Карл-Леопольд не унимался, не смотрел ни на время, ни на случай и дождался грозы со стороны цесаря. В его владения, как он жаловался, неправедным поступком прислали "эзекуцию" (т.е. войско); герцогиня спешила послать жалобу к царю Петру.

"...Сердечно (об этом) соболезную, — отвечал государь, — но не знаю, чем помочь? Ибо ежели бы муж ваш слушался моего совета, ничего б сего не было; а ныне допустил до такой крайности, что уже делать стало нечего. Однакож прошу не печалься; по времени Бог исправит и мы будем делать сколько возможно"¹.

С заключением Ништадтского мира эта возможность представилась очевиднее, и Петр на официальном поздравлении племянницы "с благим и пожелаемым миром" собственноручно приписывал: "И ныне свободни можем в вашем деле вам помогать, лишеб супруг ваш помяхче поступал"².

Достаточно последних слов, чтоб представить себе, каково было поведение Карла-Леопольда, герцога Мекленбургского, если даже сам суровый и грозный Петр вынужден был напоминать ему о мягких поступках.

А вести об этих немягких поступках более и более отравляли царице Прасковье и без того горькую разлуку с любимицей Катюшкой; больная, она по целым месяцам (с 1720 г.) лежала в постели, владея только руками; к ее же горести, младшая дочь, бывшая при ней неотлучно, беспрестанно недомогала. И душевные, и телесные скорби вызывали со стороны старушки беспрестанные просьбы к "свет-Катюшке", чтоб она писала сколь можно чаще и чаще:

"Пиши ты ко мне, царевна Екатерина Ивановна, — беспрестанно напоминает царица, — пиши ко мне про свое здоровье и про мужнее, и про дочкино почаше..." "Пиши ты ко мне почаше, не крушите меня..." "Отпиши против сего письма, как можно поскорее... а письма твои, Катюшка, чту, и всегда плачу, на их смотря" и т.д.

Что это были за грамотки, которые обливала слезами Прасковья, — мы не знаем; мы не нашли ни одной из них в просмотренных нами подлинных бумагах; вероятно, они сохраняются в одном из московских архивов и когда-нибудь явятся на свет... Что они должны быть любопытны для характеристики царевны Катерины Ивановны, в этом не может быть сомнения, точно так же, как не безынтересны письма ее маменьки, впервые явившиеся в приложениях к первому изданию настоящего труда ("Ца-

¹ Каб., дел., I пол., т. LXV, л. 260, письмо из Спб. от 16 марта, как кажется, 1721 г.

² Подлинное письмо Петра, л. 3, 1721 г. 8 сент. Спб.

рица Прасковья", изд. 1861 г.), затем вошедшие в издание "Письма русских государей", изд. 1862 г., Москва, т. II, и ныне сполна помещенные в приложениях к настоящей книге; при этом, кстати заметим, так как грамотки эти были уже напечатаны буквально, т.е. со всеми грамматическими ошибками, то мы, для удобства чтения, напечатали письма эти дословно, но не буквально. (См. приложения.)

В этих письмах, как нельзя лучше, высказывается самая нежная материнская привязанность и заботливость старушки о "Катюшке"; с какою любовью расспрашивает она о ее делах, как искренно грустит о ее печалях, как заботливо расспрашивает про болезни и как неутомимо исписывает грамотки советами лечиться сколь возможно скорее и старательнее; часто напоминает о наблюдении супружеского закона; молит не забывать Господа Бога; шлет подарки, удовлетворяет ее просьбам, наконец, расспрашивает о новых нуждах, с полною готовностью выполнить малейшую просьбу. Нельзя не заметить при этом, что ни в одной строке Прасковьи не прорывается упрека герцогу, которого она имела бы полное право упрекать во многом. Если большая часть его поступков могла быть скрываемая от старушки, то все-таки трудно предположить, чтоб она ничего не знала и ни в чем бы его не винила; но, как женщина с большим природным умом, она не хотела упреками посеять раздор между супругами; она благоразумно находила, что упреки ничему не помогут, а, пожалуй, вынудят капризного и своевольного Карла-Леопольда на какой-нибудь дерзкий поступок.

Прочитывая самые нежные, полные материнской страсти письма Прасковьи к Катюшке и к внучке Аннушке, невольно задаешь себе вопрос: неужели в этой любящей душе, наряду со столь прекрасным и сильным чувством, могли быть злые страсти?.. А между тем в этой же душе, как увидим, гнездились злоба непомерная, жестокость и зверство, превышающие всякое вероятие и, по-видимому, совершенно немислимые в женской натуре... Но это было так... об этом свидетельствуют подлинные бумаги.

Пока, однако, дойдем до этих фактов, послушаем горячие просьбы, гнев и заклятия, с какими убеждает старушка ненаглядную Катюшку приехать к ней на житье; она с замечательною постепенностью и искусством подбирает самые сильные доводы о необходимости этого приезда:

"...А о вас государь соболезнует очень и всяко хочет помочь; только, не выдавши с вами, нельзя сего дела делать; всеконечно надобно вам быть в Ригу..." Царица жалуется на болезни, уверяет, что от великих скорбей и несносных печалей не чает себе

долгого жития и просит простить ее грехи, буде что Господь сотворит... И все это пишет к тому, что Катюшка "буде не брюхата" по-прежнему, побывала бы у нас, "как вылечася, для моей старости и для моей болезни..."

И тут, рассчитывая на авторитет государя и на его значение относительно герцога, Прасковья настаивает, чтоб дочь просила его ехать к ней в Россию, а буде отправитесь, "не покидайте дочки (Аннушки), не надсадите меня при моей старости". Самым сильным доводом Прасковьи было желание дядюшки, т.е. государя; его именем обнадеживала она дочь, что их дело лучше устроится в России... "Всеконечно, Катюшка, — пишет царица, — дядюшка говорил, што как приедут, всеконечно дело их управлю; я не пишу никогда ложно..."

"А о себе пишу, — пишет Прасковья в другом письме, — то я всеконечно больна и лежу в разслаблении и тебе, Катюшка, всеконечно надобно ко мне приехать для благословения и для утешения мне; также, чтоб мне видеть твою дочку — безмерно желаю: тем бы я утешилась, чтоб ее увидела..." Затем опять те же обещания, что дело герцога устроится тотчас же, лишь только он, либо Катюшка приедут в Россию; новые ссылки на дядюшку, на его желание видеть при себе племянницу; а буде это желание не исполнится, то вы его тем "раскручите и у дядюшки всю свою пользу потеряете..." Но из следующих же за тем строк ясно видно, что дело идет не столько о пользе герцога, сколько о сильном желании старушки "для самага Бога и Пресвятой Богородицы дочку и внучку увидеть, хоть на один час".

Наконец, видя, что ее желание, по разным причинам, все еще не выполняется, Прасковья в новом письме начинает грозить "Катюшке" гневом Божиим, буде та не приедет к ней.

Интересно, что для бóльшей убедительности просьб Прасковья не раз писала шуточные и в то же время нежные послания к малютке-внучке своей Аннушке.

Мы уже видели, с какой заботливостью посылала она к ней игрушечки и гостинцы; попечения об единственной внучке никогда не покидали бабушку. "Которая у меня девушка грамоте умеет, — пишет она между прочим к "Катюшке", — посылает к вам тетрадку; а я ее держу у себя, чтоб внучку учить русской грамоте".

Как прост и как наивен взгляд на образование своих птенцов у царицы-помещицы! Она приказала обучить грамоте одну из своих холопов, для того, чтоб та, в свою очередь, когда придет пора, по ее велению, открыла бы свет науки "ненаглядной Аннушке", дочери герцогини Мекленбургской. План старушки, однако, сколько нам известно, не исполнился: в числе

наставников и наставниц будущей правительницы Всероссийской империи мы не видим крепостную девицу царицы Прасковьи.

Старушка-царица в особых грамотках просила "махоточку-внучку" утешать батюшку и матушку, не давать им кручиниться. Смотрите, напр., сколько нежности и любви в этих посланиях, писанных Прасковьей к внучке самыми тщательными каракульками, уставцем, на маленьких листочках, бережно и красиво обрезанных:

"Друг мой сердечный внучка, здравствуй с батюшкою и с матушкой! Пиши ко мне о своем здоровьи, и про батюшкино, и про матушкино здоровье своею ручкою. Да поцелуй за меня батюшку и матушку: батюшку в правой глазок, а матушку в левой... Да посылаю я тебе свои глаза ☺ ☺ старые, уже чуть видят свет; бабушка твоя старенькая хочет тебя, внучку маленькую, видеть".

"Внучка, свет мой! — пишет бабушка в другой грамотке, — желаю я тебе, друг мой сердечный, всякаго блага от всего моего сердца; да хочетца, хочетца, хочетца тебя, друг мой внучка, мне, бабушке старенькой, видеть тебя маленькую и подружиться с тобою: старая с малой очень живут дружно... а мне с тобою о некаких нуждах, самых тайных, подумать и переговорить (нужно)..."

Надежды старушки свидеться с Катюшкой и внучкой начали осуществляться. Еще в январе 1722 г. при дворе Петра стали поговаривать о скором приезде в Россию герцога Мекленбургского.

18 января сего года прибыл от него в Москву курьером полковник Тилье. Приезд его не обратил бы на себя большого внимания, если б он не сопровождался следующим приключением. Между Москвой и ближайшей от нее станцией на мекленбургского полковника напали разбойники, обобрали и его, и сопровождавшего его егеря до последней нитки, так что немец-курьер явился в русскую столицу в крестьянском полушубке... Весть о таком грабеже вызвала разные толки, между прочим о поручении, с каким явился полковник. Оно было секретом для двора, но поговаривали, что Тилье прислан в Москву вследствие заговора против герцога Мекленбургского, за который тайный советник Вольфрат с женой и многие другие знатные лица подверглись жестокому аресту; говорили, между прочим, и о том, что скоро приедет в Россию сам герцог...¹

Петр, действительно, был не прочь видеть его у себя, частью в надежде направить Карла-Леопольда советами и личными убеждениями на настоящую дорогу, частью и потому, что хотел

¹ Берхгольц, ч. II, с. 47.

угодить невестке, которая не переставала его осаждать просьбами вытребовать Катюшку в Россию.

Вследствие всего этого, отъезжая в персидский поход, государь, 8 и 11 мая 1722 г., отправил две зазывные грамотки к любезнейшей племяннице:

"...Обнадеживаем вас, — пишет он в первой, — что мы его светлости герцогу, супругу вашему, в деле его вспоможения чинить не оставим. Но понеже потребно о так важном сем деле нам с его светлостью самим разсуждение иметь и о мерах к поправлению того согласиться; того ради мы к нему ныне... отправили... капитана Бибикова с грамотою нашею, требуя, дабы его светлость купно с вами в Ригу приехали, и уповаем, что его светлость, оное, ради своей собственной пользы, учинить не отречется. А ежели, паче чаяния, его светлость для каких причин в Ригу не поедет; то в таком случае желаем мы, понеже невестка наша, а ваша мать, в болезни обретається и вас видеть желает, дабы вы для посещения оной приехали сюда, где мы с вами и о делех его светлости переговорить и потребное об оных определить можем".

Вслед за этим рескриптом, писанным рукой секретаря, государь подтверждал то же приказание в собственноручной приписке: "Паки подтверждаем, чтобы вы приехали, понеже мать того необходимо желает для своей великой болезни".

Курьеру, капитану Бибикову, император, по убедительной просьбе невестки, вручил незапечатанную, собственноручную записку; в которой просил любезную племянницу верить тому, что будет говорить предьявитель записки, помнить, что "мать зело ее видеть в своей болезни желает" и чтобы Катюшка всячески спешила приездом¹.

Что касается до самой Прасковьи, то она написала при этом случае длинное послание (от 15 мая); главное содержание его состояло в повторениях просьб приехать поскорей; старушка не только утверждала, что от этого зависит вся польза их собственного дела, но даже нужным сочла заметить, что при житье в России "убытку им никакого не будет, — весь кошт будет государев".

Пришла наконец весть, что дорогая гостья поднялась в путь-дороженьку: свет Катюшка — без мужа, но с четырехлетней дочкой едет в Москву... То-то радость, то-то веселье в родимом Измайлове! Старушка засуетилась: она то заботливо отдаст приказания о чистке хором, о приготовлениях к приему своей любимицы, то посылает к ней навстречу, пишет письма, — дни для нее тянутся неделями,

¹ Подлинные письма Петра в Гос. Архиве, л. 4 и 5.

она считает каждый час и ждет не дождется давно желанных гостей.

Посмотрите, как суетится, как тревожится царица; время для нее так тянется долго, что она решительно теряет надежду обнять дочку с внучкой...

"Катюшка, свет мой, здравствуй! послала я к тебе Алексея Татищева... я думаю, что вы долго не будете? Пришлите ведомость, где вы теперь? чтобы ведать мне... Пуще тошно: ждем да не дождемся... Внучка, свет мой, здравствуй! приезжай, свет мой, поскорей, не могу я вас дожждаться и, Бог весть: дождуся ли я или нет, по своей болезни..."

За первым встречником посылаются новые; царица отправляет "Татьяну с товарищи", за ними царевну Прасковью... Они везут грамотки с новыми сетованиями на медленность в пути: "...Я вас, светов своих, — пишет старушка, — дожждаю в радости; а больше веры нейму, что будете, кажется, не будете? Ежели можно, поспешите поскорее, для того, что дитяти долго в дороге быть трудно, и для моей болезни... Ежели мне будет возможно, я сама выеду вас встретить... У меня, свет мой, вам и хоромы вычищены для вашего покою. Чаю, вам ехать трудно в дороге, а больше того дитяти великой труд. А я думаю, никак вас не дождусь, по своей болезни... Хотя бы взглянуть на внучку... А у меня в доме, свет мой, все радуются твоему приезду, а наипаче дочки вашей..."

От радости Прасковья стала бодрее, поправилась, прошел лом в костях, чем она много страдала; но ходить все не могла, и потому, как узнала, что Катюшка близко, выслала ей навстречу Василия Алексеевича Юшкова, своего интимного, горячо любимого фаворита. Царица посылала его вместо себя, впрочем, тут же просила отнюдь не держать его при себе более суток. "Пришли его ко мне скорей, а я тебя, — писала царица, — не могу дожждаться".

Предоставляем читателям самим вообразить картину встречи Прасковьи с любимой дочерью, после пятилетней разлуки.

Катерина Ивановна приехала в Москву в августе месяце 1722 г., в довольно скучную пору. Государь, 13 мая, а вслед за ним императрица (14 числа) и многие из придворных отправились в Астрахань, в персидский поход. Недели две спустя выехали в Петербург цесаревны Анна и Елисавета Петровны, также в сопровождении большой свиты¹. Герцогиня Анна Ивановна жила в Митаве; таким образом, из именнейших лиц

¹ Они выехали вместе с Меншиковым 5 июня 1722 г. Князь часто извещал государя с государыней о здоровьи и занятиях цесаревен. Каб. дел., II пол., т. LX, л. 559—579. См. также Диариуш Ханенки в Чт. Общ. Ист. 1858 г., смесь, кн. I, с. 68.

в Москве оставался только герцог Голштинский со своим штатом, добросовестно опорожнявшим со своим господином кубки с вином в заседаниях пьяной компании, основанной герцогом, под названием "Тост-Коллегии".

"Свет-Катюшка" заняла в Измайлове отведенные ей хоромы подле матушки; в больших флигелях разместилась ее свита, между которыми были и мекленбуржцы, так, напр., капитан Бергер и другие¹.

При дешевизне тогдашней жизни и богатству запасов, получаемых с больших вотчин, измайловские обитательницы жили в достатке, сытно, тепло, уютно; но, платя дань веку и собственному необразованию, жили довольно грязно; проводили время в еде, в спанье, в исполнении церковных треб и в бесцеремонном принятии и угощении гостей до отвалу и опьянения.

Если бы вы вслед за камер-юнкером Берхгольцем², который — как статный парень — скоро полюбился толстенькой герцогине, зашли бы к ней в измайловский дворец, вам бы, вероятно, попалась навстречу царевна Прасковья — бледная, растрепанная, с выдавшимися скулами, осунувшимся лицом; она по обыкновению в дезабилье, но это не помешало бы ей сунуть вам для поцелуя свою костлявую руку. Вы целуете и проходите в комнаты герцогини не иначе как чрез спальню больной царевны... а вот и Катерина Ивановна. Послушайте, какие она отпускает уморительные вещи, как весело болтает, каким звонким смехом заливается на весь дом при каждом слове, по ее мнению, остроумном. Хотите или не хотите, а вы должны выпить вина; вам его поднесут либо сама герцогиня, либо ее малютка дочь, либо подаст больная Прасковья. — Предваряю, что отказаться неучтиво, да и не принято; пейте и спешите за статным камер-юнкером... Хохотушка Катерина ведет его в спальню, устланную красным сукном, довольно еще чистым; герцогиня показывает свою кровать. Бог знает чем заслуживающую осмотра, и рядом с ней, в алькове, вы можете видеть постель маленькой принцессы. Вообще убранство этой комнаты лучше остальных, которые меблированы крайне плохо.

¹ Не родственник ли известному впоследствии доносчику Бергеру, виновнику лютых казней, постигших Лопухиных в 1743 г.?

² Он сделал первый визит в Измайлово, в свите своего герцога, 5 сентября 1722 г. Голштинцы отправились в четырех каретах, каждая в шесть лошадей, парадными цугами. Гостей встречали и провожали в Измайлове кавалеры герцогини и царицы. — Беседа тянулась с час, и как ни коротко было это время, но все успели опорожнить по несколько стаканов венгерского вина, поднесенного гостеприимными хозяйками.

Тише... что это за писк и вой? Оглядывае­тесь: пред вами полуслепой, грязный и страшно пропахший чесноком банду­щик гнусливо затянул песню, за ней другую, третью... Герцо­гиня Катерина Ивановна вообще любительница музыки и вся­кого рода эстетических наслаждений; она с довольной улыб­кой слушает пенье. Берхгольц с немцами-товарищами ничего не понимает, а песни все сальны, недаром же царевна Прас­ковья в качестве девицы считает неприличным оставаться в комнате, когда поются некоторые из них.

Кроме песен бандурищика, герцогиня находит немало удо­вольствия в шутках и скоморошничестве грязной, слепой и безобразной старухи, которая босиком, в каком-то рубище, смело и свободно разгуливает в ее комнатах. Особенный эффект постоянно производит следующий фарс шутихи: по первому слову матушки Катерины Ивановны старуха пуска­ется в пляс, причем поднимает спереди и сзади свои старые лохмотья.

Немцы-гости недоумевали, как герцогиня, столь долго жив­шая в Германии, сообразно своему званию, может здесь тер­петь такую бабу... Но недоумение их было странно. Катерина Ивановна привыкла к шутам, шутихам, карлам, дурам, юроди­вым и т.п. исчадиям тогдашней боярской жизни с малых лет; вся эта обстановка не поражала, да и не должна была ее пора­жать; а у такого милого супруга, каким был беспутный Карл-Леопольд Мекленбургский, она едва ли могла заимствовать новые привычки и усвоить новый образ жизни... Вот почему она и поспешила зажить по-старому, лишь только попала в родимое гнездо...

В этом гнезде одним из главных действующих лиц был старый наш знакомый Василий Алексеевич Юшков. Возвели­ченный в звании главного управляющего всеми вотчинами и домами царицы, фаворит ее, он хлопотал об интересах госпожи далеко не с надлежащим усердием. Хозяйство шло плохо, долгов на "доме государыни царицы" считалось много, уплаты велись неаккуратно; а при недосмотрах главного управ­ляющего естественно, что не чинились мелкие приказчики и тащили господское добро направо и налево. К довершению неурядицы, заносчивый и своевольный Юшков, гордый связью и доверием к нему Прасковьи, вел себя относительно сослуживцев крайне дерзко и распоряжался ими по своему произволу.

В числе их был подьячий Василий Деревнин. Сын дьяка из приказа Большого Дворца, Федора Петровича Деревнина, и свойственник одного из шести думных дьяков, Гаврилы Де­ревнина, Василий Федорович начал службу стряпчим при отце, и с 1703 по 1714 год состоял в служителях при комнате царицы

Прасковьи. В 1714 г., по царскому указу, определен он в Измайлово комиссаром "для отправления государевых дворцовых волостных дел". В небытность царицы в Москве с 1715 по 1719 год, Деревнин управлял окладной казной царицы.

До сих пор им были довольны, он исполнял свои обязанности спокойно, пользуясь надлежащей доверенностью. Но в 1718 году Деревнин, неизвестно вследствие каких обстоятельств, навлек на себя гнев Юшкова. Из Петербурга приехал для его учета дьяк Степан Тихменев, преданный слуга Юшкова и личный враг Деревнина. Учет и сдача казны продолжались довольно долго, и только в 1720 году Василий Федорович, по собственному прошению, был уволен от занимаемой им должности. Сдача должности была неблагоприятна для нашего стряпчего. На него насчитали большие начеты, он не знал, как с ними быть, и, дождавшись приезда Юшкова с царицей в Москву, стал осаждать неотступными просьбами рассчитать его без несправедливых, по его уверению, начетов.

Кто из них был прав — из дел не видно; да для нас решение этого вопроса не имеет особенной важности. Зато эта распря интересна в том отношении, что в ее последствиях, как нельзя лучше, выразилась личность старушки Прасковьи. Дело Василия Деревнина бросает новый свет на царицу, типичную представительницу аристократок Петровского времени. Эпизод этот столь важен, что мы отводим для него следующие главы...

VI Цифренное письмо

Злым, отчаянным, воровским вымыслом на честь ея величества Параскеви Федоровны и к поношению ея имени предано то письмо приказной публике!

Ведение в полицию 29 сент. 1722 г.

5 января 1722 г. Деревнин в сотый уже раз пришел хлопотать по своему делу к Юшкову. Василий Алексеевич приехал в это время из Измайлова в свите Прасковьи, и царица по обыкновению остановилась в доме брата своего Василия Федоровича, на Тверской, в приходе Спаса¹.

Дождая фаворита, стряпчий стоял на дворе; вдруг из хором вышел Юшков; он не обратил внимания на Деревнина, куда-то спешил и, проходя по двору, выронил нечаянно из кармана какую-то бумагу.

Стряпчий оглянулся, на дворе не было ни души; он поднял бумагу: то было письмо руки царицы к ее фавориту, писанное уставцем; многие слова были означены литерами под титлами; в первой строке таких слов было три, в другой — четырнадцать, в третьей — три. Что это было писано Прасковьей Федоровной, стряпчий не сомневался ни минуты: он очень хорошо знал ее почерк.

Радость и страх в одно и то же время овладели Деревниным. В его руках была какая-то тайна; раскрытие ее могло дать возможность отомстить ненавистнику его Юшкову, а как доносчик — он получит награду.

Но радость сменялась страхом: находкой он вооружал против себя Прасковью: сила и значение ее хорошо были ему известны. В царице он наживал себе врага могущественного и непримиримого. Возвратить ли письмо или представить его царю — вот воп-

---

¹ Этот дом перешел потом к Строганову, а от него к князю Алексею Борисовичу Голицыну. Щербатов: О повр. нр., в "Русск. Старине" изд. 1870 г. (третье изд.). У В.Ф.Салтыкова был еще двор в Москве за Яузскими воротами, за Земляным городом.

рос, который быстро мелькнул в голове Деревнина. Не возвратит — подвергнуться преследованиям Юшкова и царицы; возвратит — потерять случай к мщению и нарушить государевы указы. Находя в них строгое повеление ничего не утаивать "противного в деле государевом", он находил и одобрения, и поощрения к доносу. "Ежели б кто сумнился о том, — гласил указ 1714 г., — что ежели явится какой доносчик, тот бедствовать будет, то не истинно, ибо не может никто доказать, которому бы доносителю какое наказание или озлобление было, а милость многим явна показана... Того ради, кто истинный христианин и верный слуга своему государю и отечеству, тот без всякого сомнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах..."¹

Деревнин был стряпчий, законник, не знать указов не мог; забыть их — также, и, следовательно, немудрено, что чувство подъячего, алчущего мести и выслуги, взяло верх. Он поспешил со двора кравчего с заветным письмом.

В тот же день, в задушевной беседе с тестем своим, Терским, подъячим по страсти и провинциал-фискалом по должности, Деревнин рассказал о находке. Терский долго рассматривал письмо, силился разобрать цифирь, но "рассудить ее, — как сам сознавался, — не мог". — Я хочу подать письмо самому государю, — говорил зять. Тесть не отговаривал, а, напротив, со взглядом знатока, заметил, что письмо действительно "противное", т.е. важное и заслуживает доноса.

Между тем, пока стряпчий наш искал случая побить челом великому монарху, Юшков хватился письма, стал разведывать, разослал лазутчиков и через них, при болтливости Деревнина, скоро узнал в чьих руках письмо. Недолго думая, Василий Алексеевич тотчас же арестовал стряпчего и заточил в особую казенку. При боярских домах для заточенья и штрафованья ослушных челядинцев не было недостатка в подобных приютах.

Деревнин просидел под самым строгим караулом восемнадцать дней, с 5 по 23 января: к нему никого не допускали. Юшков требовал выдачи письма, Деревнин уверял, что его не имел и не имеет. Для проверки сего показания, фаворит царицы наложил

¹ Указ блаженного и вечно достойного памяти императора Петра Великого 1714 г. янв. 25. Целый ряд указов: ноября 1705 г., 2 марта 1711, августа 25, окт. 25 — 1713 г., янв. 25, сент. 26, дек. 24 — 1715 г., апреля 16 и 19 — 1717 г., янв. 19 — 1718 г., 16 апр. 1719 г., 9 февр., 22 июля 1720 г., февр. 19 пункт. 6 и 7 — 1721 г., янв. 11 — 1722 г. и многие другие указы вполне и отчетливо объясняли, кому и как доносить, ободряли несмелых доносчиков, возбуждали честолюбивых обещаниями, грозили трусливым наказанием и пр. Ряд этих указов дал прочное развитие на Руси целой касте доносчиков и шпионов.

на заключенного "чепь пудов в пять". пытка была слаба в сравнении с сильным желанием Деревнина выслужиться и отомстить противнику. От продолжительного и тяжкого заточения стряпчий заболел весьма опасно; но чем больше страдал, тем более убеждался, что письмо должно быть важное, если Юшков так настойчиво силится его вымучить.

23 января 1722 г. пришел к Юшкову как к управляющему конюх от двора его величества из Преображенского, с требованием выслать немедленно четырех бывших приказчиков Измайлова, в том числе и Деревнина, для некоторых справок, по проверке жалоб царицы на беспорядочное их управление.

Но Юшков, отослав двух приказчиков, не нашел совместным со своим делом исполнить приказ вполне и не только не выпустил Деревнина, но усилил надзор за арестантом, приставив к нему на конюшне в караульне трех солдат. Дело принимало размеры более серьезные, и в тот же день к заточенному явился, по приказу Прасковьи, служитель ее, Андрей Кривский. Ему поручено было снять с Деревнина полнейший допрос.

Кривский начал с того, что выслал вон караульных.

— "Зачем тебя спрашивает его императорское величество и чрез кого ты хлопотал, чтоб тебя потребовали к государю?"

— Я не хлопотал и не просил об этом, — отвечал Деревнин¹.

Кривский записал это показание, и записал со следующей уловкой: вместо "спрашивал стряпчего Деревнина его императорское величество" — "спрашивал Матвей Олсуфьев"; к этой бумаге заставил Деревнина приложить руку и отнес допрос к царице.

С 23 января 1722 г. заточение стряпчего ухудшилось до такой степени, что от "жестокого держания он заскорбел и едва был жив". Юшков струсил; государь был в Москве; государь мог проведать про его самоуправство, и беда, если стряпчий умрет под арестом. 30 января Деревнина выпустили, причем под великим страхом запрещено было ему от Юшкова с чем бы то ни было являться к государю.

Надо думать, что пятипудовая цепочка не вполне выдавила из нашего героя желание заявить императору цифирное послание царственной старушки; он не утомился, стал болтать о своем намерении — и вот, не далее как две недели спустя, от Юшкова явились новые сыщики, с приказом схватить Деревнина. Но стряпчий был на этот раз осторожнее: находя дом

---

¹ Его требовали с другими стряпчими царицы, Аргамаковым и Тащевым, для проверки счетных книг, в которых были неправильно выведены приход и расход денег, выданных из Кабинета государева. — Гос. Архив, Каб. дел., II пол., кн. 65, л. 478 и кн. 68, л. 589—590.

тестя¹ не вполне надежным убежищем, он поспешно собрался в дорогу, обложил подушками и вместе с женой уехал в деревню свояка своего, ревельского школьника Петра Иванова Юрьева². Юрьев, зная, что свояка ищут, боялся долго его укрывать, и свояк до сентября месяца 1722 г. переезжал из деревни в деревню своих родственников в Московском и Коломенском уездах.

Надоела ему, наконец, жизнь бродяги. Рассчитывая на то, что государь скоро вернется из Астрахани, а царица Прасковья Федоровна запомнила о нем и о тайнственном письме, Деревнин вернулся 11 сентября в Москву и остановился по-прежнему в доме своего тестя. Если верить Терскому, то он держал зятя не скрытно, думая, что никто уже его не потревожит.

Но тревожился Юшков, тревожилась и царица. Петра не было, руки были развязаны, и они начали действовать смелее и свободнее, с полной уверенностью, что с поимкой Деревнина вымучат от него письмо. Юшков повелел служителям, именем царицы, отыскать стряпчего, и за доставку его в Измайлово посулил 100 рублей. Награда была заманчива; начались поиски; но у Деревнина были друзья. Александр Барнавалокков и Федор Балувев, служители царицы, посетили его в доме Терского и объявили о поисках. "Обещано за тебя 100 рублей и больше, и уж многие де тебя ищут", — говорили друзья, и говорили совершенно справедливо.

29 сентября, у Покровских ворот, за Земляным городом, Деревнин наткнулся на царицына конюха Евтихия Соловцова.

— Стой, брат! — закричал Соловцов. — Всем нам приказано, поймав тебя, привести, и обещана за то великая награда, ступай за мной.

Страх придал силы, и Деревнину удалось отбиться от Соловцова; зато с этого времени он стал так бдительно хорониться то у тестя, то у свояка, то у других родственников, что Юшков потерял, наконец, надежду поймать его своими людьми и обратился к пособию обер-полицмейстера.

Полковник Максим Петрович Греков был еще новичок в своем деле; звание московского обер-полицмейстера только еще было учреждено (указом 19 января 1722 г.), и он всячески старался угодить сильным мира сего; на его усердие и Юшков, и царица смело могли положиться.

Таким образом, 24 сентября от дворца царицы представлено было к нему ведение. В нем стремянный Никита Иевлев объяв-

---

¹ В Огородной слободе, в приходе церкви Харитония исповедника, за Мясницкими воротами.

² Жены Юрьева и Деревнина были родные сестры, дочери Григорья Терского.

ляя, что дому его государыни служитель Деревнин, находившийся у ее казны, похитил знатную сумму денег, несколько тысяч рублей, бежал с женой, детьми и с пожитками; скрывается в Москве, а где — то может указать посланный служитель. Нечего и говорить, что мнимая (как ниже увидим) кража Деревнина была только официальной причиной его сыска.

Греков немедленно послал капитана Пазухина и каптенармуса Ладыженского арестовать беглеца с его семейством и служителями, а пожитки, какие сыщутся, описать, запечатать и приставить к ним караул. Буде же Деревнина не сыщут в домах, указанных служителем, и тех домов хозяев, жильцов и прислугу привести в полицмейстерскую канцелярию, дома опечатать и приставить к ним караул.

Обер-секретарь Тихменев, поверенный царицы и сам судья, привел капитан-поручика с его свитой в дом фискала Терского. Команда была с заряженными ружьями и, придя на место, поспешила оцепить дом с улицы и переулка. В верхних палатах был Деревнин; услышав шум и догадавшись, кто были гости, он бросился через калитку на смежный двор; полиция не нашла его, не нашла и хозяина дома: по какому-то сутяжническому делу он был под арестом при Военной коллегии, у прокурора Паникова; — Терского отправился выручать в тот день на поруки Юрьев, а к последнему уехала в гости жена Деревнина.

Полиция нашла в доме Терского его племянниц, Катерину Игнатьевну и Афимью Еремееву; слугу Деревнина — Харитона Иванова, слуг Юрьева — Ивана Петрова, Евстафия Спиридонова, наконец, шведа Егора Яковлева, купленного Терским на улице по весьма сходной цене, всего за 2 р. 50 коп. меди.

Все они, "избитые мучительно", так, по крайней мере, писал впоследствии Терский, со связанными руками назад, были отправлены к обер-полицмейстеру; даже баба из соседнего дома, Марья Назарова, пришедшая посудачить к служанкам Терского, и та была схвачена усердными полицейскими. Они обшарили весь дом, перепортили мебель, вещи, переломали замки, перетрясли пуховики да перины, но ничего подозрительного не нашли, кроме двух бумажек: то были задравные памяти. Их почему-то Пазухин счел нужным представить начальству, вместе с чернильницей, палачным кнутом и серой лошадей с немецким седлом. В какой степени эта лошадь нужна была для допросов — неизвестно. Совершив, таким образом, набег на дом мирного гражданина, полиция оставила все его имущество под печатями и караулом.

Приведенная партия арестантов тотчас подверглась самым обстоятельным и подробным до нелепости опросам. Грекову и поверенному от царицы нужно было только знать: куда скрыл

ся Деревнин, а между тем, следуя правилам тогдашнего (да и несколько позднейшего) делопроизводства, они должны были интересоваться вопросами и ответами, нимало не идушими к делу, т.е. какого вероисповедания, происхождения, где родился, чем занимается, был ли наказан такой или такая-то ответчик и ответчица?

И вот, вслед за любопытным полковником, мы узнали, что отцы приведенных девиц, братья Терские, были: один — вольноотпущенный князя Сергея Долгорукова, а другой — крестьянин боярина Сверчкова, отданный им в солдаты; что дядюшка их, провинциал-фискал, в благоприобретенном доме которого они живут, имеет большую прислугу, а для острастки ее держит кнут.

Харитон Иванов генеалогию свою помнил гораздо хуже: он не знал, напр., сколько ему лет, какое его прозвище, крепостной ли он по рождению или купленный, и если купленный, то как была велика его стоимость; впрочем, сообщил несколько известных уже нам сведений о переездах его барина, Деревнина, из имения в имение.

Если память изменила Харитону Иванову, зато Иван Петров очень хорошо помнил, что отец его был кузнец, что он родился в Суздальском уезде, причем Петров не преминул назвать село, ознаменованное его рождением, заявил, что ему 35 лет от роду и третий год пошел с тех пор, как он взят своим баринном, Юрьевым, в Москву и живет в его доме, в Китай-городе, у Ильинских ворот. Что касается до шведа Егора Яковлева, по прозвищу Боровкова, столь сходно купленного Терским, то места своей родины он не помнил, крепостной или нет — того обстоятельно не знал, знал одно — огород да капусту, вверенную его хранению, и то знал только потому, что за недосмотр, как и явилось по осмотру его спины, Егор "весьма знатно бит кнутом".

— Нет, не кнутом меня били, — говорил Боровков, — меня били батогами да плетьюми.

Впрочем, полицмейстер не сразу поверил, ибо и здесь память Егора могла ему изменить. Изменила она и шестнадцатилетнему крепостному мальчику г. Юрьева, Остафию Спиридонову. "По осмотру его спины явилось, что он бит кнутом"; но юноша стоял на том, что барин соизволил бить его за домашние вины не чем иным, как только плетьюми да батогами.

Приведенные нами показания отобраны были далеко не простым спросом. Кулаки и батоги как неизменное условие тогдашнего полицейского опроса (и позже они

долго не были забыты) были пущены в дело¹. Если верить Терскому, то Греков и еще более Тихменев, пристрастный судья, человек, заинтересованный в этом деле, бранили допрашиваемых самыми "скаредными" словами, били некоторых по щекам собственноручно, наконец, раздевали и пороли плетьюми и батогами.

Марья Назарьевна сообщила, что муж ее, Федор Данилович Валяев, — слугитель царицы Прасковьи; что она зашла ныне в дом Терского по-соседству, с намерением довольно мирным — заказать его служанкам шесть рубах. Так как более интересного Марья ничего не сказала, то ее в тот же день и освободили, но не иначе как на поруки, под расписку мужа, с тем, чтобы явилась в полицию по первому востребованию.

Все эти показания, представляя нам две-три черты, небезынтересные для знакомства с нравами того времени, ничего, однако, не разъяснили Грекову. Было уже исписано листов десять первыми допросами и било десять часов ночи, когда Греков нашел нужным поручить тому же капитану Пазухину отправиться в дом Юрьева, поискать там Деревнина, а в случае неудачи, арестовать, как водится, всех жильцов, хозяек и хозяина дома.

Новый набег полицейского партизана и на этот раз не вполне удался: Деревнин вновь ускользнул из его рук. Но дом был оцеплен вооруженными солдатами; полицейские рыскали по комнатам везде и все перешарили. Пазухин ругался, "чинил разныя обиды", а когда Петр Иванович Юрьев, хотя и ревельский школьник, вносивший за себя ежегодный выкуп двести руб. в адмиралтейство, но, во всяком случае, барин сам, не лишенный права драться, вздумал останавливать полицейского, то вспльчивый капитан-поручик отпустил ему такого тумака кулаком в голову, что тот нашел неудобным продолжать дальнейшее объяснение. С дамами боец от полиции вел себя не менее деликатно. Жена Юрьева, дерзнувшая также что-то сказать, получила удар кулаком "в зашей", столь ловкий, что слетела с высокого крыльца и непременно бы расшиблась до смерти — так повествует в своей жалобе очевидец Терский, — если бы добрые люди не подхватили барыню, бывшую в это время "чреватою".

Било четыре часа ночи, когда Пазухин кончил обшаривать

---

¹ Достоин замечания, что уже много лет спустя не только после Петровской эпохи, но и после знаменитых указов, отменявших пытки, некоторые виды ее, разумеется незаконно, существовали еще в разных местах необъятной России. Укажу на один вид подобных секретных истязаний — на перчатки: это не что иное, как особый вид ручных кандалов в один, два, четыре, шесть и даже более пудов веса.

да опечатывать имущество в доме Юрьева. Оставив здесь караул, он отвел в полицмейстерскую канцелярию Григория Терского, егу жену, Прасковью Дмитриевну, Петра Юрьева и жену его, Анну Григорьевну; что же касается до жены Деревнина, то лишь только она узнала о набеге полиции на дом ее отца, она тотчас ушла из дому Юрьева и куда скрылась — неизвестно.

В полиции арестантов рассажали по казенкам; главнейший из них, Григорий Терский, посажен был в колодничью палату, в которой быть было нельзя: в сырой, тесный и душный подвал загнаны были 200 человек; высидев в подвале ночь, Терский, как сам свидетельствует, едва жив остался.

Между тем допросы продолжались всю ночь. Тихменев, личный враг Деревнина, не уставал; не утомился и господин обер-полицмейстер в уверенности, что его труды сторицею вознаграждаются от щедрот благодушной царицы Прасковьи.

От Юрьева, его жены и тещи следователи ничего особенного не узнали; гораздо подробнее и обстоятельнее были ответы провинциал-фискала, составленные с большим искусством человека бывалого, изведавшего всякого рода сутяжничество.

Да и немудрено — вольноотпущенный князя В.М.Долгорукого, он начал службу при "инспекторе" Курбатове в ратуше, с 1706 г. был у кабацких и таможенных дел надзирателем, потом инспектором в московской ратуше, был отставляем от одной должности, получал другую, и хотя все это доставалось "не из дач", как сам уверял, но в справедливости его показаний мудрено не усомниться. С 1721 года, при посредстве обер-фискала Нестерова (смертью на виселице поплатившегося впоследствии за взятки и мошенничество), Терский сделан был провинциал-фискалом. Как можно видеть, тесть Деревнина занимал должности и получал места прибыльные, чисто в подьяческом роде, и постоянно пребывал в среде сутяжничества да ябедничества; если ему по должности приходилось составлять ловкие челобитные и доносы, то не менее ловко вывертывался он из обстоятельств самых тесных. Впрочем, на этот раз он мог оправдываться с чистой совестью: за ним не было никакой вины; он только имел неосторожность найти показанное ему цифирное письмо бумагой важной и потом держал Деревнина у себя, но держал не как преступника, а как близкого родственника.

— Помилуй, господин полковник, — говорил Терский Грекову при начале допроса, — ты велел меня допрашивать обер-секретарю Тихменеву, а Тихменев особа подозрительная, и Тихменеву при допросе не надлежит быть. Я подал на него в надворный суд по своему делу доношение, да и ему, Тихменеву, переданы счетные книги у казны царицыной после зятя моего Деревнина.

— Нет, это ничего, пустяки, — возразил обер-полицмейстер, — Тихменеву выходить не для чего. Отвечай ему.

Нечего делать. Терский должен был отвечать и сообщил сведения о том, с какого и по какое время жил у него Деревнин, когда съехал с Москвы и пр. Куда девался Деревнин, того Терский не ведал. По разнообразию вопросов разнообразны были и ответы. Полюбопытствовали узнать, для чего у него мастерской, т.е. палачный кнут?

— ”Для острастки людей моих, — спокойно отвечал провинциал-фискал, — купил я кнут у носящего человека, в Китай-городе, близ Казанского собора; отчего у того кнута концевостец в крови, — того я не знаю; купил его так с кровью. Из людей же бил только мальчика Спиридонова за воровство и побег, да Егора Боровкова за домовья кражи и подвод ко двору воровских людей; бил их не я сам, а мои же люди, притом не этим кнутом, а кучерским...”

Поделившись столь обычными в то время фактами, Терский заявил надежду, что к 29 сентября Деревнин явится в полицию. Основываясь на этом, Тихменев предложил ему подписать обязательство: буде не представит он, Терский, зятя своего в течение четырех дней, то за то взят будет на нем показанный от царицы Прасковьи недочет, виновником которого находят бывшего казначая.

Отобравши подписку, следователи не нашли, однако, нужным освободить Терского для поисков зятя; напротив, заковали его в железа, с строгим запрещением кого бы то ни было подпускать к нему и говорить с ним.

Обвинение на зятя, будто он обворовал казну царицы, — Терский положительно отрицал; но сказывал Грекову, что имеет за собой некоторое государево дело, которое надлежит объявить в сенате, либо в Тайной канцелярии. Греков вынуждал сказать ему это дело. Терский долго колебался: ему непременно хотелось как-нибудь отделаться от полиции, хоть бы с переводом в Тайную канцелярию. Но, ”по многому принуждению”, отозвал Грекова в отдельную казенку...

— ”За зятем моим, — объявил Терский, — такое государское дело, что у него есть некоторое противное письмо руки царицы Прасковьи к служителю ее Юшкову; а письмо с литературными словами под титулами; в нем нет ничего против здоровья его императорского величества, ни об измене и бунте, но уразуметь его я не мог, понеже оно цифирное”.

Греков, может быть, и не подозревая, что это письмо и есть главный повод ко всему делу, не нашел показание Терского достойным тайны и, выходя из казенки, приказал то дело объявить явно.

— Если я то дело объявлю, — отговаривался Терский, — то в страхе буду, чтоб мне то за вину не причлось.

— Объяви не опасаясь, — повторял обер-полицмейстер, — здесь у нас только трех слов судить не велено; а оное ж дело не какое важное; а здесь такая ж канцелярия, как и Тайная.

Тогда Терский нашелся вынужденным повторить свое показание, и оно было записано.

Подозрительность следователя и усердие Грекова доходили до крайности. Один из жильцов в доме Юрьева, Скрипицын, послал к нему в полицию кафтан, подушку, а слугам хлеб на пропитание. Посланный схвачен и немедленно подвержен допросу. Федор Данилов, так звали служителя Скрипицына, весьма обстоятельно рассказал, где и когда он родился, как прежде был в извозчиках, кого возил и с кем ездил, как его прибил и ограбил в одной деревне какой-то Никита Грозный, а его по этому делу в городе Пошехоне посадили в тюрьму; наконец, как, освободившись из нее, он нанялся в Москве в услужение к секретарю генерала Чернышева, к г. Скрипицыну.

Выслушавши, мало того — записавши рассказ, не имевший ни малейшего отношения к производимому следствию, Греков любопытствовал даже осмотреть спину Данилова, и спина, — чему нельзя не подивиться, — оказалась цела.

26 сентября обер-полицмейстер положил следующие решения: 1) Племянниц Терского, Игнатьеву и Еремееву, также служителя г. Юрьева, Петрова, освободить под расписки знатым московским людям, у которых свои дома есть, с обязательством по первому требованию представить людей сих в полицию. 2) Служителя Харитона Иванова расспросить в застенке под пыткой¹, куда скрылся его господин, Деревнин. 3) Шведа Боровкова и мальчика Спиридонова также допросить в застенке под пыткой: за что и чем именно они биты. 4) Петра Юрьева и жену Терского освободить для сыску Деревнина, но не иначе как под расписку знатных людей. 5) Фискала Григорья Терского "до подлиннаго розыска и до указа" держать особо под крепким караулом, скованным, дабы "он утечки не учинил, и никого к нему не пропускать, понеже он допросом своим сам себя приманил к немалой важности о безчестии ея величества

---

¹ Право пытать и чинить всякого рода экзекуции всемилоостивейше предоставлено было полицмейстерской канцелярии 18 января 1721 г. Царь Петр собственноручно предписал: "...а которые пойманы будут в городе и слободах в каком воровстве (т.е. в преступлениях низшего рода, кроме разбоя, татбы и тому подобном) — тем розыск и экзекуцию отправлять полициймейстеру". Но для аккуратности, о розысках и экзекуциях полицмейстер обязан был репортовать Юстиц-Коллегии. Пол. Собр. Законов, т. VI, № 3714, с. 312.

великой государыни благоверной царицы Прасковьи Федоровны". 6) Пожитки в домах Терского и Юрьева прибрать в одни кладовые под печать и караул. (Эта уборка производилась полицейскими, и можно себе представить, в каком порядке она делалась и в какой целости оказались потом вещи!)

В тот же день для какой-то справки по недочетам казны Прасковьи, оставшимся на Деревнине, сыскали в Кадашевской слободе торговца Курочкина; в бытность Деревнина казначеем, он был купчиной при дворе царицы (вероятно, поставщиком или подрядчиком), и потому надеялись добиться от него некоторых объяснений; но кроме сведений о месте своего рождения, роде занятий и пр., Курочкин не нашел что рассказать, и его отпустили под расписку.

Любопытно было бы знать, делались ли эти освобождения после некоторых решектов обер-полицмейстеру? Судя по угодливости Грекова Прасковье и ее клеветам, трудно допустить, чтобы он упускал случай поживиться от добродетельных дателей, особенно когда эти датели готовы были на все, чтоб только вырваться из смрадных подвалов — в них же было быть нельзя?

Не без страха ждал скованный Терский 29 сентября: в этот день зять его должен был явиться в полицию; буде Деревнин не явится — Терского предадут пытке; а в присутствии поверенного царицы и врага его Тихменева — пытка не могла быть снисходительна. С нетерпением ждали этого дня царица и ее любимец Юшков.

Наконец, настало заветное число. Деревнин не доставлен в полицию — и стремянный Никита Иевлев явился в канцелярию с новым объявлением, либо ведением; оно было написано резко, сильно; в нем явно выражались досада и гнев Прасковьи. Царица в особенности была озлоблена показанием Терского о цифирном письме: до него дело производилось о краже Деревнина; теперь все увидели, что это не более как маска; главная пружина всего есть таинственное послание; известие о нем, как записано было у Грекова, клонилось к бесчестью имени ее величества. Вот как выразилась злоба госпожи в объявлении ее стремянного: обвиняя Терского в укрывательстве беглого стряпчего, Иевлев писал:

"Провинциал-фискал упомянул в допросе о каком-то письме царицы; но в нем, по его ж словам, ни о здоровьи государя, ни об измене, ни о бунте не написано, то и не следовало Терскому упоминать об этом письме, разве по злому его умыслу и к поношению чести ея величества, понеже он, Терский, допрашиван о укрывательстве в похищении казны ея величества зятем его,

Деревниним, а к этому без всякой причины присовокупил в допросе злым его, Терскаго, воровским, отчаянным вымыслом (письмо) о чести ея величества, чего ему, ежели бы не по злобе к поношению чести ея величества, приказной публике тем допросом предавать не надлежало. Притом когда не взыскивали на нем вора Деревнина, тогда он ни о каком письме не упоминал, а когда стали онаго вора на нем приказным случаем взыскивать, и он, Терский, умыслил воровски упомянутое оклеветание и за злобу начал чинить. Если же в письме была какая-нибудь важность, — весьма ловко заключал составитель объявления, — то, не отдавая его Деревнину и не предавая приказной публике, Терский должен был представить его куда следует”¹.

Обстоятельство это, по мнению составителей объявления, до такой степени было важно, что они от имени царицы просили полицию допросить Терского в застенке и пыткой принудить его представить Деревнина.

Просьба царицы была бы выполнена непременно в самом скорейшем времени и с величайшим старанием. Тайный доносчик, фискал Терский, совершенно случайно сделался бы мучеником приказной публичности, страдальцем за гласность, но его спасла попечительная — не матушка, а Тайная канцелярия!

Дело в том, что еще за два дня до рокового 29 сентября сын Терского, Иван, явился туда с челобитьем; в нем он изложил ход дела и намерение полиции пытать его отца в то время, когда за батюшкой есть тайное государственное дело. Была ли эта выходка со стороны молодого Терского благородным порывом как-нибудь спасти отца, или старик нашел возможность передать сыну такое поручение — неизвестно; как бы то ни было, только слово: тайное государственное дело — имело обычную силу.

В тот же день, 27 сентября, послан был в полицию указ Скорнякова-Писарева немедленно прислать к нему в Тайную — Григоря Терского.

Не приятно было это повеление ни царице с Юшковым, ни Грекову, от которого с терско-деревнинским делом ускользал из рук весьма лакомый кусок; три дня не высылал он Терского в надежде повымучить от него что-нибудь интересное для царицы, но далее мешкать было нельзя, послушаться могущественной Тайной канцелярии — дело невозможное, и 30 сентября, не без

---

¹ Царица с Юшковым не знали еще, что виновником публичности объявления Терского о цифирном письме был усердный обер-полицмейстер. Это обстоятельство открылось гораздо позже из нового показания Терского 22 октября 1722 г.

грусти, расторопный обер-полицмейстер препроводил Терского по назначению. До какой степени ему не хотелось с ним расстаться, видно из того, что дело его не было препровождено в Тайную, а отправлено о нем доношение, в котором тщательно подобраны были самые грозные обвинения и против него, и против Деревнина.

1 октября члены Тайной канцелярии из допроса, снятого с Терского, узнали, что государственное дело, о котором писал его сын, состояло в ведении за Деревниным цифирного письма царицы к Юшкову, которое он видел, но разобрать не мог.

Тотчас же поручено молодому Терскому привести Деревнина. Стряпчий на этот раз не скрылся, сведав, что дело перешло в Тайную канцелярию, не столь доступную влиянию и подкупу царицы Прасковьи и ее фаворита; наконец, в уверенности, что новые судьи его, как лица посторонние, будут беспристрастнее, он поспешил из дома Юрьева (где скрывался) явиться на призыв.

В первом же допросе обстоятельно познакомя членов Тайной канцелярии со своей генеалогией и подробностями формулярного списка, Деревнин рассказал, как и где нашел он злополучное письмо, как хотел его предъявить государю императору; рассказал о преследованиях Юшкова и тут же представил злополучное письмо генералу и гвардии полковнику Ивану Ивановичу Бутурлину, одному из членов канцелярии.

Бутурлин поспешил завернуть письмо в особый пакет и запечатал собственной печатью.

Весть о сыске Деревнина быстро прилетела к царице. Она поручила обер-полицмейстеру добыть ей "злодея стряпчего", и Греков в тот же день представил в Тайную канцелярию убедительнейшую и настоятельнейшую просьбу препроводить к нему Терского с Деревниным для розыску и окончания начатого дела¹, причем ссылался на известный нам указ Петра 18 января 1721 г., всемиловитейше даровавшего право полиции чинить пытки и экзекуции по всем "приводным и воровским делам", ссылался на сенатскую инструкцию, — все было напрасно. Тайная канцелярия очень хорошо знала, что ее собственная коллекция всевозможных инструментов для пыток и вообще "допросов с пристрастием" несравненно богаче подобного же музея полицейской канцелярии; что в случае нужды она и сама сумеет разыскать кого бы то ни было, и потому не обратила внимания на просьбы Прасковьи и Юшкова, переданные устами любезного обер-полицмейстера.

¹ Что касается до Юрьева, то он освобожден 2 октября вместе с тещей под расписку. Тогда же крестьянин Федор Данилов, так некстати явившийся к нему с подушкой и кафтаном, послан в дворцовую канцелярию для поверки его показаний.

Глас его остался — гласом вопиющего в пустыне.

Пылая гневом и жаждой мести, благоверная царица Параскева Федоровна решила наконец покинуть село Измайлово и самой добыть либо Деревнина, либо свое цифирное письмо¹.

---

¹ Верш. дела розыскных дел Тайн. канц. картон № 15: дело стряпчего Василия Деревнина. Оно состоит из трех частей: I. Дело, присланное из полиц. канцел. о В.Деревнине, 81 л., а в нем след. документы: а) Ведение Иевлева в полицию 24 сент. б) Решение Грекова 24 сент. в) Доклад Пазухина. г) Заздравная и заупокойная память Терского. д) Расписка в приеме арестантов под караул. е) Допрос Игнатьевой. ж) Допр. Еремеевой. з) Допр. Харитона Иванова и) Допр. Петрова i) Боровкова. к) Спиридонова. л) Валяевой. м) Приказ Грекова о новой арестации. н) Доп. Юрьева. о) Юрьевой. п) Григория Терского. р) Терской. с) Обязательство г. Терского. т) Допр. Ф.Данилова. у) Решение Грекова 26 сентября. ф) Допр. Курочкина 27 сентября. х) Расписки поручные разных лиц. ц) Указ Тайной канц. о присылке Терского. ч) 29 сент. ведение, поданное Иевлевским. ш) 1 окт. донош. полиции в Тайную канц. щ) 2 окт. расп. поручителей за Юрьева и др. Опись всему делу и экстракт для Тайной канц. Во II ч. дело о стряпч. Деревнине — производ. в Тайн. канц., 90 листов. См. просьбу И.Терского — 27 сент., указ Писарева, доношение Грекова о необходимости кончить сие дело в полиции, допросы 1 окт. Терского и Деревнина.

VII Мщение старушки

Благоверная государыня, взмилуйся и помилуй! Статно ли то, что ты делаешь и что есть хорошаго?

Стремянной Иевлев 2 окт. 1722 г.

На другой день, 2 октября 1722 г., Прасковья отложила поездку в Москву до вечера, может быть, потому, что утром либо она сама, либо ее приближенные были развлечены любопытной, хотя и обыкновенной в то время сценой: близь города колесовали трех человек убийц и фальшивых монетчиков; они получили только по одному удару колесом, по каждой руке и ноге; колесо изломало руки, перебило ноги, но преступники остались живы, и их крепко привязали лицами к колесам¹. Зрелище было отвратительное; один из них, старик, изнеможенный предварительными пытками, через несколько часов после казни испустил дух; но остальные, молодые парни, долго еще боролись со смертью; можно было думать, что они проживут на колесе, как это и случалось, двое, трое, даже четверо суток. Молодцы были румяны; равнодушно, чуть не весело поглядывали по сторонам и ни стоном, ни жалобой не обнаруживали страданий. Один из них, к величайшему изумлению толпящихся зрителей, с большим трудом поднял размозженную руку, повисшую меж зубцов, отер себе рукавом нос и опять сунул ее на прежнее место.

Но эффект был еще поразительнее, когда тот же страдалец, заметив, что он замарал колесо несколькими каплями крови, с страшным усилием вновь вытаскил изувеченную руку и бережно обтер колесо.

Толпа с любопытством глядела на страшную сцену. Многие вспоминали при этом о недавних казнях; рассказывали друг другу подобные ужасные сцены: как де один повешенный

---

¹ Колеса обыкновенно утверждались горизонтально на толстых столбах.

за ребра в первую же ночь приподнялся, вытащил из себя крюк и упал на землю; несчастный прополз на четвереньках несколько сот шагов, спрятался, его нашли и повесили на тот же крюк. Другие вспоминали о сожжении на костре живого раскольника: как неустрашимо глядел он на пылающую руку и только тогда отвернулся, когда дым стал есть глаза и вспыхнули его волосы...¹

Ужасно было зрелище колесованных, хороши были и воспоминания, вызванные их предсмертными муками; именитые лица да любознательные иноземцы разъехались по гостям, стало темнеть, разбрелся и народ, толкуя о виденном и слышанном.

Между тем Прасковья Федоровна пообедала и, собравшись с силами, "за час до отдачи дневных часов", приказала позвать главного своего стремянного, Никиту Ивановича Иевлева.

— Заложи карету, — приказывала царица, — созови людей, пусть полячка Михайловна возьмет водку, да конюх Аксен захватит с собой кулек с кнутьями².

В шесть часов экипаж был готов; закутанная царица взяла трость и, не в состоянии будучи ходить (Прасковья сильно страдала, если не ошибаюсь, водянкой), приказала служителям отнесть ее в карету. Царицу провожали человек двадцать: здесь были Сергей Тихменев, один из врагов Деревнина, фрейлина или ее служанка, полька Михайловна, стремянной Никита Иевлев, брат его, задворный конюх и подклюшник Феокист Иевлев, паж Тимофей Павлович Воейков и брат его Федор Воейков, Кондрат Иванович Маскин, брат его Михаил Маскин, Василий Моломахов, дворцовый сторож и истопник Степан Пятилет, пленный швед-служитель Карлус-Фрихт, стряпчий Андрей Седриков, конюх Аксен Синьков, приказный избы села Измайлова, подьячий Михайло Крупеников, конюх Анкудин, Степан Трофимов и некоторые другие.

Кортеж тронулся в путь. Погода была ясная; ночью выпало много снега, и на дворе трещал мороз. Едучи по Мясницкой улице, царица подозвала пажа Тимофея Воейкова:

— "Поезжай к царевне Катерине Ивановне и доложи ей, чтоб она немедля ехала к генералу Ивану Ивановичу Бутурлину

¹ Берхгольд, ч. II, с. 282—284.

² Все подробности настоящего рассказа заимствуем из подлинных показаний восьми служителей царицы и двух солдат Тайной канцелярии. Каждое показание более или менее дополняется одно другим и объясняет сказанное. Мы свели в один связный рассказ все мелочи любопытного происшествия, что не совсем было легко, ибо они рассеяны среди беспрестанных повторений одних и тех же ответов и оправданий, нередко довольно спутанных. Дела розыскных дел Тайной канцелярии, картон 27, дело о стряпчем Василье Деревнине, листы 51—91.

и попросила выдать мне Деревнина и письмо, по которому его взяли”.

Тяжелая карета потащилась далее по Мясницкой в Тайную канцелярию; она находилась на конце Мясницкой, против церкви Пресвятыя Богородицы Гребневския¹. Кстати заметим, что так называемая карета была не что иное, как колымага, сделанная снаружи наподобие фургона; в колымаге, вместо сидений, наложены были подушки, а окна и двери завешены кожей, местами золоченой и тисненой².

Пробило семь часов³, когда царица подъехала к ”тайной”, велела нести себя в арестантские палаты, или подвалы, грязные и мрачные, никогда не опорожнявшиеся от заключенных. Одни служители несли царицу на особой скамье, другие шли впереди и сзади шумной толпой, с зажженными восковыми свечами.

Внесенная в переднюю палату, Прасковья, по старинному обычаю, тщательно выполнявшемуся некогда ей самой, стала раздавать колодникам милостыню. На этот раз царица имела другую цель и раздача милостыни была только одним из средств к ее достижению.

— ”А где сидит Деревнин?” — спросила она у провожавших.

— Изволь, государыня, идтить в другую палату, — молвил в ответ стремянной.

По указанию Иевлева, царицу пронесли далее в палату, наполненную раскольниками. Здесь вновь раздавая милостыню, старушка с участием спросила:

— ”Где сидит мой служитель, Василий Деревнин? Я хочу и ему дать милостыньку”.

¹ Этот дом в настоящее время (1860 г.), по наружности своей, не имеет ничего замечательного, огромен, хорош, новейшей архитектуры. Достойно замечания, что в царствование Александра I, которому и принадлежит честь уничтожения всероссийских пыток, в доме бывшей Тайной канцелярии помещено было библейское общество. Старожилы московские еще помнили в 1830-х годах железные ворота Тайной московской канцелярии; они выходили на Лубянскую площадь, караул стоял во внутренности двора; со страхом проходили мимо Тайной, с ужасом поглядывали на железные затворы и решетки... Путеводитель по Москве. 1831 г., ч. III, с. 172.

² Так описывает кареты или колымаги цариц — кн. М.М.Щербатов, см. ”О поврежд. нравов”. Кареты были до такой степени редки, что боярин Лыков, человек пребогатый, выписавший в это время ореховую карету, украшенную резьбой с точеными стеклами, не стоившей и 1000 руб., возбудил столь сильную зависть князя А.Д.Меншикова, что тот делал нападки на Лыкова, чтоб только получить этот экипаж. Дед кн. М.М.Щербатова, наследовавший по смерти Лыкова карету, не хотел ее уступить светлейшему князю — и за то лишился всех недвижимых имений.

³ Село Измайлово лежит в семи или восьми верстах от Москвы по Большой дороге.

Колодники спешили указать милостивой монархине отдельную казенку, где сидел Деревнин.

— Он сидит здесь, благоверная государыня, — говорил часовой Краснов, — в крепком месте, пускать к нему никого не велено.

— "Какие вы дураки! — кротко заметила Прасковья, — вы не пускаете меня, а я хочу ему только милостыньку дать! Несите меня к казенке!"

— Да здесь никакого колодника нет, — говорили часовые, надеясь хоть обманом остановить нежданную гостью. Гостья не слушала; ее несли Пятилет, Карлус, Кондрат Маскин, Ф.Воейков, Ф.Иевлев и В.Моломахов; а другие служители, как-то: М.Маскин, Тихменев — шли впереди и освещали путь.

Подьячий государыни постучал в дверь; дверь не отворяли: капрал Иван Красной, надзиравший за этой тюрьмой, сопротивлялся; его ударили под бок, двух часовых отбросили в сторону, и кто-то из служителей силой отворил дверь.

Ярко осветилась казенка, лишь только внесли в нее государыню; струсивший Деревнин повалился в землю.

— "А, так ты вот где, гость! — заговорила старушка, внезапно изменяя вид и голос, — тут-то ты, гость! хотела я тебе милостыню дать, да не за что, пакости ты много мне наделал. Какое ты письмо на меня подал, где взял, куда девал?"

— Нашел я его, благоверная государыня, на дворе у Василия Федоровича Салтыкова.

— "Куда дел... подай письмо сюда... — говорила старушка; лицо ее загорелось гневом и удары посыпались на арестанта. — Подай письмо, письмо давай сюда", — твердила она, и снова тяжелая трость опускалась на голову и лицо Деревнина.

Царицу отвлек от беседы с Деревниным Воейков.

— Был я у государыни царевны, — доносил паж, — и царевна Екатерина Ивановна ездила по твоему, государыня, приказу к Бутурлину. Иван Иванович обещал отдать Деревнина.

— "Ступай опять к царевне, слышишь, скажи, чтоб она сейчас же съездила в другой раз к Бутурлину: пусть попросит отдать мне Деревнина немедленно; я буду ждать здесь... Деревнина мне подайте!"

Воейков спешил выполнить приказ, а милостивая государыня вновь соизволила взяться за трость, и новые удары покрыли "плоть, лицо и спину" бывшего ее стряпчего.

— "Письмо на меня подал, казну покрал, совсем обокрал меня", — приговаривала царица, задыхаясь от гнева.

В казенке было тесно, смрадно; в ней набралось много народу; пылающие свечи увеличивали жар. Усиленные движения, видимо, расстроили старушку: она так старательно работала тростью, что, забыв болезнь, поднялась на ноги и тем скорее

устала; ей нужен был простор — и она велела вести заключенного в передние палаты.

Толпа двинулась. Пятилет, Кондрат Маскин, Никита Иевлев, С.Тихменев, Михайло Крупеников поволокли за собой Деревнина.

Встревоженный каптенармус Бобровский, дежурный по караулу, думая, что Деревнина хотят вовсе увести из-под ареста, просил его не трогать; наконец, видя, что просьбы не действуют, стал в дверях и силою хотел удержать исполнительных челядинцев.

— Помилуй, благоверная государыня, — взмолился каптенармус, низко кланяясь царице и закрывая дверь, — мне по артикулу — великий страх! Воля твоя, государыня, как изволишь, а я из-под караула его не отдам: он сидит в государеве деле.

Нетерпеливая царица не слушала; она прикрикнула на служителей, те двинулись вперед, помяли бока Бобровского, и Деревнина впереди носилок Прасковьи провели далее.

— Запирай, замыкай дверь на выход, не выпускать колодника! — закричал каптенармус солдатам. Он очень хорошо памятовал артикул: "Когда-де кого стеречь приказано, а тот злодей чрез небрежение караульного уйдет, или от караульного без указа отпустится, тогда виновный в сем, вместо преступителя, надлежащее наказание претерпит"¹.

Старушка, впрочем, не была обязана знать воинские артикулы; "устав о процессах и экзекуциях" не для нее был писан, и она никак не могла себе объяснить дерзость Бобровского.

— "Как ты смеешь не пускать меня? Что ж ты за караулом што ль держишь царицу?"

— Я тебя, благоверная государыня, за караулом не держу, — отвечал дежурный, — а колодника из канцелярии, как изволишь, не отдам, потому, по артикулу, мне страх немалый.

Процессия должна была остановиться в передней или прихожей палате. В негодовании Прасковья опустила на скамью; к ней подвели трепещущего Деревнина.

— "Обыщите его хорошенько, — приказывала государыня, собираясь с силами. — Обыщите, нет ли при нем ножа?"

Быстро обшарили арестанта, ножа не нашли; отыскался мешочек с деньгами: служители немедля вытрясли их в свои карманы.

— Всемиловнейшая государыня, — взмолился Деревнин, — грабят меня, деньги у меня выняли, я детище небогатый.

¹ Книга устав воинский купно при сем артикул воинский, изд. 1719 г. Спб. Арт. 207.

— "Это я приказала взять у тебя деньги, — успокоительно отвечала старушка. — Для чего ты у меня разворовал, где ты письмо взял?"

Допрашиваемый винулся в том, в чем и прежде.

— "Держите его хорошенько, крепче", — говорила государыня и вновь стала гневаться словами, а потом, по свидетельству слугителей, "мало помешкав, соизволила собственною ручкою и тростью бить стряпчего по плоти и по лицу многократно".

Между тем Бутурлин не приезжал.

— "Швед Карлус! поезжай ты к Ивану Ивановичу, — повелела Прасковья, — скажи, что я здесь — жду, пока выдадут мне Деревнина".

Чтобы скорей вызвать свою жертву из царских подвалов и привести в свои измайловские казенки, Прасковья с тем же поручением отправила Никиту Иевлева к Скорнякову-Писареву (к нему еще прежде ездил Карлус, но безуспешно) — члену Тайной канцелярии.

Иван Иванович и Григорий Григорьевич имели полное право отказать Прасковье Федоровне; но, как люди, состарившиеся в делах придворных, они ведали, с кем имеют дело, ведали, что царица пользуется большим уважением монарха, — и не дерзнули на прямой отказ. С другой стороны, исполнить просьбу было дело опасное; они сами еще не знали, в чем состоит цифирное письмо, как взглянет на все происшествие суровый господин, не потребует ли он от них отчета, — а что значит давать отчет Петру и насколько сподручно оправдываться пред ним — всем было известно.

Между двух огней, генерал Бутурлин и обер-прокурор сената Писарев прибегли к одной и той же уловке: зная обо всем, происходившем в Тайной канцелярии, из донесений дежурного каптенармуса, они приказали часовым объявить вестовым царицы, что господ нет дома. Бобровскому же послали тайный приказ — отнюдь не отпускать Деревнина.

Все эти неудачи еще более раздражили Прасковью; в жилах ее разгоралась кровь деспотки-помещицы и властительной особы, не привыкшей к отказам.

А пред ней плакал и молил о пощаде недостойный служитель, ее огорчивший. Лицо его было покрыто синяками, ссадинами, ранами, по щекам струилась кровь, глаза заволакивались опухолью...

Картина эта не смягчила гневную царицу.

— "Держите его крепче; Пятилет, да ты, Карлус, жгите свечами лицо его, нос, уши, шею, глаза поджигай, да бороду, бороду-то ему выжги!"

Стряпчий, пораженный ужасом, задул одну свечку; ее вновь зажгли; он старался выбиться из рук служителей, но К. Маскин, Т. Воейков, Крупеников, Трофимов, Ф. Иевлев и другие попеременно крепко держали его за руки и за волосы; голову Деревнину загнули назад для более удобного обжегу. Истопник Пятилет жег лицо, а швед Карлус, заметив, что нос уже обожжен Васильем Моломаховым, старательно занялся выжиганием бороды.

— "Какое ты письмо на меня подал, где взял, куда его дел?" — повторяла царица, как кажется, не столько для допроса, сколько из желания что-нибудь причитывать в одобрение доморощенным палачам.

Деревнин мычал, стонал, тщетно бился: он был в крепких руках.

— Государыня, смилуйся и помилуй! — взмолился подьячий Тайной канцелярии Григорий Павлов, падая в ноги Прасковьи, — повели не чинить жечение Деревнина, потому де за ним, за Деревниным, дело есть государево, мы будем за него в ответе!

— "Гони его прочь, да снимите со злодея моего рубашку!"

Павлова оттолкнули¹. Деревнину оголили спину. Конюх Аксен, по приказу монархини, явился с кульком, а в нем были кнутья; вынул Аксен кнут понадежнее и приготовился работать.

Посред палаты, для острастки обыденных пыток арестантов, стоял, между прочим, деревянный козел; на него обратила внимание царица и приказала взволочить на козел обожженного Деревнина.

Прасковья Федоровна поразила твердостью приказаний всех окружающих, чуть не с малолетства уже привыкших ко всякого рода сильным ощущениям, начиная от домашнего батога до застеночного кнута.

Бобровский хлопотал не о том, чтобы не увезли Деревнина: он страшился уже, что от арестанта ничего не останется; молил о пощаде и ежеминутно напоминал: "За арестантом де есть дело государево".

Никита Иевлев также не вытерпел и, пользуясь значением своим при царице, дерзнул доложить:

¹ На Павлове как на подьячем Тайной канцелярии лежала большая ответственность: в силу указа 12 апреля 1722 г. за несохранение арестантов, как-то: выпуск их из тюрьмы и пр., "подьячих приказано было розыскивать и пытаться вместе с караульщиками, дабы поманки не было. А буде судьи в том подьячим поманку учинят, то сами подлежат, яко разбойники, казни смертной". Желание спасти собственную свою спину от неприятностей розыска должно было вызвать заступничество со стороны Павлова.

— Умилосердися, благоверная государыня, как изволишь, а необычно все это: статное ли это дело и что есть хо-рошего?

Старушка же, напротив, была убеждена, что в ее поступках ничего не было дурного. "Я де имею полное право, мало того, я должна наказать, как хочу, вероломного служителя" — так могла думать царица и решительно недоумевала, с какой стати являются у Деревнина заступники.

И вот приказ подтверждается, жертву волокут на козел.

Но распахнулась дверь — и в палату, в сопровождении пажа Воейкова, вошла герцогиня Мекленбургская, царевна Катерина Ивановна. Она не поехала вторично к Бутурлину, вероятно, убедившись из первого свидания в безуспешности просьб отпустить Деревнина, а отправилась к матери прямо в Тайную канцелярию.

При входе в нее герцогиня была поражена оригинальным зрелищем. Среди грязного подвала на козле растянут за руки и за ноги обнаженный Деревнин; он стонет и вопит о пощаде; казенки полны народу: здесь солдаты, караульные, подьячие, группы молчаливых арестантов, раскольников и других колодников, следящих не без ужаса, как изволит гневаться государыня царица Параскевия Феодоровна; сама она на скамье, с тростью в руках, дрожащая от гнева, с побагровевшим лицом и сверкающими глазами. Картина освещена мрачным, каким-то похоронным светом восковых свечей; воздух сперт, пахнет жженым человеческим мясом, волосом, и среди чада ярко вырисовывается атлетическая фигура Аксена, с кнутом в руках, готового по первому слову начать штрафование.

Катерина Ивановна пошептала на ухо царице, вероятно, просила спустить стряпчего с козла. Старушка на этот раз послушалась. Деревнина сняли и надели на него кафтан.

— "Письмо куда дел, откуда и где ты его взял?" — в сотый раз спрашивала Прасковья.

— Я его поднял на дворе кравчего Василия Федоровича Салтыкова.

И государыня снова взялась за прежнее, снова за трость, била Деревнина по лицу и по голове; а уставши, "паки" поручила Пятилету да Карлусу пообжечь его лицо и шею; Моломахов да Ф.Иевлев держали допрашиваемого.

Слабые нервы герцогини не могли вынести сего зрелища: она поспешила проститься с матерью и оставила ее одну упражняться в изобретениях новых пыток.

За ними дело не стало. Живая фантазия Прасковьи скоро навела ее на мысль о пытке, если не новой, то, по крайней мере, редко употреблявшейся.

— "Полячка Михайловна! — закричала она фрейлине, — сходи в карету да принеси оттуда бутылку с водкой".

Водку принесли. Моломахов, Крупеников и Воейков крепче взялись за арестанта. Шведу Карлусу повелено лить на голову Деревнина. Водка, или, лучше сказать, спирт (вино в то время не разжижалось еще так щедро водой), потек по лицу, т.е. по отвратительной язве, и разъедал ее страшно. Как ни исполнительен был швед, но он лил немного, вылил не более полубутылки. Жалко ли ему было Деревнина, или желалось сберечь водку для обратного пути в Измайлово — неизвестно.

— "Зажигай!" — крикнула царица, обращаясь к Пятилету.

Истопник Степан Пятилет, привыкший жечь дрова, но не людей, страшился исполнить приказ старушки, но монархиня собственноручно соизволила толкнуть его руку со свечью к голове Деревнина — и голова вспыхнула, как порох!

Страшный, нечеловеческий вопль огласил подвалы и казенки Тайной канцелярии и замер под ее мрачными сводами. Несчастный судорожно рванулся из рук рабов, метнулся в одну сторону, бросился в другую, ударился о печку и в страшных конвульсиях упал на пол... Голова его пылала... Колодники, сторожа, слуги, палачи — все, кроме государыни, были в оцепенении!

А голова все пылала, все пылала и курилась невыносимым чадом.

Первый очнулся Бобровский. Мысль, что за этим арестантом есть государево тайное дело, что его непременно нужно сберечь для допросу, а может быть и для пыток, каким благоволит его предать царское величество, — мысль эта гвоздем засела в голову дежурного каптенармуса, и он суетливо бросился распоряжаться тушением курьезного пожара... Кто-то из колодников, по его приказу, утушил огонь полою своего кафтана.

Прасковья пожелала посмотреть на копченого стряпчего и казначея. Узнать его не было возможности. Волосы сгорели; лицо вздулось, посинело, почернело, местами вовсе выгорело; глаза заплыли опухолью; подбородок тщательно обожжен, и только сквозь раздутые, черные губы слышались стоны.

Вид несчастного еще более раздувал гнев царицы.

Старушка, не чувствуя усталости, крайне занятая и оживленная своим делом, все еще находила, что мщение ее неполно, чего-то еще недостает; она жаждала чего-то нового и, в ожидании его, принялась за старое: ручка монархини и крепкая трость вновь загуляли по ли... но нет, то не было уже лицо: в громадной язве не было даже и подобия образа человеческого.

Если не без ужаса и негодования цепенеет мы пред страшной картиной, существование которой не может быть оправдано ничем (истина — всегда истина, в какой бы век она ни сущест-

вовала), то зато и не без удовольствия находим в подлинных документах указания на то, что некоторые служители царицы, как, напр., Кондрат Маскин, Никита Иевлев, Тимофей Воейков, Федор Воейков, Феоктист Иевлев, были поражены ужасом (если не состраданием) и, не вынося страшного зрелища, "множественно" выходили на чистый воздух подышать и освежиться...

Бобровский четыре раза уже посылал с донесениями о "всех действиях" царицы к генерал-майору Скорнякову-Писареву и всякий раз получал в ответ приказание — отнюдь не отпустить с царицей Деревнина. То же говорил Бутурлин.

Пожар головы арестанта заставил дежурного просить более подробных инструкций о том, допускать ли дальнейшие истязания? За этими инструкциями он послал к генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому.

Ударило десять часов вечера. В "Тайную" приехал генерал-прокурор. Все засуетились. У Деревнина, если он еще не потерял сознания, должна была мелькнуть мысль о спасении; у царицы же — надежда получить наконец арестанта. Прасковья ошиблась... Ягужинский... но позвольте познакомиться с ним поближе.

Павел Иванович, по отзывам современников, лично его знавших, был видный мужчина, с лицом неправильным, но живым и выразительным. В обхождении он был очень свободен, даже небрежен; но эта свобода была весьма в нем естественна, и все были ею довольны. Ягужинский был капризен, самолюбив, но при этом умен, рассудителен, жив. Он в один день делал столько, сколько другой не успевал в неделю. Прямодушный, он твердо выполнял данное слово до такой степени, что готов был скорее умереть, нежели нарушить обещание. Мысли свои Павел Иванович выражал без лести пред самыми высшими сановниками. Буде первый сановник империи поступал несправедливо, Ягужинский порицал его так же смело и свободно, как последнего чиновника. Сначала деньщик Петра, а потом генерал-прокурор Правительствующего Сената, он был одним из первейших любимцев Преобразователя. Государь обыкновенно называл его своим глазом и зачастую говаривал: "Если что Павел осмотрит, то это так верно, как будто я сам видел"¹.

Если похвальные отзывы дюка Лирийского и леди Рондо хоть наполовину справедливы, то понятно, почему и в настоящем случае Ягужинский не уклонился, подобно Скорнякову-Писареву и Бутурлину, от вмешательства в дело Прасковьи и хоть поздно, но явился на арену не совсем невинных ее развлечений.

¹ Mémoires du duc Lihria et de Berwik, écrits par lui-même. 1788. Также Lettres d'une dame anglaise. Rotterdam, 1776 и Берхгольц, ч. II, с. 261.

— Что ты делаешь, государыня? — заговорил генерал-прокурор, когда пригляделся наконец к окружающим предметам. — Что хорошего, государыня, что изволишь по Приказам ездить ночью¹?

— "Отдайте мне Деревнина, — отвечала царица. — Он вор, вор, он покрал у меня казну!"

— Без имянного императорского величества указа отдать невозможно, — твердо отвечал Ягужинский, отдал приказ увести Деревнина к себе на дом под караул и тот же предложил Прасковье Федоровне оставить Тайную канцелярию.

— Завтра, может быть, я пришлю его к тебе, государыня, — обманчиво уверил Ягужинский, когда царица не прекращала упрашивать и умолять об исполнении ее просьбы.

Наконец, огорченная старушка, с слабой надеждой и немалой грустью, оставила Деревнина и отправилась обратно в свою резиденцию, в село Измайлово. Впереди, сзади и по бокам ехали исполнители ее предначертаний.

Была глубокая полночь, когда вернулась Прасковья в свои хоромы; нежно обняла она ненаглядную свою внучку Аннушку и мирно опочила от трудов.

Вознаградил ли себя за труды водкообливатель и свечеобжигатель Карлус оставшейся полбутылкой пенника — из подлинного дела не видно².

---

¹ Мы никак не думаем, чтобы генерал-прокурор, приглядевшийся к пыткам и казням, вдруг восчувствовал сострадание к Деревнину. Нет, не ради его спасения, а во имя порядка, презренного Прасковьей, он явился остановить ее зверства.

² Вершюные дела Р.Д. Т.К. картон XV: дело о Вас. Деревнине ч. II, дон. Бобровского, л. 14—15, допросы: Деревнину, Бобровскому, Краснову, очные ставки Маскину и Пятилету, допросы им, также Моломахову, Воейковым, экстракт из допросов Деревнина и других, л. 56—81.

VIII

В ожидании царского приезда

3 октября 1722 г. исполнительный каптенармус Бобровский, по долгу службы, вошел с обстоятельным рапортом о всем случившемся к начальству Тайной канцелярии¹.

Бобровский ничего не утаил, передал все мелочи трагического события, но героиню его, всемиловитейшую старушку, называл в рапорте не иначе как "благовернейшей государыней"...

В тот же день, в полдень, генерал-прокурор прислал Деревнина назад в казенки Тайной канцелярии.

Попечительное начальство ее, накануне столь любезно представившее старушке потешиться, ныне вступило в свои обязанности: на Деревнине приказано: "Бой и жжение описать и лечить его из аптеки". Опись коротко, но довольно красноречиво повествует о том, как соизволила гневаться царственная старушка. "Голова Деревнина, — так оказалось по осмотру, — избита во многих местах и обожжена местами; также и по носу, и по лицу, и под глазами избито и обожжено, и почернело и опухло, за которою опухолью не знать и глаз. А руки по запястья обожжены же; на груди против сердца избито и местами красно".

Результатом осмотра было то, что здоровье арестанта найдено далеко не удовлетворительно; Деревнин расхворается, пожалуй, помрет, а вернется государь, захочет им "розыскивать в деле государевом", не найдет его в живых и спросит на них, на начальниках!..

"Господин доктор! — поспешил отписать Скорняков-Писарев, — некоторый колодник, по тайным делам содержащийся в Тайной канцелярии, весьма болен; того ради, объявляю его

¹ В.Д. Р.Д. Т.К., картон XV, л. 14, 18, 20.

императорского величества указом, извольте приказать онаго колодника осмотреть и приказать лечить, понеже он весьма нужен”.

В то же время канцелярия освободила заарестованных по делу о цифирном письме, вняла мольбам ревельского школьника Юрева, сняла печать и запрещение с его дома и пожитков, наконец, приложила к делу доношение Григория Терского. Лишь только последний заметил, что дело обратилось к исходу более или менее благоприятному, что он может быть покоен: до него не допустят ни допросчиков царицы, ни обязательного обер-полицмейстера, — сообразив все это, Терский постарался заявить все, что только могло служить ему оружием против его недругов. Таким образом, на другой же день после жжения своего зятя Деревнина он смело предъявил следующее обстоятельство, для дела довольно важное:

”Уведомился я от помянутого Деревнина, — писал Терский, — что государыня царица Прасковья Федоровна просила в Сенате, чтоб на комнату ея величества с царевнами учинить оклад противу окладу, каков учинен был к комнате царевны Наталии Алексеевны. В Сенате без именного его величества указу того не учинили. А чрез прошение ея величества такую, вышеобъявленную, дачу учинил ей Василий Ершов общее с дьяком Тихменевым, и за то взял себе деньгами и протчим не меньше 7 000 руб. Все это явно, — продолжал Терский, — по записным книгам, которыя оный Тихменев взял к себе будто для счету, а те книги скрыл, о чем я и доношение на него, Тихменева, в надворный суд подал и в оном будут его, Тихменева, обличать я, Терский, Деревнин, да купчина Антип Моисеев...”¹

Доношение Терского немножко освещает ту безурядицу, которая царила в хозяйских делах Прасковьи. Чтоб познакомиться с ними поближе и тем получить еще раз возможность проследить то значение, какое старушка имела при дворе, ее силу, любовь и внимание к ней государя и государыни, позволим себе сделать небольшое отступление.

Прасковья, как мы уже знаем, вела себя относительно Петра и всех придворных, по своему времени, с большим тактом и умением. Самые противоречащие друг другу поступки совершенно спокойно улаживались в ее поведении. Женщина, по своему религиозная, преданная старинным обычаям и обрядности, она в то же время, по первому царскому зову, облакалась в шутовской костюм и выступала со своими фрейлинами ”в смешторной процессии свадьбы князь-папы”². И нельзя сказать,

¹ Вершоные дела розыскных дел Тайной канцелярии, картон XV.

² Голиков, т. VI, с. 285—286.

чтоб это делала она из страха, по принуждению; нет! По крайней мере, этого не видно ни в ее "шутливом обхождении" с Петром, ни в ее обращении с толпой его деньщиков и прочих приближенных, за которыми она ухаживала, зная их силу и влияние на дела... Составилась ли какая-нибудь ассамблея, пир на чистом воздухе в летнем саду, попойка, ради какого-нибудь торжества, в Правительствующем Сенате, публичный маскарад, свадьба, именины ли чьи праздновались двором — в кругу гостей неотменно присутствовала старушка Прасковья. Зная, что присутствие ее будет приятно Петру, она не обращала внимания на недуги, плелась в своей колымаге на пирушку и здесь с участием следила за прыганьем молодежи и с большим усердием осушала бокалы. В черном платье, в шапке старинного русского покроя, она резко выделялась в облаках табачного дыма, среди пудреной и расфранченной на немецко-голландский манер толпы придворных¹. Ее родная сестра Настасья, княгиня-кесарша Ромодановская, одарена была не меньшей угодливостью: по желанию царскому она постоянно разыгрывала роль древней русской царицы, облекалась в костюм старинного покроя, принимала с достою важностью все смешные почести, ей воздаваемые, и пр. Одним словом, в ней олицетворялась довольно злая пародия императора Петра над стариной.

И та, и другая сестра — частые посетительницы монастырей, вкладчицы многих из них, жаркие поклонницы разных митрополитов, архиереев и других духовных сановников — не только без негодования смотрели на пьяный собор, учрежденный Великим Петром: "Собор всешутейший и всепьянейший князь-папы"², — но присутствовали и, мало того, зачастую принимали участие с государем и двором в их оргиях.

Все капризные требования Петра на пирах, слепо выполняемые двором, выполнялись безусловно и Прасковьей: опойт государь дорогих собутельников и собутельниц, уйдет соснуть часа на два и велит часовым никого не выпускать из комнаты. Душно, смрадно, пахнет водкой, вином, отзывается последствиями излишнего угощения, по углам храпят пьяные, а Прасковья сидит подле императрицы, ждет выхода царского и, скучая сама, старается, однако, занять беседой "дорогую невестушку". Пришел государь, начались танцы; пожелал Петр, чтоб

---

¹ Берхгольц, I, 55, 166—176, 195—200, 232—233, т. II, с. 69—77. Ханенко, его диариуш. Чтения Общ. Истор. 1858 г., т. I, смесь, с. 20—23.

² Члены его, кардиналы, равно и глава собора, как известно (по Голикову и др.), носили костюмы русско-старинного духовенства, патриарха, архиереев и пр. чинов. См. "Русскую Старину" изд. 1872 г., кн. VI: шутки и забавы при дворе Петра Великого.

танцевала царевна Прасковья Ивановна, и старушка посылает хворую, худую и вечно страдающую ногой дочку Парашу протанцевать, потешить "дяденьку с тетенькой".

Было бы странно, если бы мы стали уверять, что все эти пиры и попойки, с их обстановкой, производили тяжелое впечатление на Прасковью и будто бы только нужда заставляла ее угождать требованиям и капризам Петра... Так думать значило бы находить Прасковью выше своего времени, выше своего общества... Напротив! Если кто есть полнейшее воспроизведение своего времени, тип петровского общества со всеми его особенностями, так это именно царица Прасковья. Если мы и говорим о пирах, маскарадах и ассамблеях, ею посещаемых, так только для того, чтоб показать, как умела она примирить в себе верование и предрассудки, завещанные стариной, с воззрениями новой, переходной, эпохи.

Теперь вспомним, как нелюбезно веровала Прасковья в авторитет свояка-государя; его слово — закон, его мнение — свято. С какой доверенностью предоставила она ему распоряжаться судьбой ее дочерей, и он распорядился ими так, как этого требовали его планы и расчеты; как слепо веровала она в спасительность его медицинских советов и как часто посещала его любимые минеральные воды, в наивной уверенности, что вода может спасти ее от водки и вина, повергших ее в преждевременные и тяжкие недуги!

Такую преданность, такое уважение к своей особе, такое послушание Петр находил в весьма немногих из своих теток, сестер и других женских лиц царственной семьи. Итак, мудрено ли, что в признательность он был внимателен, любил и уважал Прасковью. Петр зачастую посещал невестку, отдыхал у ней со своей свитой, пировал в ее теремах, шутил и балагурил¹.

Внимание, даже уважение его к невестке было так велико, что сама императрица иногда прибегала к посредству Прасковьи, чтоб устроить какое-нибудь щекотливое дело. Так, напр., в известном кровавом эпизоде — дело фрейлины Гамильтон — императрица и министры, не успев в своих просьбах о помиловании несчастной девушки, "разсудили, — так пишет Татищев, — склонить к просьбе царицу Прасковью Федоровну, ведая, что государь ее советы почитал и ее просьбы не презирал". Известно, какой ответ вызвали у Петра "пространное разсуждение Прасковьи и милости к винным выхваление". Он предоставил судьбу фрейлины всей строгости законов, иначе сказать, обрек ее на смерть. Увидав неуспех своего ходатайства,

¹ Походный журнал 1715 г. Спб. 1855 г. Голиков, т. VII, с. 369, 436, 444—446, 633, 635 и пр.

старушка не потерялась и "шуточным прикладом речь Петра пресекла"¹.

Таким образом, и тут, при ходатайстве в делах щекотливых, царица действовала осторожно, чтоб не рассердить державного свояка. И свояк умел это ценить: два-три факта достаточно знакомят с его отношениями к Прасковье. Так, напр., при отводе (в 1716 г.) в новой столице мест под дома своим приближенным, государь предоставил невестке самой выбрать место; затем подарил ей мызу в Петергофе, оказал ей содействие (в 1720 г.) при постройке дворца на Васильевском острове, подарил в 1716 г. Крестовский остров и пр.²

По ведомости, напечатанной у Голикова, оклад содержания на дворец ц. Прасковьи и ее дочерей был весьма незначительный, но, однако, не меньше других членов царской фамилии. По Голикову, на дворцовые расходы Прасковьи в 1699 г. отпускалось 4378 р. 24 $\frac{1}{4}$ коп., между тем как на содержание наследника престола шло только 3932 р. Всем трем дочерям царицы на дворцовые их расходы шло 2978 руб.³

В последующие годы оклад и матери, и дочкам значительно увеличен; из имеющегося у нас "ведения" видно, что всем им денег отпускалось 18 000 р., на починку карет 40 р., дров 410 саж. Лошадей чрез два года вместо упалых стоялых по 12, подъемных — по 28, итого 40 лошадей. Затем сено, овес, солома — в соразмерном количестве. Вин красного и белого в год по 14 бочек. Все это иногда заменялось, по требованию царицы,

¹ Татищев: Судебник Ивана III, изд. 1786 г., с примечаниями, с. 87—88.

² Рубан, с. 61. Дом Прасковьи на Васильевском острове отошел в 1725 г. под Академию. Голиков, т. XIII, с. 397, т. VI, с. 371, 635 и пр. Дома некоторых из придворных царицы были на Большой Морской улице, так, напр., конюшего Ив. Кормакова и др. Каб. дел., II пол., т. XI, XLVII, л. 23—89. В ее владение поступил — взамен Крестовского — Петровский остров, что видно из следующего письма: "Государыня моя невестушка царица Прасковья Федоровна и пр., пишет секретарь от имени Екатерины, прежде сего (10 окт. 1716 г.) писала я к ваш. в-ву, чтоб вы изволили взять себе Крестовский остров; но понеже я тогда не ведала, что оный остров, еще когда здравствовала ея в-ство блаженныя памяти царевна Наталья Алексеевна, изволили уступить вместо Петровскаго острова светлейшему князю А.Д.Меншикову, на котором у него уже многое строение заведено, — того для, прошу ваше в-ство, чтоб вместо оного Крестовскаго острова, изволили взять себе Петровский остров", и пр. Каб. дел., I пол., LXIV т., л. 719. О том же обмене Крестовского острова на Петровский — просил царицу Прасковью сам кн. А.Д.Меншиков — 4 генв. и 1 февр. 1717 г. — на том основании, что у него, князя, "на том Крестовском острове не малое строение заведено". См. "Письма русских государей и других особ царского семейства". М., 1861 г., ч. II, с. 8—10.

³ Деяния Петра Великого, т. XIII, с. 707—708.

выдачей денег — по соответствующим ценам¹. На служителей шла особенная денежная и хлебная дача: денег 1760 р. да в соразмерном количестве овес и рожь.

Кроме окладов царских Прасковья получала изрядные доходы со своих вотчин. А их было немало: так, например, в 1721 г. в разных волостях в Новгородском, Псковском и Копорском уездах, также в Старопольской сотне состояло в ее владении 2477 посадских и крестьянских дворов². Нет сомнения, что эта цифра еще не выражает полного числа владений царицы; владела она дворами и душами и в других уездах, но только нам не попадались о них "ведения" в массе просмотренных бумаг. Нельзя между тем не заметить, что достаток старушки иногда увеличивался довольно оригинальными способами; Василий Федорович Салтыков, ее нежный братец³ и наш добрый знакомый, в 1705 г. поменялся пустыми поместными землями с жильцом Климонтовым и выменял у него в Кромском уезде пустошь Курбакину⁴. При отказе, однако, пустоши за Салтыковым оказалось, что земля была не пустая, на ней явилось несколько жилых крестьянских дворов. Это обстоятельство не согласовалось с меновыми книгами, в которых было писано, что мена происходила пусто на пусто; однако же откащик записал за Салтыковым пустошь Курбакину деревней, а чьи крестьяне и кто их на той земле поселил, того в отказных книгах не означил. С тех пор крестьянами стал владеть Салтыков.

Между тем сыскался законный владелец. Салтыковские крестьяне оказались беглыми холопями стольника Засецкого. Лет десять перед тем их, "заведомо беглых", принял Салтыков и поселил на новой земле своей; а Засецкий в то же время должен был за них вносить в казну подати, по переписным книгам.

В то время поместья и вотчины богатых и знатных людей зачастую наполнялись беглыми крестьянами на счет беднейших владельцев. Только в 1712 г., собрав все надлежащие сведения об укрывании беглых Салтыковым, Засецкий начал с ним иск в московском приказе Земских дел. Избегая ответственности, Василий Федорович Салтыков поспешил... возвратить незаконно

¹ Для любопытных приводим тогдашнюю таксу: сажень дров обходилась, по "ведению", 2 руб. 20 алт.: мерная копна сена 4 руб. 16 алт. 4 д.; воз соломы 2 руб. 2 алт. Стоялая лошадь ценилась в 15 руб.: подъемная 7 руб. 16 алт. 4 д. Каб. дел. II пол., т. ХСII, л. 430.

² Каб. дел., II пол., т. ХСII, с. 431—432.

³ По свидетельству Берггольца, Салтыков не служил в государственной службе, но состоял в числе кавалеров сестры и имел польский орден. Дневник. т. I, с. 195.

⁴ Подробности возникшего по сему делу процесса изложены К.П.Победоносцевым в интересной статье в "Архиве историч. и практич. сведений, относ. до России", изд. 1859 г., кн. IV, смесь.

захваченных холопей? — нет, ударить челом, их дворами и животами, словом, всем помещьем, сестрице своей, царице Прасковье. Водворив, таким образом, новую владелицу, "персону знатную и сильную", боярин успокоился за ней, как за каменной стеной. В самом деле, Прасковью не осилили двенадцатилетние хождения по судам Засецкого. Все его челобитные, жалобы, протесты, волокиты по приказам разных ведомств не привели ни к чему. Салтыков положительно уклонился от ответов судьям; те же, со своей стороны, вели себя крайне осторожно, страшась озлобить именитого человека. Благодаря их угодливости, просьбы злополучного истца повторились и в 1725 г., то есть два года спустя после смерти помещицы-царицы, и только смолкли совершенно в 1730-х годах, когда на престол взошла родная племянница Салтыкова — Анна Иванова; тогда уже о правом решении дела нечего было и думать.

Старушка Прасковья пеклась, насколько позволяли ей досуг и здоровье, о своих животах и дворах, и эти заботы для нее были тем легче, что она могла постоянно обращаться за покровительством либо к дорогой невестушке-государыне, либо к разным милостивцам второй руки.

Вот, например, с какими грамотками относилась она к кабинет-секретарю Алексею Васильевичу Макарову, человеку мочному при дворе царя, потом императора Петра Алексеевича:

"11 февраля 1714 г. С.Измайлово. Алексею Васильевичу здравия твоего желаю! Прошу у тебя, пожалуй, покажи всякую милость над Нефедом Кармилицыным. А мне есть причина об нем просить, что мать его была в кормилицах у государя моего, царя Ивана Алексеевича. И чтобы ему не быть задержану о вышеписанном с прощением прошу. За сим остаюся, царица Прасковья, кланяюсь"

"Алексей Васильевич, здравствуй на множество лет! Пожалуй, пиши к нам о своем здоровье, а я жива до воли Божией и с детьми. Пожалуй, по твоей ко мне любви, покажи милость о моих делах, в которых станет доносить человек мой. И поговори Якову Никитину (Шаховскому?), чтоб из моих деревень, из Осечинских волостей¹, также из других вывел (бы) драгун и солдат, и лошадей. А ежели он в сем деле милости не покажет, и ты, пожалуй, донеси и побей челом государыне, моей невестушке, царице Екатерине Алексеевне за меня с прилежанием: чтоб она в моих делах милость показала, также в мызах и местах, котория раздавал Шаховской. А я во всем на тебя надежна. И мне те места против иных не все даны. Пожалуй, Алексей Васильевич, особо донеси о мызах и о местах невестушке, и

¹ В Новгородском уезде.

побей челом; а я на твое жалованье надежна и буду твоей милости платить. При сем писавши, кланяюся царица Прасковья, о вышеписанном с прощением прошу”¹.

Для Макарова едва ли и нужны были обещания подарков; для него уже было достаточно знать благосклонность и приязнь к Прасковье государя и государыни, и он спешил сделать “все от него зависящее”... Государыня была особенно любезна к старушке. Секретарь Екатерины в ответных рескриптах к Прасковье старательно выводил от имени государыни самые родственные фразы: “Государыня моя невестушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лет! Письма ваши, моей государыни, я получила, и за оныя зело благодарствую... Прошу только, дабы впредь почаще изволили ко мне писать о своем здравии, ибо я того усердно желаю и проч.”²

В благодарность за ласки и вниманье, Прасковья изливалась пред государыней в самых нежных эпитетах, между прочими именovala ее “добродетельною миротворительницею фамилии царской и т.п.”³.

Как бы то ни было, однако, но ни услужливость Макарова, ни покровительство государыни не могло водворить в административном и домашнем быту Прасковьи какой-либо порядок... Удаление от дел ее казначея Деревнина, затем октябрьское донесение Терского, в 1722 г. уже указали нам безурядицу, царившую в делах старушки.

Был ли виновен Деревнин в похищении ее казны — решить трудно, тем более что при делах сохранилось “известие”, составленное Терским в защиту Деревнина.

В этом известии, ловко составленном, выведена следующая смета: “В приходе, взято из большой казны окладных на 1715 г. 18 320 руб.; на 1716 г. 24 066 руб. 9 алт. 4 ден. На 1717 г. 12 600 руб. На 1718 г. 32 915 руб. Итого в приходе 95 055 руб. 2 алт. 4 ден. И из того числа на разныя дачи в расходе 95 055 руб. 2 алт. 2 ден.”⁴

Таким образом, оказывалось, что Деревнин был чист — едва ли не как агнец: на нем оставалось долгу всего 2 деньги!

¹ Каб., II пол., т. XXI, л. 1038—1039. Мы не сохраняем орфографию подлинников, так как в издании “Писем русских государей и других особ царского семейства”. М., 1861 г., т. II переписка царицы Прасковьи Федоровны воспроизведена с буквальною точностью.

² Каб. дел., I пол., т. LXIV, л. 727.

³ На этом эпитете Голиков строит целое рассуждение о том, что сердце ее величества Екатерины Алексеевны не было не токмо не злобное, но самое добродетельное. Деяния Петра Великого, т. VII, с. 16.

⁴ Дело Деревнина, л. 12—14, 39—40. Ведение о приходе и расходе подано Терским 22 октября 1722 г.

Насколько верен расчет его тестя, повторяем, решить трудно, так как дело, по самой сущности, выходило из ведомства Тайной канцелярии, и в картонах дел, ею вершенных, мы не находим данных ни за, ни против Деревнина.

Зато несомненно, что воровали другие ее управляющие; из них мы уже называли Аргамакова. На нем и его сыне лежала обязанность собирать доходы с нижегородских имений царицы и вести приходо-расходные книги. После нескольких лет их управления в книгах замечено было до 300 подчисток: убавлены в чистовых книгах приходы денег и хлеба, также и в черновых книгах многие статьи вычернены, денег и хлеба убавлено; в среднем числе, как каялись сами Аргамаковы, они клали в свой карман из сотни — по рублю и более¹.

Несмотря на крупных и мелких ворышек, в приходе все-таки были большие суммы, и если бы старушка умела заправлять хозяйством, оно бы шло прекрасно; а между тем, за ее беспечностью да за недосмотрами возлюбленного Юшкова, на доме царицы были постоянные недочеты, так что зачастую обращалась Прасковья в Кабинет его и ее величеств, еще чаще занимала у частных лиц... Кредиторы, не получая уплаты, входили с просьбами об удовлетворении в тот же государев Кабинет².

1722 г. нашел Прасковью и ее дочерей в родимом селе Измайлове. Жизнь их текла обычной колеей; русские сановники и иноземцы приезжали сюда с визитами, развлекали хворую старушку, слушали болтовню царевны Катерины, радовали всех их вестями "с персидского похода", о царе-государе, государыне и их войске, о взятии ими городов да крепостей, о покорении целых племен. Царские курьеры сообщали интересные подробности о всех трудностях похода, о большой смертности, о невыносимой жаре, о том, что императрица, чтобы хоть несколько облегчить себя, должна была остричь свои волосы, и пр. и пр.

Немалое развлечение измайловским обитательницам должны были доставлять вести из Москвы: о торжественных ширах по случаю радостных известий с театра войны; не менее любопытны были подробности о других московских диковинках, как, напр., о публичных казнях — политических и других "злодеев государственных". Некоторые из этих казней, действительно,

¹ Каб. дел., II пол., т. LXV, л. 478.

² Смотр. в Каб. дел., II пол., т. LVI, л. 454, о выплате с.-петербургским кушам 10 000 руб., занятых на пять дней царицей Прасковьей, письмо Ю.Нелидинского 1721 г. августа 3. Т. LXI, л. 876—877: письмо Ягужинского об удовлетворении из кабинета княгини Настасьи Голицыной, по указу государя, 2000 руб., занятых у нее царицей Прасковьей, 12 июня 1722 г., и пр.

были особенно ужасны. Так, напр., в августа 1722 г., в Москве, на Болоте, казнен старец безумный Левин за то, что находил в Петре олицетворение Антихриста. После длинного ряда арестов лиц разных сословий по этому делу, после лютых пыток, старец Левин казнен по приговору Правительствующего Сената: отрубленная голова отправлена в Пензу, место его родины, на выставку на столбе, а тело сожжено¹.

Из всех вестников, как местных, так и "из походу", для измайловской старушки, без сомнения, наименее приятными были те, которые привозили грамотки от царя-батюшки, либо от государыни-невестушки. Последняя несколько раз в течение похода 1722 г. приказывала писать от своего имени к царице, и чтоб потешить последнюю, секретарь писал о событиях в шутиливой форме.

"Государыня моя невестушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лет! Объявляю вам, — пишет секретарь в одном из посланий от лица императрицы Екатерины I, — что мы от Астрахани шли морем... а выбрався на землю, дожидались долго кавалерии. И потом дошли во владенье салтана Мамута темьшскаго; оный ни чем к нам не отозвался; того ради, августа 19 числа, поутру, послали к нему с письмом трех человек донских казаков. И того ж дня, в три часа пополудни, сей господин нечаянно наших атаковал; которому гостю зело были рады и, приняв, проводили его наши до его жилища, отдавая контра-визит, и, побыв там, сделали изо всего его владения фейерверк для утехи им. — Как взятые их, так и другие владельцы сказывают, что их было с 10 000 человек, и едва не половина пехоты, из которой около 600 человек от наших побито, да взято в полон 30 человек. С нашей стороны убито

---

¹ Государь писал, чтобы старца казнить в Пензе; Андрей Ив. Ушаков нашел это неудобным, распорядился казнью в Москве, после чего оправдывался следующим наипочтительнейшим письмом: "Москва, 2 августа 1722 г. Казнь Левина не учинена в Пензе для того, что помянутый плут в вине своей прежде принес покаяние, но потом паки на прежнюю свою злобу обратился. И при сенаторах, будучи на спицах, с великою жесточью те свои злыя слова говорил и объявил, что он прежде покаянье приносил для того, чтобы ему освободиться от смерти и отпустили бы его в монастырь. И ежели бы де оное учинили, то имел он намерение, чтобы в градах и на путех прежния злыя слова (Петр де — антихрист) народу разглашать. А потом, хотя он и принес чистое покаянье, написав своеручно, однакож опасисьшь вышепоказаннаго его к злобе обращения, чтоб он в пути каким-нибудь образом тех злых слов народу не рассеивал..." Ушаков распорядился его казнью в Москве, да и тут еще, из того же опасения, велел предварительно, как сам пишет, вырезать Левину на генеральном дворе язык. Вместе с Левиным, по его делу, казнено 6 человек духовных лиц. Головы их выставлены были на колах. Каб. дел., II пол., т. LXI, л. 544—545.

5 драгун, да 7 казаков. Сего города (Дербента) наин (наместник) встретил нас и ключ серебряный его величеству поднес у ворот; правда, что люди с нелюбезною любовью (нас) приняли и так ради, как бы своих из осады выручили. Сей город, Дербень, по всему видно, что старинный и великое каменное здание имеет, о котором заподлинно повествуют, что строил его Александр Великий. Марш сей, хотя недалек, только зело труден от безкормицы лошадям и великих жаров”¹.

Подобные грамотки дороги были Прасковье, они напоминали ей о милости и расположении к ней ее ”благодетеля и благодетельницы”. Они веселили, успокоивали ее... Спокойствие и веселье было возмущено неудачной прогулкой старушки в подвалы Тайной канцелярии...

Возвратясь к этому кровавому эпизоду, мы — после столь длинного отступления — перейдем к последующим событиям. В ожидании царского приезда нам остается узнать, что сделано было ”инквизиторами” по делу Дервнина, что говорили и как вели себя вельможи и придворные после жения стряпчего, насколько интересовались они этим эпизодом, чем и как развлекались, о чем вели беседу, наконец, что поделывали измайловские обитательницы после ночи 2 октября; изменили ли они в чем-нибудь свою жизнь, насколько беспокоилась старушка по поводу своей вспышки? и пр.

На другой же день после освобождения Дервнина из рук доморощенных палачей царицы Прасковьи Павел Иванович Ягужинский весело проводил время у тайного советника Басевича. Здесь собралась большая компания русских и голштинцев, со своим герцогом, послушать музыку; но не она была на первом плане у веселых собеседников: бокалы не выходили из рук собеседников, пили за обедом, пили во время концерта, пили во весь вечер, пили — стоя, сидя, наконец, на коленках. Генерал-прокурор был одним из главнейших питухов в водкопитии: он провозглашал тост за тостом, и, когда поднят был бокал за здоровье сильно подгулявшего герцога, некоторые из его советников — в избытке преданности — поползли к нему на коленках и с умилением лобызали ручку его герцогского высочества.

Вельможи вообще продолжали неустанно съезжаться на пиры и попойки; каждая весть с театра войны, мало-мальски приятная, служила поводом к немедленному сбору на официальный, торжественный обед. За отсутствием государя — обедами этими большей частью щеголяли князь А.Д.Меншиков, П.И.Ягужинский, герцог Голштинский, его тайный советник Басевич и др.

¹ Письма от имени Екатерины I, 1722, августа 30, Дербент.

С этих пирушек, благодаря его высочеству и другим питухам, которые пили с замечательной энергией и всячески старались напоить друг друга, многие сановники, по свидетельству одного из участников пиров, редко приезжали домой здоровыми. Вино занимало сановников, танцы — развлекали дам, которые прыгали тут же в душных и смрадных палатах, на месте вынесенных столов. Особенно нескончаемы были танцы, когда являлся среди танцующих подгулявший генерал-прокурор. Он требовал, чтоб танцевали больше и больше, подгонял танцевать кавалеров, кружился сам, требовал, чтоб не отпускали дам, — и бал тянулся до тех пор, пока все не отбивались от ног. Ягужинскому никто не смел отказать: "и уж чего он захочет", замечает Берхгольц, "то непременно надо исполнить". Петра не было, меньше в ходу были штрафные кубки, — было свободнее, — и веселились нараспашку: не только Ягужинский, светлейший Меншиков, канцлер Головкин и другие министры, но даже сам Скорняков-Писарев, желчный, злой — член страшного судилища, — и тот, отуманенный и увлеченный "пьянственным весельем", — пускался иногда в пляс, вечером старательно выделывал па в минуэте, выхаживал в польском, а утром — шел в застенок и ставил допрашиваемых в хомут, тащил на виску, либо укладывал "персты" в тиски, голову в станок...

Герцогине Катерине Ивановне не сиделось в Измайлове с больной маменькой-ворчуньей; ей скучно было слушать ее воркотню, скучно глядеть на изможденную старуху, перевозимую из комнаты в комнату в кресле на колесах, и вот она не упускала случая посещать пиры и ассамблеи боярские. Катерину Ивановну не останавливала даже непроездная московская мостовая.

В конце октября 1722 г. сделалась оттепель, пошли дожди, и чуть не с первой его капли на улицах столицы сделалась такая грязь, что балки деревянных мостовых почти плавали... По этому океану грязи, тем свободнее скоплавшейся на улицах, что ее не пускала в канаву вынутая из них земля — насыпи из нее были выше уровня середины улиц, — по этому океану смело плавала в колымаге-коляске герцогиня Катерина Ивановна.

Если б мы могли перенестись на то время в Москву, мы бы увидели любимицу царицы Прасковьи и Меншикова у Ягужинского, у Головкина, у Бассевича и у других вельмож на свадьбах, именинных пирогах, "викториальных" пирах, танцевальных собраниях и пр. Герцогиня особенно много любезничала с герцогом Голштинским и кавалерами его свиты: как не было кратковременно ее пребывание в Германии, но этого времени было достаточно, не настолько, чтоб выучиться говорить, но чтобы

полюбить немцев... Катерина Ивановна вела себя на ассамблеях совершенно непринужденно, отказывала одним, немедленно затем шла танцевать с другим¹, болтала со всеми и убедительно просила голштинцев навещать ее в Измайлово. В 9, много в 10 часов вечера, она всегда уже спешила туда, к маменьке.

24 ноября 1722 г., в день ангела императрицы, также и герцогини Катерины Ивановны, вся знать пировала в здании сената. Между именитыми дамами присутствовала за обедом сама герцогиня. Заменявший генерал-прокурора — обер-прокурор Скорняков-Писарев (Ягужинский уезжал в это время по царскому указу в Петербург) был хозяином пира и деятельно угощал рядом кушаньев, приготовленных в русском вкусе с луком и чесноком, — для русских прекрасно, для приезжих иноземцев (шведского посланника, его секретаря и других) — отвратительно. Пили много, обед сопровождался обычными явлениями, характеризующими тогдашнее общество: так, напр., один весьма сановитый гость преспокойно перелез, в сапогах, через стол, причем не обратил ни малейшего внимания на то, что при этом наступил прямо в середину какого-то блюда...

С сенатского обеда отправимтесь в Измайлово. Здесь мы найдем обычных его посетителей — Головкиных и Ромодановских (обе родственные между собой фамилии были в родстве с домом Салтыковых); Катерина Ивановна также уже здесь; она с нетерпением ждет герцога Голштинского, которому обещала даже, если он ее посетит, сделать подарок.

Герцог исполнил свое обещание, и радостная Катерина немедленно приказала фрейлине принести из спальни прекрасно сделанные четки, подарок дорогому гостю.

Мы уже были в измайловских комнатках²; все они убраны плохо, расположены неудобно, почти все спальни проходные. Прасковья-старушка, больная, лежала в кровати, тем не менее она приняла гостей. Гости пили и говорили в ее маленькой спальне, пили и в спальне герцогини, наконец, по ее приглашению, уселись ужинать за длинный узкий стол. Ужин был приготовлен наскоро; кавалерам герцога ничего не досталось; зато после стола, по желанию Катерины Ивановны, все они должны были танцевать и волей-неволей прыгать с ней; импровизированная вечеринка затуманилась было горячим спором герцогини с Бассевичем за герцога Мекленбургского и его дело; вероятно, Бассевич обвинял его за сумасбродство, а

¹ Катерина Ивановна больше всего любила польский; в минуэтах и прочих танцах она была вообще неискусна.

² См. главу VI.

преданная супруга горячо за него заступалась, но после ужина мир восстановился, и гости, частью с пустыми желудками, прыгали до 11 часов вечера. Пили, впрочем, не мало, что видно уж из того, что на другой день у дорогого гостя (герцога Голштинского) сильно болела голова.

Дня три спустя Катерина Ивановна имела вновь удовольствие видиться с герцогом на званом обеде у своего дядюшки Василия Федоровича Салтыкова. Обед был в одном из его домов, подле Немецкой слободы. В деревянном, ветхом, весьма плохом доме Василия Федоровича собралось большое общество, частью из родственников, частью из близких почему бы то ни было к царице: Ромодановские, Головкины, Татищевы, Матвеевы, молодой Салтыков и другие. Сама старушка, по нездоровью, быть не могла, да и младшая царевна Прасковья не могла высидеть за столом: у нее разболелась нога. Несмотря на пост, подавались для мужчин скоромные блюда; обстоятельство интересное, если вспомнить, что обед был у родного брата набожной до ханжества Прасковьи.

В день рождения четырехлетней малютки Анны, дочери герцогини Мекленбургской (7 декабря), то же общество соединилось в Измайлове. Ветхий, громадный дом царицы представлял как бы лазарет хворых женщин; в одной спальне сидела на постели больная ногой царевна Прасковья Ивановна, в другой лежала царица Прасковья Федоровна. Впрочем, герцогиня была весела и в 12 часов усадила всех именитых гостей обедать. Она хлопотливо всех угощала, но все приготовлено было плохо, крайне неаппетитно, вина скверные... Все эти мелочные замечки одного из гостей (Берхгольца) интересны в том отношении, что они показывают, как плохо шло с болезнью царицы Прасковьи ее хозяйство, как грязнее делалась с каждым годом ее обстановка...

За обедом неминуемо последовали танцы; герцогиня у себя дома прыгала и вертелась гораздо охотнее, нежели на ассамблеях; ради дня рождения ее дочери танцевали до того, что в комнатах стало так жарко, как в бане: перешли в спальню царевны Прасковьи. И здесь вертелись большую часть вечера, чтоб повеселить себя да притом рассеять больную. Катерина была в восторге от герцога, который неустанно танцевал с ней и придворными дамами ее матушки. Четырехлетняя Анна Карловна (Леопольдовна) также принимала участие в танцах; малютка так растанцевалась, что герцогиня на другой день послала просить к себе герцогского камер-юнкера приехать к ней еще потанцевать...

Старушка Прасковья не препятствовала забавляться ненаглядной "свет-Катюшке", и Катерина Ивановна являлась то раз-

вязной, бойкой дамой на вечерах, то наездницей на затеваемых ею катаньях со своими дамами; она смело и с большим искусством правила лошадьми...

Затем ни из чего не видно, чтоб страшная сцена пытки Деревнина, виденная ею в подвале Тайной канцелярии, оставила бы тяжелое впечатление на Катерину. Легкомысленная женщина, она, как кажется, смотрела на это событие, как на нечто обыденное, на простую расправу барыни, ее маменьки, с провинившимся слугой; может быть, подобные сцены видимы были ею и не раз... Наше предположение подтверждается еще более тем, что дня четыре спустя эта добрая и милостивая женщина, так называет Берхгольц герцогиню Катерину, посетила с сестрой бывшего своего наставника Остермана-старшего и здесь, будучи особенно весела, добра и милостива, соизволила из своих ручек так напоить (умьшленно) старого своего знакомого графа Бонде, что тот не помнил, как воротился домой.

Из всех невинных забав хохотуньи "Катюшки" самая оригинальная, самая характеристическая была страсть ее к театру. Нет сомнения, что эту страсть царевна вывезла из Германии и по-своему, как умела, старалась пересадить виденное и слышанное в измайловские светелки. Актрисы набирались из придворных дам и фрейлин, актеры из крепостных, доморощенных артистов, парики брали у голштинцев, костюмы строились домашними средствами. К сожалению, мы не знаем, что за пьесы разыгрывались на измайловской импровизированной сцене; зато, благодаря дневнику наблюдательного немца-современника, мы живо можем представить всю обстановку, среди которой давались эти своеобразные спектакли.

Отправимтесь на один из них. В течение нескольких дней до спектакля герцогиня в страшных хлопотах... Она присутствует на репетициях, устраивает сцену, прилаживает занавес, пригоняет костюмы актрисам, распекает и наказывает актеров, набранных из многочисленной ватаги праздных, развратных, вороватых челядинцев царицы. В самый день спектакля хлопот еще больше: Катерина Ивановна суетится в комнате, отведенной под театр, а в спальне сидит в кресле отбившаяся от ног больная маменька и коротает время в душеспасительной беседе с архиепископом Новгородским, епископом Троицким и другими членами Святейшего Синода. Петровским царствованием эти духовные иерархи уже приучены смотреть на театральное позорище самым снисходительным образом; сама Прасковья не разделяет уже взгляда своих предков на эту забаву и не мешает тешиться милой Катюшке.

Все готово, зрители собрались, приехали, между прочим, два кавалера из свиты герцога Голштинского. Младшая ца-

ревна известила маменьку, что представление начинается. Толпа горничных и слуг покатила старушку на кресле с колесами. В 5 часов поднялся занавес; устройство сцены понравилось немцам, но костюмы актеров, по их замечанию, не отличались изяществом. Не зная русского языка, немцы не поняли содержания разыгрывавшихся фарсов и тем лишили нас возможности полнее познакомиться с измайловским театром. Впрочем, Берхгольц заключил по догадке, что играли совершенные пустяки, причем и поплатился за спектакль табакеркой: кто-то не из артистов, а из зрителей, в своем роде артист, весьма искусно вытащил ее из кармана зазевавшегося немца. Немудрено после этого, что Берхгольц вынес о театре самое невыгодное впечатление¹.

Артисты измайловской труппы вообще, кажется, оказывали более способностей к разным "художествам", к которым прибегали для добывания денег на свою нищенствующую братию, нежели к театру. Накануне второго спектакля главный актер с другим артистом, талант второстепенный, стали разносить по городу афишки и тем собирать для себя милостыню. Огорченная герцогиня велела дать каждому из них около 200 батогов: затем второстепенный актер был прогнан со сцены, а другой на другой же день явился на сцене пред именитой публикой в роли короля; роль супруги батогированного короля играла дочь маршала царицы Прасковьи.

"Превеселая эта женщина, герцогиня Мекленбургская, — восклицает по этому поводу Берхгольц, — у нее никак не обойдется дело без множества презабавных приключений!" Катерина Ивановна сама рассказала о штрафовании своего первого артиста герцогу Голштинскому, посетившему спектакль. На этот раз некоторые из его свиты заплатились шелковыми платками: их вытащили с искусством, делавшим честь измайловским "художникам".

¹ Вообще говоря, театр на Руси в царствование Петра находился в самом младенческом состоянии. Непонятно, как великий монарх упустил из виду столь важное средство к народному просвещению. К числу немногих известных документов, относящихся до истории русского театра при Петре, укажем на челобитную "всеподданнейшего раба Иоганна Карла Эренберга", из Гамбурга, 11 июля 1721 г. В этом документе челобитчик говорит, что государь в прошлом (1720 г.) повелел привезть в Россию компанию комедиантов и мастеров, которые по "веревке танцуют". Эренберг повеление исполнил, но не нашел средств для отправления этих людей и их багажа в Россию, почему и просит государя, буде он прежнее намерение не изменил, указал бы выдать чрез гамбургского своего резидента Бетгера ему, Эренбергу, 2000 талеров. "С этими деньгами, заключает челобитчик, я с помянутою при мне компаниею и с теми, которых я уже во Гданск отправил, с Божиею помощью к Покрову дню, мог бы пригнать в Россию". Гос. арх. Каб. дел., II пол., т. LIV, л. 1272.

В то время, когда шумно и весело проводили сановники досужее время в пирах и сходках, когда коротала время в разнообразных' развлечениях царевна Катерина, а охала и стонала от недуга ее маменька, — в каком же положении находилось забытое нами дело Василия Деревнина?

В ожидании царского приезда оно нисколько не подвинулось вперед. Арестанта держали в тюрьме и, худо или хорошо, но как каждого секретного преступника, лечили казенными средствами. Между тем 8 октября Скорняков-Писарев и Бутурлин составили обо всем случившемся обстоятельный доклад и отправили его в Астрахань, на имя П.А.Толстого, главы Тайной канцелярии; при докладе приложена была копия с цифирного письма царицы к Юшкову. Инквизиторы испрашивали разрешения: "Следовать ли о приезде царицы, о бое и о жении Деревнина ея служителями? Также брать ли под караул Юшкова? подвергать ли его и служителей царицы пытке? а без указу того чинить не смеем"¹.

В тот же день Тайная канцелярия, по доношению Терского на Ершова и Тихменева в деле о учинении царице великого оклада из-за немалой взятки, отнеслась в Правительствующий Сенат доношением с запросом: где о том деле следовать? А между тем от обер-полицмейстера вытребованы были в Тайную все документы, относящиеся к первым следствиям по делу Деревнина², и на повторительную просьбу Терского о распечатании его пожитков последовало разрешение.

Но провинциал-фискал уже не довольствовался этой уступкой; он жаждал мщения, и 22 октября выступил с резким протестом против самоуправства главы московской полиции и ее подвижников. В длинном доношении он передал членам Тайной канцелярии все подробности нашествия полицейского партизана Пазухина на дома его и Юрьева; подробности эти изложены нами в своем месте. Из дела не видно, чтобы протест Терского навлек грозу начальства на обер-полицмейстера: его деянья, как явления, не выходявшие из обыденной колеи, не вызвали даже ни одного замечания; зато Терский выиграл хоть тем, что в тот же день, по подаче доношения, остальные его люди были освобождены; сам он, был освобожден еще

---

¹ Вершонные дела розыскных дел Тайной канцелярии, Гос. арх. картон XV, л. 23—32. 12 октября 1722 г. отправлены были два курьера с этими нужнейшими о тайных государевых делах бумагами. Тут же приложено было письмо Писарева к А.П.Волынскому, чтобы он отнюдь не задержал посланных в Астрахани, а препроводил бы их туда, где обретается государь. Прогонов выдано по 1 деньге на версту, на 2050 верст — 37 р. 16 ал. 4 д., да на прокорм — 15 р. на человека — всего 67 р. двум.

² 16 октября 1722 г., л. 1—5, 33—38.

8 октября, разумеется, на поруки, со строжайшим наказом явиться в судилище по первому востребованию; дворы и пожитки его и Юрьева распечатаны и отданы им до указа с распиской, впрочем, не раньше, как 5 ноября; при сдаче домов и пожитков сделана была опись всего разбитого и разломанного во время набега Пазухина. Последним действием членов Тайной канцелярии, по делу Деревнина и Терского, в ожидании царского приезда, была отписка о вершении дела провинциал-фискала Терского с Тихменевым, в надворном суде.

Ответа царского на доношение о жении Деревнина не последовало, и арестант был пока забыт со своими увечьями; Писареву, Бутурлину и другим сановникам, в самом деле, не до того было в это время, чтоб интересоваться человеком, навлекшим на себя гнев Прасковьи: в среде их самих совершился скандал первостепенной важности, скандал, не переставший вызывать ежедневные толки вельмож и большие опасения о его последствиях: то была крупная ссора в сенате Меншикова с Шафировым. Сторону первого принял великий канцлер Головкин, и оба врага послали курьеров с жалобами к царю¹. Все были уверены, что по возвращении государя грянет над обоими гроза неминуемая и страшная. Сановники разделились на два лагеря; громадное большинство пристало, разумеется, к стороне Меншикова, в силу и значение которого было больше веры; от Шафириных почти все общество отшатнулось. Шафириных не приглашали в собрания, даже на официальных обедах их не было видно... Среди встревоженного общества ходили разные толки, между прочим, говорили об объявлении, прибитом на фонарном столбе, на Красной площади. В фонаре положено было 10 мешков, каждый будто бы со 100 рублями, а объявление гласило, что в Кремле найдено весьма важное письмо, и тому, кто назовет его составителя, обещана выложенная награда... К Шафириным ездили только иностранные послы, из русских же весьма немногие. Так, напр., на одном из званых обедов у вице-канцлера Шафирова из 18 гостей был только

---

¹ Гос. Арх., Каб. дел., II пол., т. LX, л. 592 и пр. Мы не приводим этих жалоб, так как они не имеют отношения к настоящему очерку. Особенно интересна жалоба Меншикова; читая ее, можно подумать, что он чист, яко агнец, во всем же виноват Шафиров. Если верить светлейшему, вице-канцлер без всякого повода бранил обер-прокурора Скорнякова-Писарева вором, объявлял с великим криком, что гр. Головкин ему главный неприятель, затем с таким же криком называл его самого, князя Меншикова, великим злодеем: "Не хочу-де за твои дела головы своей потерять, так как князь Матвей Гагарин и князь Григорий Волконский, ты можешь всех побить" и пр.

Подробности этой великой ссоры между сенаторами-птенцами Петра Великого см. в "Истории России" С.М.Соловьева, том XVIII, с. 142-143.

один русский — старик князь Долгоруков, сын которого женат был на Шафировой. Старик-хозяин спрашивал гостей: "Правда ли, что Меншиков меня всячески бранит и твердит, что, по приезде императора, меня закуют в железа? Не знаю, продолжал Шафиров, кто из нас больше заслужил оковы? Хотя Меншиков и имперский князь, а коли вздумает государь, так и ему срубят голову, не ожидая на то позволения от Германской империи..."

Вообще птенцы Петра Первого, смиренные, ручные при нем, с яростью клевали друг друга, лишь только орел слетал со своего гнезда и оставлял их, с общего согласия, ведать и вершить дела империи. Общего согласия не было, да и быть не могло. В обществе грубом, чуждом всякого образования, все пошлые страсти, сдерживаемые единым страхом, быстро развиваются, лишь только падает с них узда; птенцы Петра Великого как бы щеголяли друг перед другом завистью, тщеславием, властолюбием и искусством вести бесконечные, самые каверзные интриги. Это искусство, как известно, завещано было петровскими птенцами пенатам новых поколений, новым временщикам, новым придворным, и долго-долго еще страдала Русь от этих страшных врагов ее силы и могущества.

Петр, зная слабости "птенцов", пред отъездом в персидский поход, приставил к ним дядьку: то было его "око", Павел Иванович Ягужинский. Государь пожаловал его генерал-прокурором и, представляя его сенаторам, в мае 1722 г. сказал:

— "Вот мое око, им я буду все видеть. Он знает мои намерения и желания; что он заблагорассудит, то вы делайте; а хотя бы вам показалось, что он поступает противно моим и государственным выгодам, вы однакож то исполняйте и, уведомив меня о том, ожидайте моего повеления".

Подчинив высшее правительственное место воле одного человека, бывшего своего деньщика, Петр возложил на этого деньщика должность крайне трудную. Павлу Ивановичу решительно было не по силам смирять птенцов великого монарха. Как трудна была для него постоянная борьба с "страстями вельмож российских", видно из его исповеди, посланной к Петру пред отъездом в Петербург 16 октября 1722 г. В этом интересном послании Ягужинский сознается, "что сенатское заобычное несогласие не токмо мною мало могло удержано быть, но наипаче ныне ссоры и брани стали быть и во истину не мало остановки тем бывает; и ныне некоторыя партикулярныя ссоры и брани не токмо словесно, но и письменно произошли между обер-прокурором (Писаревым) и бароном Шафировым..." Генерал-прокурор в особенности опасался, что во время его отлучки "не безопасно, чтобы те партии, — как писал он, — страсти

своей не продолжали". Вследствие чего он нашел нужным предъявить письменное предложение: "Дабы такая партикулярная ссоры и брани весьма удержаны были, и тем в нужных делах помешательства никакого не чинилось, а которые ссоры и несогласия ныне между ними, чтоб до возвращения вашего величества оставлены были, и притом в тех своих предложениях изобразил, что ежели в моем отсутствии такая ссоры и явныя брани, от кого вновь будут происходить, чтоб с начинателем так поступали, как указы и регламенты повелевают. Всемилоштивейший государь, — заключал Ягужинский, — я совестью своею и всеми сенаторами засвидетельствую, сколько в том моей верности и старания ни было, однакоже с превеликою трудностью, при таких страстях, дела в порядке содержать было можно..."¹

В таком состоянии находилась высшая московская аристократия, когда стали ходить слухи о скором приезде грозного царя-батюшки. Еще в октябре прибыли из Астрахани певчие императрицы; уверяли по этому случаю, что императрица сама скоро будет, но что император сперва поедет в Казань; этим известиям еще мало верили. Вслед за тем пошла молва, что так как в Персии почти все уже приведено в исполнение, то государь не замедлит приездом, канцелярия, мол, его едет уже назад, а в Преображенском делаются большие запасы дров и съестных припасов. Письма придворных из Астрахани подтверждали эти слухи, но только в начале декабря 1722 г. стали являться в Москву некоторые из спутников и спутниц государя. Вслед за ними (11 декабря) прискакали курьеры с известием, что император, если только не остановится в Воронеже, завтра же будет в Москве, потому что едет весьма скоро...

Многие, чувствовавшие какие-либо за собой грешки, с беспокойством ждали Петра. Ober-полицмейстер Греков с каким-то особенным рвением старался заявить свою деятельность, между прочим, для вящего порядка, он запретил разносчикам кричать и даже ходить по улицам.

Надсмотрщики за дворцовыми постройками просто потеряли голову от страха, потому что пропустили лучшее время лета и не сделали решительно ничего, воображая, что император еще не так скоро воротится.

Поздно вечером 11 декабря пришло известие, что государь всего в 15 верстах от Москвы. У Меншикова от страха открылось сильное кровотечение горлом; можно себе представить, как трепетали остальные государственные люди Всероссийской империи.

---

¹ Гос. Арх. Каб. дел., I пол., т. LVIII, л. 131—132.

Как приняли известие о царском приезде измайловские обитательницы?

Поздно вечером 11 декабря прискакал в Измайлово камер-юнкер Берхгольц. Он был первый вестник о приезде императора; эта весть была неожиданна; герцогиня уверена была, что государь приедет не раньше как дня через три. Как приняла эту новость старушка Прасковья — неизвестно; надо думать, что без боязни, так как она уверена была в любви и уважении к ней Петра и дорогой невестушки; что же касается до Катерины Ивановны, то она так обрадовалась, что запросто повела вестника к матери, к сестре, наконец, к фрейлинам, несмотря на то, что все они были раздеты и лежали уже в постелях. Шутливая и разбитная хозяйка, вероятно, имея в виду доставить камер-юнкеру несколько приятных минут, подводила его, по очереди, к каждой фрейлине, никак не подозревая, что это зрелище ни мало не доставляло удовольствия чопорному немцу. Фрейлины лежали, как бедные девки, одна подле другой, почти полунагие... Грязная и бедная обстановка вызвала с его стороны в дневнике следующую заметку: "Вообще все это ночное посещение не сделало на меня выгодного впечатления, хоть мне и пришлось видеть много голых шей и грудей".

На другой день государь принимал уже в Новопретраженском поздравления с приездом, а с 13 декабря начались крутые "вершения по делам": в этот день казнены два фальшивых монетчика; им влили в горло растопленное олово и потом навязали их на колеса. Один из них, которому олово прожгло насквозь шею, был на следующий день еще жив; а другой, будучи на колесе, поставленном над землей немного выше человеческого роста, хватал еще рукой монету, привешенную снизу к этому колесу...

IX

Суд и расправа

Старушка Прасковья по болезни не могла явиться с поклоном и поздравлением о приезде к государю и государыне; вместо себя она послала "свет-Катюшку", и та приняла участие во всех торжествах столицы по случаю благополучного прибытия отца отечества. Парадный въезд в Москву Петра и Екатерины был совершен с громадным триумфом. Колокола, пушки и народные клики долго не умолкали; у каждого триумфальных ворот, воздвигнутых еще в прошлом году, чинились торжественные встречи, причем тут же, в воротах, шло угощение. Государь и вся его свита, как духовные, так и светские сановники, нисколько не церемонились — и ели, и пили так, как бы дня три лишены были стола. Достопамятный день заключился общим пиром всей аристократии в Преображенской съезжей избе у князя Ромодановского, в присутствии императора. Уезжая оттуда, государь просил хозяина продолжать угощение сколь возможно усерднее, несмотря на то, что все уже были преизрядно пьяны.

Хмельные головы шумели, кричали, спорили, ссорились, и, "мало помешкав", от ссоры дело дошло и до драки... Бой вспыхнул между двумя именитейшими представителями петровской знати; то были князь-кесарь Иван Федорович Ромодановский и князь Григорий Федорович Долгоруков. Два лютых супротивника издавна враждовали друг с другом, издавна подымали друг на друга "всякую скверну", но оба, сильные любовью и доверием государя и государыни, постоянно разлученные местами своей служебной деятельности (Москва и Варшава), они не могли повалить друг друга, мало имели случая дойти и до ручного объяснения.

Одна из главнейших причин их непримиримой ненависти скрывалась в семейных распрях: отец нынешнего (в 1722 г.) князя-кесаря, покойный князь-кесарь Федор Юрьевич Ромода-

новский, как известно, был женат на Настасье Федоровне Салтыковой, а дочь Долгорукова была замужем за родным братом княгини-кесарши Настасьи и царицы Прасковьи. Читатели наши, без сомнения, помнят, как неделикатно обращался нежный братец двух старушек со своей злополучной супругой и как тщетно и упорно жаждал мести ее отец, уполномоченный посол и министр царя русского. Нет сомнения, что князь-кесарь в процессе князя Долгорукова немало помог своему родичу Салтыкову, и не мудрено, что князю Григорию Федоровичу не удалось одолеть противника.

Теперь за торжественным пиром, в одной и той же избе, сошлись два врага-старца. И тот, и другой были весьма шумны, и тот, и другой не умешкали схватиться. Объяснение началось с какого-то тоста, предложенного хозяином. Князь Долгоруков не хотел его выпить; тогда князь-кесарь стал его "всякими скверными лаями лаять..." "Ты вор! — кричал между прочим совсем опьяневший кесарь, — ты предатель государства! Его величество не токмо тебя кнутом наказать, но и голову твою отсечь намерение иметь изволит..." Противник не уступал в подборе сильных выражений, и пряность их довела до более резких объяснений. Оба старца схватили друг друга за волосы и с полчаса неустанно били друг друга кулаками... Зрители очистили арену и, из уважения ли, или из боязни к двум государственным деятелям, не мешали им убеждать друг друга "словесно и ручно"; никто не смел разнять сановников. Князь Ромодановский, как рассказывали тогда, оказался слабейшим.

Кипя гневом, велелочный кесарь повелел караульным арестовать посла-министра, отнять у него шпагу и запереть в особую комнату. Приказ был выполнен, и князь Григорий Федорович отсыпался в течение суток под стражей своего врага. Освобожденный, по вмешательству в дело Екатерины, он не хотел ехать домой и говорил, что будет просить удовлетворения у императора. Действительно, князь Долгоруков поспешил к государю с мольбой о сатисфакции и, не довольствуясь этим, нашел нужным ударить челобитной.

"...Князь Иван Ромодановский, — писал его противник, — умысла за партикулярную свою злобу по факциям моих злохотящих, бил меня и всякими скверными лаями лаял..." Если только судить дело по этому документу, то сам Долгоруков вел себя как нельзя более кротко; в его челобитной мы вовсе не видим старика, который после потока самых грязных ругательств осилил кесаря в кулачной перепалке. Послушайте, что он пишет: "Я, опасаясь вашего величества гневу, во всем ему, Ромодановскому уступал и просил Гаврилу Ивановича (Головкина) и других, дабы его от того удержали; но он,

выпустя других, велел снять с меня шпагу и взять за арест, как суцгаго вора; где мало не сутки был держан и потом указом все милостивейшей государыни свободился, и у вашего величества за учиненную мне смертную обиду сатисфакцию просил, о чем и ныне слезно прошу: сотворить со мною милость, дабы мне не остаться на веки в нестерпимом ругательстве". Долгоруков тем более к сердцу принимал учиненный афронт, что он видел в себе оскорбленным великий сан посла-министра, почему и настоятельно просил государя: "Також против всенародных прав учиненный публичный афронт характеру тайнаго действительнаго советника и вашего величества кавалера без отмщения отпустить не изволили. Помилуй, государь! — действ. восклицал тайный советник, — не дай мне безпорочный век мой ныне при старости безвремени окончить в безчестии"¹.

В мольбах "всенижайшего раба", птенца Петра Великого, так и слышится боярин старого доброго времени, с прежними воззрениями на житейские отношения, способный дойти до ручнаго объяснения; но уж этот боярин старого закала — в иноземном кафтане, с уст его слышатся клятвы и заверения об оскорблении в лице его достоинства сановника, кавалера... и как бесстыдно лжет этот кавалер, чтоб только досадить своему врагу.

Дело кончилось ничем, так как кулачные схватки государственных людей того времени были явлениями довольно обыкновенными и постоянно переходились молчанием.

Не прошла только молчанием сенатская схватка Шафирова, Писарева и Меншикова. Первые два особенно должны были пострадать: над ними наряжена (9 янв. 1723 г.) следственная комиссия, которая повела дело строго. С Шафирова скоро сняли знаки отличия, а за Писарева сильно начали опасаться его родные и друзья, так как на него поступило к следователям множество жалоб.

Впрочем, государь, карая драчливых птенцов своих, был это время постоянно весел и между государственными делами посвящал свои досуги на разнообразнейшие увеселения, со свитой деньщиков, зачастую окруженный "безпокойною братиею", т.е. "сумазброднейшим и всепьянейшим собором князь-папы", он разъезжал то в театр, устроившийся, по примеру измайловского, в госпитале, то на свадьбы, на публичные маскарады, то, наконец, на ассамблеи, на которые барабанный бой неустанно зывал гостей; все дамы и девицы старше 10 лет непременно должны были являться в танцеваль-

¹ Каб. дел., II пол., кн. LVIII, л. 575.

ные собрания. Толстенькая герцогиня, "свет-Катюшка", вновь запорхала в этих собраниях... Она беззаботно любезничала с милыми кавалерами герцога Карла; то посылала им вафель со своего стола, то зазывала к себе и щедро угощала вином... Мать-старушка не вставала с постели, тем не менее не лишала себя удовольствия принимать в спальне гостей и угощать их настойками.

Государь, по приезде, посетил больную царицу Прасковью, обошелся с ней как нельзя ласковее: и, не остановившись на одном визите, вскоре (20 января 1723 г.), после пира у ее брата, приехал к ней в Измайлово и там веселился со свитой. Ничто не показывало, чтоб государь гневался на невестушку; самое дело Деревнина, казалось, его мало интересовало; он не спешил судом и расправой. Зато не мешкала старушка и, несмотря на то, что не оставляла по болезни постели, не переставала заискивать и задобривать окружающих царя, его любимцев-деньщиков... Почасту приглашаемые в Измайлово, они находили там самый радушный прием. Им особенно бывал доволен любимейший деньщик Петра — Василий Петрович. Если б мы заехали в Измайлово несколько дней спустя после царского наезда, мы бы застали здесь Василия, осушающего стакан за стаканом. С ним бражничает братец царицы, сильно угощаются дамы, пьет, как деньщик, сама кесарша Настасья Ромодановская, обыкновенная посетительница больной сестры своей — царицы... Больна вертушка Катерина Ивановна; она в кровати, сильно осипла, но болтает со стоящим подле нее камер-юнкером, дразнит гуляк и хохочет над ними.

Что до государя, то конец января и половину февраля 1723 г. он был сильно занят процессом о поссорившихся сенаторах. 14 февраля дело было кончено.

Москва огласилась барабанным боем, возвестившим, что завтра последует в Кремле казнь бывшего государственного министра и вице-канцлера, барона Шафирова. На другой день, в 7 часов утра, вокруг высокого помоста стояло бесчисленное множество народа; солдаты оцепляли место казни. Осужденного привезли на простых санях, под караулом из Преображенского приказа. В прочитанном приговоре возглашались разные злоупотребления его по делам, за которые виновный обрекался на смертную казнь отсечением головы. С него сняли парик, старую шубу и подвели к плахе. Вице-канцлер оборотился к церкви, осенил себя крестным знаменем и, став на колени, положил голову на плаху. Но прислужники палача, имея ли на то особое приказание государя, либо из усердия к делу, не оставили государственного министра в этом положении: они вытянули за ноги и растянули его на помосте, так

что Шафирову пришлось лежать на толстом своем брюхе. Затем палач взмахнул вверх большим топором, и он упал — на скамью. Голова была пощажена государем. Смерть заменили ссылкой. Шафиров поднялся на ноги и со слезами на глазах сошел с помоста. Его повели в здание сената, где сенаторы подавали ему руки и поздравляли его с помилованием. Когда там же императорский лейб-хирург пустил ему кровь, во избежание дурных последствий от сильного потрясения, Шафиров сказал: "Лучше бы открыли мне большую жилу, чтоб разом прекратить мои мучения..."

Между тем у эшафота чинилась экзекуция: сенатскому секретарю Кирееву, по шафирскому делу, дано 14 ударов кнутом; на его же долю выпала двукратная пытка при производстве следствия; обер-прокурор и гвардии майор Писарев, грозный член тайного трибунала, разжалован в солдаты, а обер-секретарь сената Позняков — в писаря. Между другими лицами пострадал и наш знакомый, князь Григорий Федорович Долгоруков; за пристрастие к Шафирову он лишен был чинов, посажен на дому под арест и присужден к денежному штрафу. Впрочем, государь скоро его простил¹. Равным образом вскоре употребил к делам Скорнякова-Писарева: бывший обер-прокурор послан надсматривать за работами на Ладожском канале. Точно так же не захотел царь потерять Меншикова, ни расстаться с ним. Вдобавок за Меншикова по обыкновению ходатайствовала государыня Екатерина. Петр простил своего любимца (хотя следствие по одному из дел князя продолжалось), но сказал своей жене: — "Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила мать его, и в плутовстве скончает живёт свой и если он не исправится, то быть ему без головы".

В это время князь Александр Данилыч сильно заболел, и Петр не утерпел — написал ему ласковое письмо. Меншиков ожил и отвечал: "Вашего императорского величества всемиловнейшее писание, со всяким моим рабским почтением и радостью я получил, за которое и за всемиловнейшее ваше о приключившейся мне болезни сожаление вашему величеству всенижайшее мое рабское приношу благодарение, и не малое имею, получа оное всемиловнейшее писание, порадование и от болезни моей паче докторских пользований свободу. Всенижайше благодарствую, что ваше величество, по превысокой своей отеческой ко мне милости, изволил пожаловать в Городню в новопостроенный дом мой и за мое здоровье кушать. Истину ва-

¹ См. "Судное дело" Шафирова в Журн. Министерства Юстиции, изд. 1859 г., с. 49—55. См. также у Соловьева т. XVIII, с. 150, 156—157. Князь Григорий Федорович Долгоруков скончался в Кронштадте, 15 августа 1723 г. и погребен в Петербурге.

шему величеству доношу, что оный дом я построил для шествия вашего величества, дабы вашему величеству от тараканов не было опасения”.

В первый же день по окончании дела Шафирово государь, как бы в виде отдыха, перешел к терско-деревнинскому делу и велел представить его к себе на рассмотрение Кабинет-секретарь Макаров поспешил уведомить Бутурлина о высочайшей воле: ”Государь мой милостивый Иван Иванович! — писал Макаров, — дело Деревнина с Терским и по тому делу колодников извольте прислать на генеральный двор (в Преображенское) с дьяком или со старым подъячим, у которых то дело следует”.

Ни в названии дела, ни в дальнейших следованиях по нем о царице Прасковье либо вовсе не упоминается, либо упоминается вскользь, в самых почтительных выражениях, с прописанием титула ”благочестивейшая государыня царица” и пр.

Тайная канцелярия представила новый экстракт из всего дела и препроводила арестанта-стряпчего по востребованию.

14 февраля 1723 г. Василий Деревнин был приведен на генеральный двор к допросу. Генеральный суд, наряженный над Шафировым из сенаторов и генералитета, не был еще распущен, и вот, по его приказу, приступлено было к допросу стряпчего.

— Знаешь ли ты тех людей, которые в пришествии царицы Прасковьи Федоровны в Тайную канцелярию тебя водкою обливали и жгли?

Деревнин, хорошо знавший по прежней службе своей при царице весь ее придворный штат, без труда вспомнил шесть обжигальщиков, но заметил, что чьи они дети и прозванием, того он не знает; ”а и другие дому царицы, — продолжал стряпчий, — многие служители при том были ж, а кто по именам, того не упомяну”¹.

Для напаятования на другой день призваны были каптенармус Бобровский да Бутырского полка капрал Краснов, бывшие в роковой вечер ”жжения” в казенках Тайной канцелярии.

— Знаете ли вы, кто из служителей ее величества царицы приходили с ней в Тайную и кто из них оторвал силой дверь казенки деревнинской; о том знаете ли?

— Не усмотрел я, — отвечал Бобровский, — кто из служителей был, за многолюдством; только де суще, как стал я в дверях и не стал Деревнина давать вести из канцелярии, и из тех служителей один ударил меня под бок, а присмотреть его, за оным многолюдством, я не мог.

— Не усмотрел и я, — говорил капрал Краснов, — кто оторвал

¹ Вер. дел. Розыскных дел Тайной канцелярии карт. XV, л. 50—89.

дверь, понеже оных служителей вошло в казенку многолюдно; не стал было я их пускать, и они меня от двери оттиснули.

Посланная команда в Измайлово привела служителей царицы; их разместили по преображенским кельям, затем генеральные судьи сняли допрос с каждого порознь.

И вот один за другим поведали водкообливатели и свечеожигатели страшную повесть о прогулке "всемилостивейшей и благовернейшей государыни-царицы" в Тайную кацелярию на Лубянскую площадь; поведали о том, как соизволили "ея царское величество" утруждать себя гневом немалым на недостойного служителя. Забытое, либо пропущенное одним, вспоминалось и пополнялось другим, и таким образом все подробности картины "мщения царицы-старушки" обнажились во всей красоте.

Любопытно, что каждый из допрашиваемых излагал события таким образом, чтоб представить себя сколь возможно незначительнейшим подвижником сего дела. Прослушавши каждого отдельно, можно было подумать, что служители царицы, все без исключения, были не более не менее как простыми зрителями.

Стряпчий Кондрат Маскин первый рассказал все дело как можно обстоятельнее и первый же почел долгом смягчить свое участие в деле. "Каптенармуса я, Маскин, не бивал; дверей от казенки Деревнина не отрывал; караульного капрала от них не отпихивал; да и чинить мне, — добавил Кондрат, — всего этого было невозможно, понеже нес я царицу на скамье, а кто из служителей били дежурных и отрывали дверь, того не ведаю". Стряпчий перечислил затем главнейших участников и подмахнул свое имя с обычной оговоркой: "Буде сказал что ложно и за то указал бы его императорское величество учинить со мною чего достоин".

В самых почтительных выражениях относительно своей госпожи царицы показал о деле стремянной ее, конюх Никита Иевлев; он поставил на вид свои напоминания царице о необычности ее гнева и нашел нужным заметить: "О каком де письме допрашивала царица, того я не знаю". Эта оговорка именно обнаруживала, что доверенный стремянной, сам же хлопотавший в полицейском розыске о письме, очень хорошо если не знал, то догадывался о его содержании. Насчет побоев и толчков держурным, также об отрывании дверей стремянной показал, что во всем этом невинен, а виноватых не усмотрел. Чистосердечнее был брат его, задворный конюх Феоктист Иевлев: он повинился, что оттолкнул, по приказу царицы, подъячего Павлова, когда тот сунулся с мольбой прекратить жение Деревнина, но в виде оправдания Феоктист заметил, что Павлов его самого толкал.

— Дверь никто не отрывал силою, — говорил, между прочим, другой стремянной, конюх Карлус Фрихт, — подъячий Моломахов, идя со свечей впереди носилок, только постучал в нее, и ее отворили. А кто толкал потом каптенармуса, того я не усмотрел... Деревнина же, по приказу государыни-царицы, я жег под бороду, токмо до этого уже у него был обожжен нос презрительно. Водки я вылил на Деревнина только полбутылки...

Показания главнейших участников были очень длинны; их записали, скрепили по форме подписями допрошенных служителей (все они оказались грамотными) и затем продолжали опросы на другой день, 16 февраля 1723 г.

— Нес я государыню на скамейке, — показывал о своем участии в деле сторож и истопник Степан Пятилет, — кто силою отворил дверь в казенку, того я не усмотрел; когда же Бобровский стал не пускать Деревнина из казенки, в то число Маскин, Никита Иевлев и Тихменев провели Деревнина в дверь сильно, а били ль они урядника, того я не усмотрел, понеже нес государыню. Жег я Деревнина опосля, как обжигали его Моломахов, а по нем швед Карлусь; во время ж жжения их я с другими служителями держал его, стряпчего. А как государыня соизволила приказать мне зажечь голову Деревнина и я ту голову своей свечой жечь поопасался — государыня толкнула мою руку со свечью, — и я зажег, и водка на голове Деревнина вспыхнула.

В показаниях Пятилета оказались некоторые противоречия со словами Никиты Иевлева и Маскина. Всех трех немедленно свели на очную ставку.

— Пред государыней я не шел в казенку Деревнина, — утверждал Никита Иевлев, — а взошел туда после, да и из казенки-то шел назад носилок ее величества; а кто шел впереди и вел Деревнина, того я не усмотрел.

— Никиту Иевлева, — повинился Пятилет, — оговорил я, не опамятовавшись, кто же шел впереди или сзади и кто вел Деревнина — не запомню: служителя в ту казенку входили и выходили многократно.

— Да и Маскин показывает на меня напрасно, — стоял на своем Никита Иевлев, — впереди я не шел и на казенку, где сидит Деревнин, царице я не указывал.

— Где шел Иевлев и кто был указчиком государыне-царице, — винился Маскин, — того я не упомяну, для того, что имею на себе паучую болезнь от 15 лет.

За очной ставкой опять потянулись допросы.

— Я нес государыню, — показывал задворный конюх Моломахов, — на скамье вместе с другими служителями; кто отворил казенку, не ведаю. А как в передней палате изволила госуда-

рыня гневаться и бить тростью Деревнина по лицу и по плоти многократно, а швед Карлус и Пятилет жгли его свечами, и в то число держал я Деревнина с прочими служителями; сам же свечю не жег.

Новая очная ставка.

— Как же ты показал, — спрашивали Пятилета, — что Моломахов жег Деревнина?

— Моломахов Деревнина суще свечой жег под нос, — стоял на прежнем Пятилет, — и Деревнин ту свечу задул.

— Нет! Свечой я Деревнина не жег, — упирался Моломахов. — Деревнин ее не задувал; а как жгли его Пятилет да Карлус и я держал его за волосы, по указу царицы.

Паж Тимофей Воейков рассказал о своих разъездах за царицей Катериной Ивановной, объявил себя непричастным ни в жении арестанта, ни в битии дежурных; брат его, паж Федор Воейков, свидетельствовал, что он ничего не видел, не слышал, никого не бил, не жег, не толкал. Юноша, как кажется, более других непривычный к картинам истязаний, оставался все время на дворе, что, впрочем, не выгородило его из общей судьбы всех деятелей того вечера.

А приговор судьбы состоялся "немешкатно"; так что ответы свои Воейковы не успели еще скрепить подписями, а его величеству наскучили уже однообразные показания служителей царицы. Допрошено было всего семь; более половины царицыной свиты оставались еще не допрошены; не терпя проволочек, государь просмотрел экстракт из снятых допросов Деревнина "и прочих о важных речах" — и в тот же день сам явился на экзекуцию.

Она учинена 16 февраля 1723 г. на генеральном дворе в Преображенском: Маскин, Никита Иевлев, Феокист Иевлев, Карлус Фрихт, Пятилет, Тимофей Воейков, Федор Воейков, Василий Моломахов, подъячий Михайло Крупеников, все девять человек, опрошенные и неопрошенные, виновные и невинные, останавливавшие государыню царицу и раболепно исполнившие ее волю, все без разбору — "биты батоги нещадно и потом освобождены". Его величество сам изволил присутствовать на штрафовании¹.

Достоинно замечания, что Василий Алексеевич Юшков не был

¹ Деятельный монарх в тот же день успел утвердить несколько государственных постановлений; в силу одного из них приказано было объявить архиереям и прочим духовным властям, дабы они в церквах во время служения никаких челобитен не принимали, "кроме государственных великих и коснения не терпящих дел", но упражнялись бы тогда в богомыслии и в молитвах и давался бы тем людям образ благоговейного в церквах стояния. В тот же день государь удосуужился принять участие в публичном смехотворном маскараде, устроенном на московских улицах.

призван к допросу по поводу таинственного к нему послания старушки. Допросил ли государь сам, один, секретно, или не хотел компрометировать невестку генеральным опросом ее фаворита из боязни, чтоб тот не поведал каких-нибудь сердечных тайн старушки, как бы то ни было, только письменных показаний с Юшкова в деле не имеется и пред "генеральными судьями" привожден он не был". Но он не избежал наказания; на другой же день после батожьей расправы со служителями невестки государь повелел сослать Юшкова в Нижний Новгород. Конвойный унтер-офицер получил следующий рескрипт императора для передачи нижегородскому начальнику.

"Господин вице-губернатор! (Ржевский), — писал Петр, — по нашему указу, послан в Нижний Василий Алексеевич, сын Юшкова, с унтер-офицером от гвардии Никитой Ржевским. И когда оный унтер-офицер с ним в Нижний приедет, тогда Юшкова от него примите и до указа нашего велите ему жить в Нижнем, не выезжая никуда".

Кабинет-секретарь Макаров сам выправил арестанта, причем дал унтер-офицеру инструкцию, в которой, вопреки обыкновению, не было ни малейшего напутствия о строгом обращении с арестантом; приказано было только взять у вице-губернатора расписку в получении Юшкова, паки возвратиться к Москве и явиться на генеральный двор. Из этого можно видеть, что если связи, сила и значение царственной старушки не могли спасти дорогого Юшкова, то все-таки наказание, его постигшее, ради ее влияния, было весьма смягчено: Юшкова поддерживала и укрепляла благодетельная рука немощной телом, но бодрой духом Прасковьи. С Василием Алексеевичем отняли у ней и исполнительных пажей: два брата Воейковы, по высочайшему повелению, были записаны в гвардию солдатами¹.

Несколько дней спустя государь с государыней отправились в Петербург, а две недели спустя (15 марта 1723 г.) потянулась за ними из первопрестольной столицы партия "самонужнейших колодников", под охраной конвоя. В числе их отправлен был и Василий Деревнин.

"Дело о его битии и жжении, — писал Казаринов, заправлявший делами московско-тайной канцелярии к А.И.Ушакову, петербургскому инквизитору, — дело Деревнина решено на генеральном дворе, но по письму (цифирному) следования еще не было. Сообщается оно при подлинном деле и запечатано в особом пакете, а на нем надпись А.В.Макарова: "Письмо, которое

¹ Письмо Алексея Васильевича Макарова к Ивану Ивановичу Бутурлину 20 февраля 1723 г. дел. л. 85. Один из этих Воейковых был в 1739 году маиором.

подал И.И.Бутурлин". И то подлинное дело и письмо, по приказу кабинет-секретаря, препровождается к вам"¹.

Дело "по письму" тянулось крайне медленно, либо оно никого не интересовало, либо — и последнее вернее — щекотливость содержания письма относительно царицы заставляла судей показывать к нему как можно меньше внимания. Только два месяца спустя (14 мая) Ушаков известил Казаринова о получении колодника и его дела, и затем Тайная канцелярия в лице Андрея Ивановича немедленно постановила: препроводить деревнинское дело о причинном письме в канцелярию высшего суда, понеже там начало сего дела и следование было, "да и нельзя того, — добавлял политичный Андрей Иванович, — чтоб многие канцелярские служителя — о важностях (сего дела) сведомы были".

Таким образом, Ушаков с Толстым спустили Деревнина с причинным письмом царицы в ведение высшего суда. Но и от него скорого и прямого решения ожидать было нечего, так как члены суда большею частью были либо близкие приятели и знакомые царицы, либо даже свойственники; здесь заседали: граф Андрей Матвеев, Иван Дмитриев Мамонов, Семен Блеклый, Александр Бредихин, Иван Бахметев, секретарем был — Петр Ижорский.

Вот почему они не сразу согласились даже принять Деревнина, не вдруг решились взять на себя следование и суд по цифирному посланию; так что только после двухнедельной переписки с Тайной канцелярией вышний суд дал свое согласие (27 мая), чтобы дело Деревнина к нам прислать, но не иначе как с подъячим, у которого то дело было, понеже "к тому важному делу от других дел подъячаго определять не надлежит".

Опять пошла переписка: подъячий тот в Москве, итак, на чей кошт его выписать? Это затруднение дало вышнему суду предлог сдать дело (18 июня) в кабинет. Но там кабинет-секретарь его не принял, но приказал войти экстрактом для доклада его величества. И вот в течение целого месяца пишутся два экстракта. Только 19 июля явился с ними в кабинет секретарь Тайной канцелярии Топильский, который и представил тут же запечатанное в пакете цифирное послание — с достойным респектом².

В кабинете дело засело. Надо думать, что обязательный Алексей Васильевич Макаров, которому так наивно писала царица, "что будет ему платить", не спешил входить к государю с всеподданнейшим докладом. Резолюции не было, а стряпчий про-

¹ В.Д.Р.Д. Тайной Канцелярии, карт. XV, ч. 3. дел. л. 1—46.

² Каб. дел. II пол. т. LXIV, с. 451.

должал томиться в каземате. Так при дворе сурового и, по-видимому, столь ревнивого к правде монарха находили себе убежище взяточничество и лицеприятие; связи и протекция и здесь оказывали свое влияние; вся разница с последующими царствованиями состояла только в том, что при Петре это делалось несравненно скрытнее, "опасливее".

Что же это было за письмо, от которого так скоро отшатывались следователи и судьи, к которому так старательно не допускали канцелярских служителей, наконец, для сбережения которого даже Тайная канцелярия не находила у себя тайного места, чтоб чины ее "важности сего письма ведомы не были"?

Что в этом письме не было ничего государственного "противного" в смысле политической тайны, в этом нечего и сомневаться; в противном случае судьба Юшкова была бы решена иначе, не избежала бы суда и осуждения сама Прасковья; но куда делось таинственное послание после долгих странствий из Тайной в Кабинет, из Кабинета в Тайную, оттуда в вышний суд, из суда в Кабинет, из Кабинета опять в Тайную — неизвестно; только ни при делах последней, ни в бумагах кабинетских — письма этого не сохранилось. Между тем уцелела следующая пояснительная записка руки Прасковьи — записка азбуки:

o i w m w w 192

1 2 3 4,5 6,7 8 9 10.

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, и т.д.

0, 5, 3, 7, 6, i, а, 2, я, 8, и, п, в, и, н, 9, п, з, и т.д.

Явно, что это та цифирная азбука, по которой написано было таинственное послание. Тут же сделан и перевод — к сожалению, только первой фразы: "Радость мой свет..."

Для кого и для чего приготовлена была эта записка? Весьма вероятно, что Петр, еще в бытность свою в Астрахани, получив из Тайной канцелярии письмо, доставленное Деревниным, потребовал от невестки ключа к цифири, и приведенная записка есть черновая подлинника.

Таинственное письмо старушки-царицы, без сомнения, касалось либо ее сердечных, интимных отношений к своему главноуправляющему Юшкову, либо трактовало о семейных, секретных делах, трактовало притом не совсем скромно? Все это предположения и догадки, которые могут подтвердиться или опровергнуться открытием интимной шифровки.

Х Смерть

Мы оставили царицу в родном Измайлове. Государь распорядился о даче подвод невестке и ее дочерям от города до города; хвóрая старушка поднялась в путь в начале 1723 г. Собственные тяжкие недуги, болезнь младшей дочери, наконец, скверные дороги мешали ей ехать скоро, и, дотащившись до Новгорода, старушка решила отдохнуть и оправиться.

С дороги она несколько раз посылала грамотки к "государьне своей милостивой, дорогой невестушке и матушке, императрице Екатерине Алексеевне", которой непрестанно желала "здравия свету моему, купно с государем, нашим общим дорогим батюшкой, императором великим, Петром Алексеевичем и с дорогими вашего величества детками, с государьнями цесаревнами на множество лет!"

Несмотря на эти длинные пожелания, письма Прасковьи "к светам-благодетелям" были как-то суше, холоднее: может быть, ссылка бесценного Юшкова потрясла старушку и она только по нужде относилась к невестке.

А нужда настояла немалая. Дочка ее, Прасковья, "весьма расхворалась..." "Пожалуй, государьня моя невестушка и матушка, — диктовала старушка секретарю 4 апреля 1723 г., — прикажи уведомить нас о общем здравии в. и. в., — чего от сердца слышать желаем; при сем вашему величеству доношу: дочь моя, царевна Прасковья, гораздо больна, и я прошу у вашего величества — пожалуй, государьня моя невестушка и матушка, прикажи прислать к нам доктора или лекаря с лекарством; а признаваем в ней болезнь лихорадку с горячкою..."

"Благодарствую, государьня моя милостивая невестушка, за милостивейшее вашего величества писание..."¹

---

¹ Адрес: "Всемилоостивейшей государьне моей невестушке, императрице Екатерине Алексеевне". Письмо из Новгорода.

Вспомнила старушка, что скоро день рождения императрицы, и спешит исполнить формальность: "5-го апреля 1723 г. Новгород... Поздравляем вас государыне, дражайшим днем рождения вашего величества и желаем от сердца нашего, дабы Всевышний благословил впредь вашему величеству достигнуть много таких дней во всякой радости и благополучии, и за сим здравие ваше предаю Всемогущему в сохранение и остаюсь невестка ваша — Прасковья".

С такими же поздравлениями приветствовала она государя и государыню по поводу наступающего праздника Христова Воскресения: "...желаем от сердца нашего вашему величеству оный препроводить во всякой радости, и в предыдущих летах да благословит Бог много таких торжественных дней достигнуть в добром здравии и во всяком благополучии..."

Императрица, со своей стороны, отвечала вниманием на предупредительность и вежливость старушки. Екатерина послала в Новгород доктора и письменно просила Прасковью обрадовать ее скорым приездом.

"Благодарствую, государыня моя невестушка, — отвечала царица (11 апреля, Новгород), — что изволили прислать к нам доктора. А дочери моей от болезни есть свободнее, только внучка (Аннушка) п...м не может. А в С.-Петербург поедем на завтра праздника, и как могу, так спешить буду".

Государь также показывал заботливость о Прасковье Федоровне и ее семейке, разумеется, по-своему, своеобразно. Он хлопотал об окончательном, более надежном закреплении Курляндии за Россией и всячески подыскивал жениха для вдовствующей, сетующей без мужа Анны Ивановны. Государь писал по этому поводу в Митаву к Петру Бестужеву, приказывая ему стараться об этом деле, прочил Анну за герцога Вейсенфельского, но это сватовство почему-то не состоялось.

Царица прибыла между тем в Петербург, в начале мая 1723 г., совершив это путешествие более спокойно, водой на судах, присланных в Новгород по высочайшему повелению.

Оставив хворых маменьку и сестрицу в постеле, "свет-Катюшка" вместо их объездила всех с визитами и приняла участие в обычных увеселениях двора. Мы не останавливаемся на них потому, что они очень хорошо известны — по крайней мере, характер их — из предыдущих глав нашего исторического и нравоописательного очерка.

Нельзя не заметить, однако, что от участия в некоторых из потех сего года не решалась отказываться сама царица Прасковья Федоровна, стоявшая одной из отнявшихся у ней ног в гробу.

Так, на празднествах при спуске кораблей, празднествах,

особенно любезных монарху, старушка, из внимания к нему, подъезжала к новорожденному кораблю на барке; не будучи в состоянии выйти из нее, больная обыкновенно оттуда поздравляла государя и всех пирующих. При спуске корабля "Михаил Архангел", 26 мая 1723 г., она отпустила со своей барки на корабль "свет-Катюшку" и ей поручила принять участие в пире. Пир был на весь мир! Гости и гости ели и пили с четырех часов пополудни до двух часов утра; сам государь, предупредив, что он в этот день намерен хорошенько напиться, выдержал свое обещание настолько, что едва мог стоять на ногах; герцог Голштинский доведен был угощением, по собственному выражению Петра, до состояния пьяного немца (Kerel de'Allemagne), то есть его высочество лежал в бесчувственном положении. Дамы, и нет сомнения — и наша герцогиня, были напоены настолько, что к ним не пускали мужчин...

Такой же характер имело пиршество при спуске другого корабля, "Крейсер", 23 июля 1723 г. И это торжество почтила своим присутствием вдовствующая царица. Несмотря на всю свою немощь, она подъезжала с маленькой внучкой Аннушкой (впоследствии — правительница Российской Империи в 1740—1741 гг.) к кораблю; по-прежнему не выходила из барки и, высадив герцогиню Катерину Ивановну, отправилась домой, где оставалась ее царевна Прасковья в постели, с распухшими на обеих руках пальцами.

Государь был очень любезен и внимателен к веселой Катюшке и советовал, между прочим, от слишком большой полноты, которая ей немало досаждала, меньше спать и меньше есть. Слепо веруя, вслед за маменькой, в медицинские познания дядюшки, "свет-Катюшка" серьезно начала лечиться: целые сутки не ела, не пила и не смыкала очей; затем — разрешила себе постный стол. Но, разумеется, всякий, знавший Катерину Ивановну и ее страсть поспать хорошенько и поесть сколь можно положительнее, был наперед убежден, что и пост, и бдение не долго продолжатся.

Весь июль и начало августа 1723 г. старушка провела на яхте, участвуя в морском путешествии всего двора в Ревель и Ригу; морское путешествие не доставило ей удовольствия; здоровье ее несколько не поправлялось; старушка, видимо, разрушалась и с каждым днем быстро приближалась к могиле; на яхте ей сделалось особенно дурно, так что некоторое время царевна Катерина не отходила от постели матери; болезнь Прасковьи не мешала, впрочем, веселиться другим, — и в день возвращения в столицу, — день, ознаменовавшийся встречей знаменитого ботика, — дедушки русского флота, — все от мала

до велика, от последнего деньщика до великого монарха, пировали десять часов сряду. По свидетельству одного из участников пира, император был особенно расположен пить; несколько раз говорил, что тот бездельник, кто в этот день не напьется с ним пьян, и все, соревнуя друг перед другом, так страшно пили, как не запомнит ни один заезжий немец — во все пребывание свое в России. Не было пощады и дамам, т.е. императрице, герцогине Катерине Ивановне и прочим членам царского семейства с их свитами. Их отпустили после шестичасового угощения. Оно особенно размягчило сердце Петра. С ним случился решительный припадок самой страстной, нежной чувствительности. Он беспрестанно целовал милого герцога Голштинского, оказавшего необыкновенные успехи в российском служении Бахусу; государь, в припадке нежности, беспрестанно трепал его, несколько раз срывал с головы парик, целовал то в затылок, то в маковку, то в лоб, даже оттягивал ему нижнюю губу и целовал в рот между зубами и губами... То же сентиментальное чувство овладело многими знатными персонами: они плакали, целовались, обнимались, — зато другие от нежных поцелуев круто перешли к резким объяснениям: так, напр., адмирал Крюйс дал контр-адмиралу Зандеру такую затрепину, что контр-адмирал покатился под стол, потерял парик и волей-неволей остался в положении бесчувственного немца.

Достоинство замечания, что, говоря о подобных пиршествах, нельзя сказать, чтобы прекрасный пол особенно тяготился усиленным угощением. Привычка делала чудеса, даже "небесно-прекрасныя царевны", как называет Берхгольд Анну Петровну и Елисавету Петровну, с поразительной приветливостью подносили пирующим стаканы крепчайшего венгерского вина и с неподражаемой грацией сами осушали стаканы. Толстенькая герцогиня Катерина Ивановна уступала им в грации, но по опытности своей и значительно большему возрасту превосходила в искусстве самоугощения. Но, кто знает, быть может, именно на подобных пирах цесаревна Елисавета Петровна усвоила себе ту несчастную привычку к неумеренному употреблению крепких напитков, которая впоследствии низвела ее с престола в могилу (25 декабря 1761 г.).

Начало сентября 1723 г. ознаменовалось восьмидневным маскарадом в честь годовщины Ништадтского мира; все были обязаны подпиской явиться на это празднество. В течение восьми дней по улицам Петербурга выдвигались торжественные процессии, были самые разнообразные костюмы — халдейские, аббатские; государь Петр Алексеевич являлся то католическим кардиналом, то матросом-барабанщиком; костюмы

польские, старинно-немецкие, иезуитские, французские, итальянские, китайские, жидовские, капуцинские, индейские, японские, татарские и другие пестрели на площадях и улицах Петербурга. Тут же среди замаскированных, как видно из печатной росписи, красовалась "неуспяемая обитель". Ее составляли: архимандрит в странном уборе, от гвардии фендрих Афанасий Татищев, князь Ярославский, от гвардии фендрих Нелюбохтин со своей княгиней и со всей своей фамилией и синклитом; обитель сопровождала большая свита в разных духовных, арлекинских, нищенских и прочих странных уборах, — мужчины и женщины. Далее по маскарадной росписи¹ следовали: известный шут Семен Тургенев, в роли Нептуна, пропойца-певчий Карпов — Бахусом; далее архиереи: Наникандр... митрополит С.-Петербургский, Морай... митрополит Кроншлотский и Котлинский, Тарай... митрополит великого Нова... и великих...; Никон Прыткой... митрополит Дербенской и Мидский; Гнил... митрополит Сибирский и Тобольский, Бибабр, митрополит реки Охтинской и Седмимелничкой, М... митрополит Псковский и Изборский; Феофан Красной... митрополит Смоленский и Дорогобужский, архиерей Иди на... Строев. Ключарь Формосов... Протасьев. Всего 10 человек.

Государыня, вслед за кесаршей Ромодановской, шла в фрижланском уборе; 55 отделение вела государыня царевна Катерина Ивановна; она, также княгиня Меншикова, девица Юшкова и другие семь персон дамских были в гишпанских костюмах. В следующем отделении была царевна Прасковья Ивановна с тринадцатью дамами и девицами в платьях "шкармуцких".

Удовольствий была бездна. Так, напр., какой-то толстяк представлял солнце. Он нес большую, сделанную из холста и раскрашенную машину, которая была так устроена, что лицо его как раз приходилось в самой середине светила, где прорезана была дыра. Беспокойная братия "собор всепьянейшаго и всешумнейшаго князь-папы" несколько раз с песнями проходила со светилом по саду, а под конец шутник взлез на лестницу, обратился лицом к солнцу и говорил ему длинное смехотворное слово. Для народа выкачены были бадьи с пивом и вином. Потехи прекращались по барабанному бою императора.

Только известный уже нам характер беззаботной, смешливой герцогини Мекленбургской давал ей возможность всецело предаваться удовольствиям двора; в сущности, ей было о чем побеспокоиться, было о чем призадуматься: с одной стороны, должны

¹ Роспись компании маскарада, бывшего в Спб. 30 августа по 6 сентября 1723 г., напечатана в приложении к III ч. Дневника Берхгольца. М., 1860 г., с. 269—288.

были вызывать эти думы страдания больной, умирающей матери, с другой — самые безотрадные вести о благоверном супруге. Она жаловалась своим знакомым, что герцог решительно не хочет приехать в Россию, а между тем доходили до нее слухи, что римский император намерен поручить управление Мекленбургии брату Карла-Леопольда Христиану-Людвигу, если первый не утомится и не изъявит покорности.

Вместе с "свет-Катюшкой" заявляла свое сожаление об упрямстве зятя царица Прасковья; она удивлялась, как герцог, хорошо знающий об отличном обращении государя с голштинским и гессен-гомбургскими принцами, не внемлет неоднократным приглашениям приехать в Россию. Так, напр., в мае 1723 г. Петр, по просьбе племянницы и невестки, еще раз сделал попытку вызвать из Мекленбурга герцога Карла-Леопольда. Это поручение возложено было на генерала Бонна, хорошего знакомого, даже приятеля взбалмошного герцога. Несмотря на этот выбор посланного, Катерина Ивановна очень опасалась, что супруг ее все-таки не даст убедить себя, несмотря на то, что приезд в Россию был единственным исходом из плохого положения. Но герцог нимало о нем не задумывался и, к огорчению супруги своей, велел, между прочим, отрубить в Демице голову тайному советнику Вольфрату. Сетования на мужа не настолько были, однако, велики у герцогини Катерины Ивановны, чтоб мешать ее задушевным беседам с камер-юнкером герцога Голштинского. Она продолжала зазывать его к себе, просиживала с ним целые часы в самой задушевной болтовне о всевозможных пу-
стяках, делала ему подарки, не пускала домой и пр.

Петербургская осень 1723 г. была крайне непогодливая. 2 октября (годовщина мцения старушки Прасковьи) случилось одно из сильнейших наводнений: порывистый ветер с моря дул долго, с необыкновенной силой, и бурливая Нева, затопив ночью все улицы, поднялась на 7 футов и 7 дюймов¹. Жители были в страхе и ежеминутной опасности погибнуть в водяной пучине; но в каменном, недавно отстроенном на Васильевском острове, доме нашей старушки, где, по приезде из Москвы, она и водворилась с дочерьми, было и другое беспокойство, другие опасения: приближался роковой час — вдова царя Ивана V Алексеевича, царица Прасковья Федоровна расставалась с жизнью.

Еще 24 сентября она была настолько бодра, что принимала у себя императрицу, цесаревен и большое общество знати. Ста-

---

¹ Аллер. Описание наводнений, бывших в С.-Петербурге, изд. 1826 г., с. 28.

рушка в последний раз в жизни праздновала один из праздников своего семейства — день рождения царевны Прасковьи Ивановны, которой пошел 30-й год.

С этого времени с каждым днем царице становилось хуже и хуже, с часу на час ждали ее кончины. 8 октября навестил ее государь и пробыл у невестушки более двух часов. В палатах умирающей толпились челядинцы, рабы и рабыни царицы-помещицы; они тревожно ждали ее кончины в неведении, что последует с ними после ее смерти; тут же были высшие духовные иерархи, робко теснилось и низшее духовенство, попы, разные церковники, штатные и нештатные пророки, вещуньи, юродивые и другие темные лица, призреваемые милосердной монархиней. Но эти лица могли показываться не иначе как с большими опасениями наткнуться на государя; а эта встреча значила просто-напросто попасть под батоги; им известно было, как бесцеремонно поступил Петр Алексеевич с ихней же братьей при кончине царевны Марии Алексеевны 20 марта 1723 г. Он застал в покоях умирающей целую толпу попов, которые, по заведенному исстари обычаю, принесли ей яств, напитков и спрашивали: не нужно ли ей чего-нибудь, всего ли она имела вдоволь? Его величество немедленно всех их выгнал вон и строго-настрого наказал, чтоб впредь не повторялись подобные вещи. Следовательно, немудрено, что при настоящем случае многое не повторилось из старинных обычаев, сопровождавших проводы на тот свет...

В доме умирающей распоряжалась герцогиня Катерина Ивановна. Императрица ободряла и утешала ее и часто проводывала больную. Между прочим, зная, что умирающая всегда была крайне немилостива к средней своей дочери, мало того — почти ее прокляла, — Екатерина Алексеевна напоминала о необходимости полного прощенья и примиренья. Старушка согласилась и закрепила это подписью на письме к государыне: в этой грамотке она прощала нелюбезную ей Анну¹. Мало того, 11 октября 1723 г., для успокоения дочери и в угоду государыне-невестке, старушка продиктовала следующее письмо:

”Любезнейшая моя царевна Анна Ивановна! Понеже ныне бо-

---

¹ Письма этого, к сожалению, мы не нашли в подлинных бумагах, но о нем свидетельствует князь Мих. Мих. Щербатов: ”Анна, по словам сего историка, с природы была нрава грубаго, отчего и с родительницею своею в ссоре находилась и ею была проклята, как мне известно сие по находящемуся в архиве Петра I одному письму от ея матери ответственному на письмо императрицы Екатерины Алексеевны, чрез которое она прощает дочь свою сию Анну. Грубый ея природный обычай не смягчен был ни воспитанием, ни обычаями того века” и пр. См. ”Русскую старичу”, изд. 1870 г. (3-е изд.), т. II. О повреждении нравов в России, с. 39—40.

лезни во мне отчасу умножились, и тако от оных стражду, что уже весьма и жизнь свою отчаяла, того для, сим моим письмом напоминаю вам, чтобы вы молились обо мне Господу Богу, а ежели Его, Творца моего, воля придет, что я от сего света отыду, то не забывайте меня в поминовении”.

”Также слышала я от моей вселюбезнейшей невестушки, государыни императрицы Екатерины Алексеевны, что ты в великом сумнении и яко бы под запрещением — или паче рещи, проклятием — от меня пребываешь, и в том ныне не сомневайся; все вам для вышепомянутой ея величества, моей вселюбезнейшей государыни невестушки, отпускаю и прощаю вас во всем, хотя в чем вы предо мною и погрешили. Впрочем, предав вас в сохранение и милость Божию, остаюся мать ваша ц. Прасковья”¹.

На другой день в городе пронесся слух, что царица не проживет и нескольких часов; но она промучилась еще сутки. Государыня была у ней утром и потом провела день в большом обществе: во дворце был большой обед с пушечной пальбой с невских судов, с танцами и пр. Императора не было: он еще несколько дней тому назад уехал с небольшой свитой осматривать Ладжский канал, при прорытии которого оказалось множество злоупотблений.

Таким образом, император Петр Алексеевич, вопреки Голикову², не присутствовал при последних днях жизни Прасковьи.

На рассвете 13 октября 1723 г. старушка, чувствуя приближение кончины, поручила своих дочерей ”Катюшку и больную Парашу” материнскому попечению императрицы, настоятельно просила, чтоб с ней в гроб положили портрет ее мужа; наконец, потребовала зеркало, долго в него смотрелась, как бы прощаясь сама с собой, и испустила дух.

Капитан Бергер известил двор и объехал сановников с вестью о кончине благовернейшей государыни-царицы Прасковьи Федоровны.

Немедленно дали знать государю; отменили спектакль, имевший быть в тот день во вновь построенном для трупы доме, и стали толковать о том, на сколько времени будет наложен траур; думали, что он протянется не менее полугода; на другой же день двор и весь почти город облекся в траур.

16 числа государь вернулся в столицу, и начались распоряжения о пышных похоронах. Они были назначены 22 октября

¹ Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке, издал А.Ф.Бычков, с. 119. Можно полагать, что это и есть последствие или приложение к тому письму, о котором упоминает кн. Щербатов.

² Голиков. Деяния Петра I, т. IX, с. 529.

1723 г. Накануне гвардии майор Александр Иванович Румянцев в качестве маршала погребения объехал именитых лиц с приглашениями, от имени дочерей покойной, пожаловать на другой день к двенадцати часам на похороны царицы. Толковали (зная страсть государя к катаньям), что тело царицы повезут водой в Невскую лавру, но что оно останется там только до тех пор, пока в Петропавловском крепостном соборе не отделают императорский склеп, и что траур продолжится не более шести недель.

Государь, страстный охотник до устройства всякого рода торжественных и курьезных зрелищ, сам озаботился об украшении и обстановке смертного одра царицы, по проекту графа Санти.

Ему было очень приятно любопытство многочисленных посетителей, приходивших не для одного поклона умершей, но и для того, чтоб поглазеть на убранство. Посетителей принимали генералы Аллар и Ласси, первые маршалы погребения. Вслед за голштинским герцогом протолкаемся и мы к парадному гробу царицы Прасковьи.

Открытый гроб с ее телом стоял на катафалке, устроенном как парадная постель. Над ней возвышался большой балдахин из фиолетового бархата, украшенный галунами и бахромой, а над гробом, на той части балдахина, которая спускается в головах, вышит был золотой двуглавый орел на фоне, состоящем как бы из горностаевого меха. На внутренней ее стороне стоял вышитый же именной шифр покойной с императорской короной, скипетром и державой наверху. С правой стороны, на красной бархатной подушке, лежала царская корона, украшенная довольно богато драгоценными камнями и сделанная, сколько позволяла краткость времени, довольно изящно. Возле нее стояло желтое государственное знамя. Гроб был на возвышении о нескольких ступенях, обит фиолетовым бархатом и широким галуном; крышка украшена крестом из белой обьяри. Из той же обьяри было платье на Прасковье и покров, спускавшийся до катафалка, обтянутого бархатом. По обеим сторонам гроба стояло двенадцать больших свечей; кроме того, в комнате висели три люстры и множество стенных подсвечников; во всех горели восковые свечи. Вся комната была обита кругом черной байкой, а вверху — по карнизу шла фалбала, эффектно собранная из белого и черного флера... По стенам висели разные аллегории. Тело охраняло двенадцать капитанов в черных кафтанах, длинных мантиях, с черным флером на шляпах и с вызолоченными алебардами; на длинных концах флера, обвязанного вокруг них, висели маленькие щиты с вензелем и гербом царицы. У дверей стояли гренадеры,

со штыков их ружей также спускался флер. Над телом поочередно отчитывали двое священников... Все делалось как нельзя более чинно, стройно и хорошо. Порядок не был нарушен плакальщиками, стонами и воплями толпы челядинцев, приживалок покойной, так как подобные завывания и причитывания над умершими строжайше были запрещены Петром в 1716 г., при погребении царицы Марфы, вдовствовавшей супруги Федора Алексеевича¹.

Прежнее распоряжение везти тело водой было почему-то отменено государем в самый день погребения. Процессия началась в три часа пополудни, 22 октября. Когда в передней комнате в доме покойной собралась вся знать и приехала царская фамилия, разнесли всем глиндвейн; после чего все перешли в большую траурную залу, где и отслушали панихиду; ее служило все знатнейшее духовенство. Било четыре часа, когда вынесли тело из дому и длинная процессия медленно потянулась по оледеневшей, до такой степени скользкой грязи, что все с трудом передвигали ноги, ежеминутно рискуя упасть и вывихнуть ногу, либо свернуть шею. Ни ружейной, ни пушечной пальбы не было, но колокола всех церквей столицы загудели по сигналу спущенных ракет.

Шествие открывал гвардии поручик с восемнадцатью унтер-офицерами; они держали на плечах тесаки, с которых спускался длинный флер. За ними шел первый маршал Румянцев во главе всех гражданских и военных чиновников; все они шли по старшинству, по трое и четверо в ряд. За ними должны были идти иностранные министры, но они — во избежание споров о местах — не явились; герцог Голштинский шел со всем своим двором, принцами Гессен-Гомбургскими, с двумя вице-адмиралами и генерал-лейтенантами Ягужинским и Минихом. Далее двигался большой хор императорских певчих и духовенство с зажженными свечами; за другим маршалом — Мамоновым — выступал Матвеев с царской короной на подушке — прочих регалий и знаков не было; двенадцать полковников шли в качестве носильщиков, однако тело не несли, а везли на открытой черной колеснице, на которой для большего парада гроб был поставлен очень высоко; с него спускался до земли черный бархатный покров, обшитый серебряными галунами. В колесницу впряжена была шестерка больших, как следует завешенных лошадей; шесть майоров несли фиолетовый бархатный балдахин, вокруг шло двенадцать капитанов-алебардистов и столько же поручиков с большими свечами.

¹ Вебер. Das veränderte Russland. Т. I, с. 122–123. Берхгольц, ч. III, с. 133–145. Голиков, т. IX, с. 529–530.

Маршал Аллар с громадным жезлом открывал третье отделение шествия: его составляли траурные. То были: император, вedomый Апраксиным и Меншиковым, герцогиня Мекленбургская Катерина Ивановна в глубочайшем трауре, с совершенно закрытым лицом; ее вели под руки обер-полицмейстер и Андрей Иванович Ушаков, шлейф несли четыре прапорщика гвардии; в таком же трауре шла Прасковья Ивановна, поддерживаемая контр-адмиралом Сенявиным и генерал-адъютантом Нарышкиным, шлейф несли унтер-офицеры. Императрица также была в трауре, с закрытым лицом, равно как и остальные дамы ее свиты.

До полутораста унтер-офицеров и солдат с зажженными факелами вытягивались по сторонам; воинская же команда замыкала шествие.

Оно подвигалось крайне медленно. Царевна Прасковья, за ней императрица, герцогиня и все дамы сели в кареты; мужчины шли пешком, скользили, выступали, как гуси по льду, и страшно мерзли. Более двух часов двигалась процессия. Ее встретили у ворот обители все монахи и духовенство; полковники торжественно внесли гроб в церковь. Здесь молодой священник почти целый час говорил проповедь; это, вероятно, был панегирик умершей царицы, и, во всяком случае, нельзя не пожалеть, что интересное для биографии царицы Прасковьи слово не сохранилось для потомства. По обыкновенном служении, архиепископ Новгородский, а за ним и все духовенство облобызали руку покойной; к ней же подвели царевен, они громко рыдали; государыня поцеловала невестушку в губы; затем начались прощания всех предстоявших; за целованием государя, положили на лицо покойной портрет ее супруга, зашитый в белую обьярь, заколотили гроб и опустили его в могилу пред алтарем, в Благовещенской церкви¹.

В доме покойной совершены были, по обычаю, поминки; государь просидел за столом до 11 часов ночи. Дня два спустя была страшная попойка у герцога Голштинского; на дворе императорского дома начались пытки, несколько знатных персон рассажены были под стражей за какие-то "государственные противности"; их ежедневно водили в цепях в присутствие сената... все, одним словом, пошло обычной колеей.

¹ Описание С.-Петербурга Богданова, 1751 г., изд. 1779, с. 374—375. Описание Невской Лавры Павлова, 1842 г., с. 65. Описание Петербурга Пушкирева I, с. 142. Царице Прасковье судьба привела почитать в общем склепе со "свет-Катюшкой" (умерла 24 июня 1733 г.) и ненаглядной внучкой Аннушкой, которой суждено было так много выстрадать в злополучной и кратковременной жизни (погреб. 1 марта 1746 г.); в той же церкви могила сестры царицы, княгини Настасьи Ромодановской (ум. 2 сент. 1736 г.).

”Свет-Катюшка”, как и надо было ожидать по ее характеру, скоро очень развеселилась; она уверяла, что причина ее веселости заключается в добрых вестях о благоверном супруге: дела его будто бы поправлялись, в Данциге с ним вели переговоры уполномоченные австрийского императора и английского двора; Петр также отправил туда курьера.

Братец покойной, Василий Федорович Салтыков, хлопотал о раздаче монастырям и нищей братии, на помин о душе Прасковьи, милостыни¹, а государь приказал все дела царицы привести в надлежащий порядок, представить смету долгов, удовлетворить кредиторов, положить штаты царевнам, позаботиться об оставшихся больных, увечных и престарелых ее слугах.

Долгов у старушки оказалось немало. Прасковья до такой степени не умела заправлять своими достатками, что, постоянно нуждаясь в деньгах, закладывала даже вещи; император приказал Федору Воейкову позаботиться о выкупе этих залогов. Выкуп продолжался еще и в 1724 г.: так, от 3 апреля сего года мы находим указ государя Дмитриеву-Мамонову о заплате денег строителю Бурнашеву за заложенные у него царицей камня и жемчуг.

На погребение царицы употреблено было 624 свечи, всего сожжено воску 6 пудов 11 фунтов, по разным ценам на 73 р. Берг-Коллегия потребовала этих денег от наследниц Прасковьи; но управитель их отвечал, ”что денежной казны в присылке из вотчин их высочеств не имеется, а понеже те восковые заводы заведены из кабинета его величества, и чтоб тех денег на комнате их высочеств не спрашивать, ибо те свечи употреблены на погребение ее величества государыни царицы”.

Государь повелел поставить свечи на кабинетский счет². В Кабинет его поступило, по случаю распорядка дел Прасковьи, много челобитен разных лиц об удовлетворении их следуемыми им деньгами, получки которых они никак не могли добиться от царицы. В числе челобитчиков был и воспитатель дочерей Прасковьи, Стефан Рамбурх. ”В прошлом 1703 году, — писал между прочим француз, — зачал я по указу со всякою прилежностью танц учить их высочествам государыням царевнам, племянницам в. и. величества, которым служил до 1708 году и того пять лет. А за оные мои труды обещано мне жалованья по 300 рублей на год, к чему представляю по свидетели господ Гуйзена и Остермана, которые тогда их высочествам и немецкой язык

¹ Гос. Арх., Каб. дел. II пол., кн. LXXIV, л. 147, Ведение Василия Федоровича Салтыкова.

² Гос. Арх., Каб. дел. II пол., кн. LXVI, л. 888. В кабинет Е.И.В. доношение.

учили. Однакож принужден после десятилетних моих докук в Москве дом мой оставить. И приехав в Петербург, непрестанно просил о выдаче моих денег ея величество блаженной памяти государыню царицу, которая изволила ото дня до дня отлагать. А после смерти ея величества бил я челом ея высочеству, государыне царевне герцогине Мекленбургской, которая не изволила ж мне никакое удовольствие учинить...”

Вследствие чего Рамбурх просил государя выдать заслуженные им 1500 рублей, чтоб верные труды вотще не остались, и ему, Рамбурху, ”при глубокой его старости, с великою фамилиею возможно было пропитаться, непрестанно Бога моля о здравии государя и всего августейшаго дома”.

Государь внял мольбам. Француз получил следуемые деньги, кроме того, годовой оклад и, обрадованный милостями, не замедлил ударить новой челобитной. Как истый француз, он жаждал — чина! С упреком ставил он на вид то обстоятельство, что ”французанин не возмог от царевен никакой уплаты трудам своим получить”, а между тем ему принадлежит честь ”обучения их высочества зачалу или основанию французскаго языка”. Учитель просил какого-нибудь чина, который, по его уверению, нужен был для упрочения и вящего обучения двух его сыновей во Франции ”таким наукам и художествам, какия его величество повелит, чтобы с своим возвращением в Россию возмогли бы достойно явиться в службу и с пользою могли бы быть употреблены”¹.

Неизвестно, получил ли желаемый чин докучливый француз, но, во всяком случае, справедливый упрек его Катерине Ивановне теряет свою силу, когда знаешь расстроенное положение ее финансов.

Она сменила казначея Тихменева, старинного врага Деревнина, но дела от этого не улучшились. Секретарь Арцыбашев, которому государь вместе с другими поручил рассмотреть приходо-расходные сметы комнаты их высочеств, никак не мог добиться толку, куда делась та или другая сумма, выданная покойной царице из Кабинета и не введенная в расход².

¹ Челобитные Рамбурха 1723—1724 гг. на французском языке и в русском переводе в Каб. дел. II пол., кон. LXV, л. 726. кн. LXIX, л. 118—119.

² Каб. дел. II пол., т. LXVIII, л. 589—590. Оправдательное письмо Тихменева к монарху о приходах и расходах царицы, 5 дек. 1724 г. Справки о том же: Каб. дел., I пол. кн. LXIV л. 367 и пр. Указ в Москов. надворн. суд о взыскании со служителей Аргамаковых начетных 3000 р., принадлежащих царице Прасковье. Голиков, т. IX, с. 474. Тяжба Тихменева с Терским продолжалась долго. Государь, между прочим, повелел Тихменеву отвечать на своеручные его запросы. В чем они состояли и чем кончилось дело, мы не доискались.

Оклад царевен Катерины и Прасковьи в 1723—1724 годах был следующий: в год на две комнаты отпускалось 9000 руб.; на четыре комнаты, за конские кормы, за дрова и за починку карет — 3203 р. 84 коп., чиновным боярыням, казначеям, постельницам, девицам, истопникам, сторожам, крестовым дьякам, портомоям и портомоянным сторожам — 953 р. 60 коп. Дворовым, конюшенным и верховым людям — 1740 р. 73 1/2 коп., итого на оба двора царевен в год шло — 14 898 р. 17 1/2 коп.

В смете на 1725 г. последовали некоторые перемены, но не к увеличению, а, напротив, к уменьшению оклада: на две комнаты царевен отпущено было на год на конские кормы, на дрова и починку карет — 1601 р. 92 коп.; чиновным служительницам и крестовым дьякам — 476 р. 80 коп.; дворовым и конюшенного чина людям — 870 р. 36 3/4 коп.; да на рожь и овес — 3380 р., итого: 6329 р. 8/4 коп.¹

Единственный и любимый брат царицы, Василий Салтыков, не присутствовал на похоронах сестры и, получив известие об ее кончине, сильно опечалился. Обе племянницы написали ему в один и тот же день — 19 ноября 1723 г. — утешительные и буквально одинаковые письма.

”Василий Федорович! Уведомились мы, что вы от болезни своей нетокмо (не) выздоровели, но и еще болезнь вам прибавилась; а к тому ж зело печалитесь о кончине государыни нашей матушки. Правда, что ея печаль зело чувственна нам всем; однако ж тому уже помочь невозможно, только что здоровье свое можете повредить. К тому ж, как мы слышим, что вы намерены ехать сюда к нам, и то свое намерение конечно извольте отложить и сюда не ездите, ибо мы надеемся, что сами в Москве будем. Пожалуй для Бога не печальтесь, хотя для нас. Царевна Прасковья”.

Катерина Ивановна в своем письме несколько изменила только последнюю фразу: ”Пожалуй, дорогой мой, не печалься. Ц. Екатерина”².

Сама же герцогиня, хотя писала, что ”сия печаль зело чувственная нам всем”, но, по свидетельству ее любимца, камергера Берхгольца, скоро утешилась.

Все хлопоты по разделу имущества и имений царицы Прасковьи пали на одну младшую дочь ее, Прасковью Ивановну. Царевна, как и все русские того времени, не представляла себе (и не без основания), что возможно хлопотать о каком-либо деле, не раздавая направо и налево взятки, начиная с высших

¹ Каб. дел., II пол., кн. LXV, л. 479, кн. XCII, л. 433—437.

² ”Русская Старина” изд. 1872 г., том VI, с. 567.

лиц и кончая последним подъячим. Она прежде всего стала давать взятки приближенным императрицы, как это оказалось впоследствии из ее собственных показаний в процессе Вилима Монса. Сестру его, Матрену Ивановну Балк, она жаловала полотном и запасами; Вилима Монса, кроме посылки състных припасов, наградила псковскими деревнями, "для того, — объяснила царевна, — што все в нем искали штобы (был) добр...". Наградила она и Столетова, секретаря Монса, за то, "чтоб он приводил Монса, а тот государыню императрицу, чтоб та ее содержать в милости своей изволила и домашнее бы им (царевнам) определенне учинила". Просила также Прасковья Ивановна о себе и сестре — князя Меншикова и его жену, писала почтительные родственные письма во дворец и т. п.

Что-то робкое и загнанное проявляется в действиях царевны Прасковьи и проглядывает в ее письмах. Таков даже тон указов царевны управителю Осеченской волости Калмыкову и старосте ее Новгородских волостей Петру Фирсову о присылке живности, припасов и денег. Во всем этом оказывался постоянный недочет. Никто не чувствовал почтения к бедной царевне. Даже покойная царица Прасковья Федоровна относилась с пренебрежением к хворой безличной дочери и этим еще более обезличивала ее. Оставаясь долгие годы неразлучно при крутой и суровой матери, царевна мало-помалу привыкла к рабскому подчинению ее воле и утратила всякую самостоятельность. Гнет прекратился со смертью матери; герцогиня Мекленбургская не была способна притеснять кого бы то ни было; теперь Прасковья Ивановна могла говорить и поступать как угодно; но уже было слишком поздно — царевне пошел 30-й год; в этом возрасте уже не изменяются люди.

Мы видели, как скоро утешилась Катерина Ивановна, не долго тосковала по матери и сестра ее, Прасковья. Иноземные писатели свидетельствуют, что она тайно обвенчалась с Иваном Ильичем Дмитриевым-Мамоновым, генералом и сенатором. Тайный супруг царевны Прасковьи был одним из главных действующих при составлении того акта, которым герцогиня Курляндская Анна Ивановна призывалась на всероссийский престол с ограничением самодержавной власти, но ради жены своей не только не подвергся опале, но снискал милости новой государыни. Он не долго пользовался ими: Мамонов умер скоропостижно в 1730 г. Прасковья немногим пережила любезного ей супруга; она скончалась на руках сестер в 1731 г.¹.

¹ Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peter des Grossen, соч. Шмита Фисельдека.

Нелюбимая дочь царицы Прасковьи Федоровны, Анна Ивановна в 1723 г. находилась в Курляндии. Ей не удалось проститься с матерью; она даже не тотчас узнала об ее смерти, потому что еще в письме своем от 18 октября того же года просила императрицу о дозволении приехать в Петербург для свидания с матерью¹, когда последней уже не было на свете.

Анна Ивановна приехала в Россию с небольшой свитой, в марте 1724 г. на коронацию императрицы Екатерины Алексеевны и опять вернулась в Курляндию в конце августа. Но прошло еще шесть лет; много перемен произошло в России: скончались Петр Великий, Екатерина I, похоронили в Московском Архангельском соборе Петра II, и герцогиня Курляндская, помимо других наследников, провозглашена была императрицей Всероссийской.

15 февраля 1730 г. совершился торжественный въезд императрицы Анны Ивановны в Москву.

Прощаясь с героями и героинями нашего рассказа, забудем ли Василия Федоровича Деревнина, благодаря жению которого мы познакомились с некоторыми особенностями характера благоверной старушки? К сожалению, сведения наши об окончательной судьбе копченого стряпчего крайне неудовлетворительны; 24 сентября 1724 г., т.е. два года спустя после объяснения Прасковьи со стряпчим-казначеем, государь, удосужившись прочесть экстракт его дела, приказал генеральному суду либо принять Деревнина под свой караул, либо отослать его в Юстиц-Коллегию. Надо думать, что в октябре того же года состоялось о нем какое-либо распоряжение, так как дело сдано было (24 октября) на хранение в Тайную канцелярию, в картонях которой оно находится и в настоящее время.

Получил ли Деревнин свободу, или отправлен для отвращения дальнейших проволочек (что случалось зачастую) в Сибирь "на государеву службу" — неизвестно².

---

¹ Письма русских государей, изд. 1862 г. М., ч. IV, с. 106.

² Последняя бумага, относящаяся к сему делу, есть представление Тайной канцелярии, 9 ноября 1724 г., в кабинет его величества копии с жалобы Терского (1722 г.) на московскую полицию и Степана Тихменева, "чтоб была та просьба (а решение по ней не положено) известна в кабинете, а к Тайной канцелярии впредь к неисправлению чего не причтось бы, понеже о деньгах (начеты на Деревнина царицею) по оной канцелярии не приличествуют". Дела Розыскн. дел Тайной канцелярии, карт. XV, л. 45—46.

В заключение нашего историко-биографического очерка выскажем уверенность, что личность блаженной памяти благовернейшей государыни царицы Параскевы Федоровны обрисовалась пред нашими читателями. До сих пор мы встречали эту женщину в наших печатных источниках, в списках лиц, участвовавших в той, либо другой процессии, либо читали два-три слова о внимании и расположении к ней Петра Великого. Затем она все-таки оставалась каким-то бесплотным, бесцветным существом, с именем которого мы не соединяли ни малейшего понятия: Прасковья представлялась нам такой же безличной тенью, какой до сих пор остаются в истории Петра большая часть его сподвижников и сподвижниц.

Мы убеждены, что для полной истории того времени, для ясного, отчетливого знакомства с обществом, с духом той эпохи, с обстановкой Петра, необходимо более или менее близкое знакомство не только с государственными деятелями, сподручниками, птенцами Петра, но и с теми, мужскими и женскими, знатными и незнатными персонами, которым выдалась заметная роль в общественной жизни, которые, наконец, могут служить типическими представителями и представительницами своего времени и тогдашнего общества.

Царица Прасковья — именно одна из таких личностей. В ней мы видим женщину допетровскую, с суевериями, предрасудками и ханжеством, и женщину петербургской преобразовательной эпохи, с умением применяться к обстоятельствам, к характерам влиятельных лиц, с известными уступками современному духу в обучении детей, в препровождении времени, в забавах, развлечениях; наконец, — и это всего важнее, — личность царицы Прасковьи интересна для нас уже потому, что она мать императрицы Анны Ивановны. История Анны — в связи с подробностями всей ее жизни (если мы дождемся такого труда) — ни в каком случае не обойдет царицу Параскеву Феодоровну.

Прислушайтесь к отзывам современников об Анне Ивановне. Анна, по свидетельству одного из них, "не имела блистательного разума, но имела сей здравый рассудок, который тщетной блистательности в разуме предпочтителен. С природы нраву грубаго... грубый природный обычай не смягчен был ни воспитанием, ни обычаями того века, ибо она родилась во время грубости России, а воспитана была и жила тогда, как многие строгости были оказуемы; и сие учинило, что она не щадила крови своих подданных и смертную мучительную казнь без содрогания подписывала... Не имела жадности к славе, и потому новых

узаконений и учреждений мало вымышляла, но старалась старое учрежденное в порядке содержать... Не можно оправдать ее в любострастии, ибо подлинно, что бывший у нея гоф-мейстером Петр Михайлович Бестужев имел участие в ея милостях, а потом Бирон и явно любимцем ея был, но наконец при старости своих лет является, что она его более, яко нужного друга себе имела, нежели как любовника”¹.

Подобные отзывы об Анне Ивановне, рассказы о ее суеверии и проч., живо представляют нам сродство ее характера, привычек, даже взглядов на вещи с характером, достоинствами и недостатками ее матушки. Влияние царицы Прасковьи Федоровны не могло не отразиться на развитии ее дочери, императрицы Анны Ивановны.

Нам остается сказать несколько слов о портрете Прасковьи. Он помещен в издании г. Фридебурга: “Царственный дом Романовых”, и, как видно из подписи, “компонован с портрета Московскаго Новоспасскаго монастыря”. Мы не видели оригинала; по словам г. Фридебурга — оригинал рисован масляными красками и надпись его гласит так: “Царица Праскева Федоровна”. Несмотря на надпись, мы, однако, сильно сомневаемся, чтоб это был портрет царицы. В сомнение повергает нас костюм Прасковьи: царица изображена, как в копии, так и на оригинале (по свидетельству г-на Фридебурга), с открытой грудью, декольте, в высоком корсаже, с выдавшимся лифом, с короткими рукавами, стянутыми брошками, в богатой меховой мантии, небрежно накинутой на левое плечо. Вообще костюм чисто иноземный, а известно, что царица не любила и не носила его даже до старости, а тем более не могла носить в молодые годы: она представлена красавицей лет 25-ти. Наружность Прасковьи Федоровны, если верить этому, быть может, мнимому, портрету, была весьма привлекательна; она изображена здесь стройной, статной, с высокой грудью, полным лицом и прекрасно очерченными бровями; волосы, зачесанные маленькими завитками на лбу, без пробору, густыми, роскошными косами ниспадают на плечи. В описаниях Новоспасского монастыря, изд. 1802, 1821 и 1843 гг., ничего не говорится о хранящихся в монастыре портретах.

Эта догадка наша о портрете царицы Прасковьи, напечатанная в 1861 г., в первом издании книги “Царица Прасковья” — вполне оправдалась.

---

¹ Кн. М.М.Щербатов: “О повреждении нравов”, “Русская Старина”, изд. 1870 г., т. II (изд. третье), с. 40.

Портрет, изданный Г.К.Фридебургом, исполнен с фантастического изображения царицы. Подлинный портрет царицы Прасковьи найден нами лично в мае 1881 г. в Троицко-Сергиевой лавре, близ Москвы, в зале келий митрополита, в углу. Вполне точная копия с него, но в уменьшенном размере, снята для нас заботливостью архимандрита лавры, высокопочтимого деятеля в области исторических исследований — архимандрита Леонида.

Художник Н.К.Брезе вполне искусно и старательно отпечатал этот портрет хромофотографически, и он приложен к настоящей книге.

12 мая 1861 г. и 12 мая 1883 г.

МИХАИЛ СЕМЕВСКИЙ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Переписка царицы Прасковьи Федоровны 1716–1723

I

*Царица Прасковья – государыне Екатерине Алексеевне
1716 г. февраля 3-го. Из С.-Петербурга*

Государыня моя матушка и невестушка, царица Екатерина Алексеевна!

Здравствуй, свет мой, на множество лет. Доношу милости твоей: Государь царевич Петр Петрович и государыня царевна Анна Петровна, и государыня царевна Елисавета Петровна, слава Богу, в добром здорovyи.

Пожалуй, государыня моя невестушка, прикажи нас уведомить писанием о вашем здравии, чего мы от сердца слышать желаем. Прошу вашей милости: содержи, свет мой, в своей милостя мою дочку, какую я видела к ней твою милость, также слышу и заочную твою милость к ней.

А о себе доношу вашей милости: я с детьми своими до воли Божией живы.

”Присем остаюсь – сноха ваша Прасковья кланяюсь”¹.

Примечание. *На обороте адрес: “Государыне моей невестушке царице Екатерине Алексеевне”.*

---

¹ Строки, отмеченные в письмах царицы Прасковьи, а равно и в письмах ее дочерей вносными знаками – написаны царицей и царевнами собственноручно.

Многие из этих писем впервые явились в печати в первом издании нашей книги “Царица Прасковья” в 1861 г., затем тогда же, т.е. в 1861 г., эти документы, хотя и не все, но зато дополненные вновь отысканными письмами тех же лиц, явились в издании Московского архива Министерства иностранных дел: “Письма Русских государей и прочих особ царскаго семейства”, изд. 1861 г., т. II.

Так как в помянутом издании документы напечатаны уже буквально, то мы здесь не считаем необходимым воспроизводить всю безграмотность переписки того времени, а довольствуемся дословной передачей писем. При этом – из грамоток герцогини Курляндской Анны Ивановны, герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны и царевны Прасковьи Ивановны помещаем здесь лишь несколько наиболее характерных писем.

М.С

II

1716 г. февраля 9-го. Из С.-Петербурга

Государыня моя матушка и невестушка, царица Екатерина Алексеевна!

Здравствуй, свет мой, на множество лет. Прошу, государыня, прикажи нас уведомить писанием о здравии государевом и о своем, чего мы от сердца слышать желаем. Доношу вашей милости: государь царевич Петр Петрович, государыня царевна Анна Петровна, государыня царевна Лизавета Петровна, слава Богу, в добром здорoвьи.

Пожалуй, матушка моя невестушка, не оставь в своей милости Катюшки.

А о себе доношу вашей милости: я с детьми своими до воли Божией живы.

”Присем остаюсь — сноха ваша Прасковья кланяюсь”.

Примечание. На обороте письма адрес: ”Государыне моей невестушке царице Екатерине Алексеевне”.

III

Царица Прасковья — Петру I
(Без означения года). Февраля 14-го. Из С.-Петербурга

”Батюшка мой, государь царь Петр Алексеевич! Здравия тебе, батюшка мой, и счастья добраго желаю от сердца своего на множество лет, и с государынею моею матушкою невестушкою, царицею Екатериною Алексеевною, и с детками вашими дорогими. Благодарствую, батюшка мой государь, за превысокую твою к Катюшке милость, и я всем сердцем слыша радуюсь и другия мои дети того же желают; не оставь, мой батюшка, и тех. Пожалуй, мой батюшка, прикажи нас уведомить о вашем здорoвьи, чего всегда желаем.

Присем остаюсь — П. кланяюсь”.

IV

Царица Прасковья — Екатерине Алексеевне
(Без означения года). Февраля 14-го. Из С.-Петербурга

Матушка моя государыня невестушка, царица Екатерина Алексеевна! Здравия вашего желаю и добраго счастья, и с государем нашим батюшкою, царем Петром Алексеевичем, и с дорогими вашими детками, на множество лет. И доношу: дорогия ваши детки, за помощиею Божиею, в добром здорoвьи. Благодарствую, матушка моя, за превысокую твою к Катюшке милость, и я всем сердцем слыша радуюсь; и впредь, матушка моя, имею на тебя и на твое милосердие надежду.

”При сем остаюсь Прасковья кланяюсь”.

V

1716 г. февраля 18. Из С.-Петербурга

Государыня моя невестушка и матушка царица Екатерина Алексеевна!

Здравствуй, свет мой, на множество лет, купно с государем нашим общим батюшкою, царем Петром Алексеевичем. Благодарствую, государыня моя, за писание ваше, и впредь о том же прошу, дабы не оставлены были писанием об общем вашем здравии, чего мы от сердца слышать желаем.

Доношу вашей милости: дорогия ваши детки, слава Богу, в добром здоровьи. Прошу, да не оставлена будет Катюшка в вашей милости.

”За сим остаюсь — сноха ваша Прасковья кланяюсь”.

Примечание. На обороте письма адрес: ”Государыне моей невестушке царице Екатерине Алексеевне”.

VI

(Без означения года, месяца и числа). Из С.-Петербурга

Государыня моя невестушка и матушка царица Екатерина Алексеевна!

Здравствуй, свет мой, на множество лет, купно с государем нашим общим батюшкою, с царем Петром Алексеевичем.

Доношу вашей милости: дорогия детки ваши, слава Богу, в добром здоровьи. Благодарствую, государыня моя, за писание ваше, чего и впредь желаю слышать чрез писание о вашем общем здравии; а что изволишь писать, чтоб взаимно не покинуть дорогих деток ваших, и мы рады служить — лишь бы что вам угодно.

”О Катюшке прошу, пожалуй, свет мой, содержать ее в такой милости, как отовсюду слышу превеликую к ней милость; о том, свет мой, еще прошу, что с молодости, какая несправа — пожалуй, свет мой, поучи и покручинься и побей по такой твоей милости. Присем остаюся Прасковья”.

Примечание. На обороте письма адрес: ”Государыне моей невестушке царице Екатерине Алексеевне”.

VII

1716 г. марта 10. Из С.-Петербурга

Государыня моя невестушка и матушка царица Екатерина Алексеевна!

Здравствуй, свет мой, на множество лет, купно с государем нашим общим батюшкою, царем Петром Алексеевичем.

Доношу вашей милости: дорогия детки ваши, слава Богу, в добром здоровьи. Благодарствую, государыня моя, за писание

ваше, и впредь о том же прошу, дабы не оставлены были мы писанием о состоянии общего вашего здоровья, чего от сердца слышать желаем. Пожалуй, матушка моя, не оставь в своей милости дочери моей Катюшки.

Доношу вашей милости: я с детьми своими до воли Божией живы.

”Присем остаюсь — снова ваша Прасковья кланяюсь”.

Примечание. На обороте письма адрес: "Государыне моей невестушке царице Екатерине Алексеевне".

VIII

1716 г. марта 16. Из С.-Петербурга

Государыня моя невестушка и матушка царица Екатерина Алексеевна!

Здравствуй, свет мой, на множество лет, купно с государем нашим батюшкою, царем Петром Алексеевичем.

Доношу вашей милости: дорогия детки ваши, слава Богу, в добром здоровьи. Благодарствую, государыня моя, за писание ваше, и впредь прошу, дабы не оставлены были писанием о состоянии общего вашего здоровья, чего от сердца слышать желаем. Благодарствую, матушка моя, за милость вашу к дочери моей Катюшке, о которой пишешь о вашей милости неременной к ней; а о себе доношу вашей милости: я с детьми своими до воли Божией живы.

”Присем остаюсь — сноха ваша Прасковья кланяюсь”.

IX

*Государыня Екатерина Алексеевна — царице Прасковье
1716 г. октября 10. Из Копенгагена*

Государыня моя невестушка, царица Параскевия Феодоровна! Здравствуй на множество лет, купно и с любезными своими государынями царевнами.

Доношу вам, моей государыне, что его царское величество обретается, слава Богу, в добром здравии, и надемся, что отсель путь свой восприимем вскоре, понеже десант в Шону, за поздним временем, отложен. Прошу вас, моей государыни, дабы в писаниях своих меня не оставили, чего я зело желаю.

Присем объявляю вам, что Крестовский остров, который прежде был блаженныя памяти государыни царевны Наталии Алексеевны, царское величество изволит отдать вам, и оным островом извольте владеть. За сим здравие ваше предав в защитение Божие, остаюсь Екатерина.

Примечание. На обороте письма помета: "Против сего послана копия".

X

*Царица Прасковья — кн. Меншикову
1716 г. ноября 10. Из местечка Никольскаго*

”Батюшка мой, светлейший князь Александр Данилович! Здравия вашего желаю на множество лет, и с светлейшею княгинею Дарьею Михайловною, и с прелюбезнейшими вашими детками, и с новорожденною вашею дочерью, с своячиною вашею Варварою Михайловною”.

Пожалуй, свет мой, прикажи нас по своей милости уведомить о вашем общем вашем здоровьи. Ей, ей, ей, желаю от всего моего добраго сердца слышать про твое здоровье. Доношу вашей светлости, князь Александр Данилович, царское величество и государыня невестушка пожаловали мне остров Крестовский блаженныя памяти государыни царевны Наталии Алексеевны, и тот остров отдать нам, прикажи по указу царскаго величества. Присем остаюсь ц. Прасковья.

Примечание. На обороте письма помета: "Отдано к сноске декабря в 3 де (нь) "

XI

*Кн. А.Д.Меншиков — царице Прасковье
1717 г. генваря 4*

Всемиловнейшая государыня царица! Не мог не оставить по моей должности ваше в (еличество), купно с их высочества, дражайшими детьми вашими, наставшим новым годом поздравить. Желаю, да сподобит вас Всевышний и в предъидущия времена многих таких новых лет достигнуть при всякой совершенной целости здравия вашего. О себе же отсюда иного к доношению не имею, кроме того, что за помощью всемогущаго Бога во всем здесь благополучно. Их высочества: как государь царевич, мой дражайший хозяин, так и царевны государыни во всяком добром и здоровом обретаются состоянии.

Наконец же рекомендуюсь со всеми моими в вашу превысокую милость и остаюсь вашего величества нижайший.

В цыдуле:

Наперед сего изволила ко мне в письме своем писать всемиловнейшая государыня царица об отдаче мне, вместо Крестовскаго, Петровскаго острова, и понеже ея величество не изволила моего о том знать намерения, что я просил и царское величество пожаловать меня, вместо онаго Петровскаго, Крестовским островом, на котором я уже и материалы многие надлежащие к пильным мельницам великим иждивением перевез и заводы завел: и того ради просил их величества, на которое

мое прошение и ответ милостивый я получил, что изволили повелеть мне Крестовским владеть, а Петровский вашему величеству отдать. Того ради всенижайше прошу ваше в., дабы изволили явить ко мне вашу высокую милость, чтоб мое иждивение и прочие заводы напрасно не пропали; а я надеюсь, что вашему величеству угоднее будет помянутый Петровский, нежели оный Крестовский остров, понеже к Васильевскому острову гораздо способен.

Примечание. Вверху письма, напечатанного с чернового отуска, помета: "К царице Парасковье Федоровне", внизу другая: "Послано чрез почту генваря 4 дня 1717 года".

XII

1717 г. февраля 1

Каковое на пришедшей сюда сегодня немецкой почте получил я письмо от ея величества всемилостивейшей государыни царицы Екатерины Алексеевны, до вашего в (еличества) надлежащее, за отворчетою печатью, оное при сем прилагаю. И понеже содержание того не иное есть, токмо дабы ваше величество изволили взять Петровский остров, а Крестовский за мною оставить, и хотя я, будучи в надежде на превысокую вашу ко мне милость, в том никакого сумнения не имею, но более уповаю, что ваше величество тем Петровским островом довольствоваться изволите; однако ж приемлю смелость ваше в. всепокорно просить, дабы в том не изволили чинить более трудности, понеже уже у меня на том Крестовском острове немалое строение заведено, и в том я на ваше в. благонадежен. Впрочем о поведении здешнем всепокорно доношу, что за помощью всемогущаго Бога во всем здесь благополучно. Их величества: как государь царевич, так и царевны государыни во всяком добром и здравом обретаются состоянии¹. Наконец их высочествам, дражайшим детям вашим, моим же премилостивейшим государыням, отдаю мой всенижайший поклон, и рекомендуюсь в вашу превысокую милость, остаюсь вашего величества нижайший.

Примечание. Вверху письма, напечатанного с чернового отуска, находится помета: "К царице Праскевии Федоровне", внизу другая: "Чрез почту февраля 1-го дня".

---

¹ Затем зачеркнуто: "Я из Ревеля приехал сюда вчерашняго дня".

ХШ

*Царица Прасковья – государыне Екатерине Алексеевне
1718 г. марта 7. Из С.-Петербурга*

Государыня моя невестушка матушка, царица Екатерина Алексеевна!

Здравствуй, государыня моя, на множество лет, купно с государем нашим батюшкою, царем Петром Алексеевичем. Доношу вашему величеству: детки ваши дорогие – государь царевич Петр Петрович, государыня царевна Анна Петровна, государыня царевна Елизавета Петровна, слава Богу, в добром здравьи. Благодарствую, свет мой, за милостивое вашего величества писание, чего и впредь слышать желаю о здравии вашего величества.

”Присем должный мой поклон отдаю Прасковья”.

XIV

1719 г. января 20. Петровские заводы

Государыня моя невестушка, матушка царица Екатерина Алексеевна!

Здравствуй, государыня моя, на множество лет, купно с государем нашим батюшкою, царем Петром Алексеевичем, и с детушками вашими дорогими: государем царевичем Петром Петровичем, и государынею царевною Анною Петровною, и государынею царевною Лизаветою Петровною, и государынею царевною Наталиею Петровною. Доношу вашему величеству: приехали мы на Петровские заводы сего месяца 17-го дня, и живем тут, дожидаемся ваше величество сюды, и прошу, свет мой, прикажите нас уведомить о здравии своем, также скоро-ли изволите быть к нам?

”Присем должный мой поклон отдаю Прасковья”.

”Присем племянница ваша Анна кланяюсь”.

”Присем племянница ваша Прасковья кланяюсь”.

XV

1719 г. сентября 17. С Петровских заводов

Государыня моя милостивая, матушка невестушка, царица Екатерина Алексеевна!

Здравствуй, свет мой, купно с государем нашим общим батюшкою, царем Петром Алексеевичем, и с дорогими детками вашими, а моими государынями царевнами: с государынею царевною Анною Петровною, с государынею царевною Лизаветою Петровною, с государынею царевною Натальею Петровною, также и со внучатками.

Поздравляю вашему величеству (со) счастливым прибытием

его царского величества, и прошу, государыня, пожалуй, поцелуй за меня его величества ручку.

О себе вашему величеству доносим, что я с дочерью моею до воли Божией живы. И за сим здравие ваше в сохранение Божие предаю и остаюсь "Прасковья".

XVI

(Без означения года). Марта 3. Из марциальных вод

"Государыня моя матушка невестушка, пресветлейшая государыня царица Екатерина Алексеевна! Желаю вам, свет мой, добраго здоровья и с государем нашим батюшкою, царем Петром Алексеевичем, и детками вашими, от вышняго Бога на множество лет.

При сем благодарствую за милостивое о мне сожаление чрез писания вашего величества и о том порадовалась от сердца; также слышу вашу милость к Аннушке. При сем остаюсь Прасковья".

Примечание. На обороте адрес: "Государыне моей невестушке пресветлейшей царице Екатерине Алексеевне".

XVII

*Государыня Екатерина Алексеевна – царице Прасковье
1721 г. апреля 2*

В начале поздравляю вас государыню (со) счастливым употреблением марциальных вод, и желаю сердечно, дабы оныя вам, государыне, были от болезни действительны, что дай Боже! Объявляю, что его ц(арское), в(еличество), купно и я, при помощи Божией¹, прибыли сюды в добром здравии. Присем же поздравляю вам государыне² (с) нынешним торжеством вай, и желаю³ от сердца, да подаст Всеvyšний во всяком благополучии и радости достигнути светоноснаго торжества спасительнаго Христова Воскресения, купно⁴ с дражайшею вашею дочерью, а нашею любезною п. ц. П.И.⁵ (и) во всяком веселии оный торжественный праздник препроводить.

PS. Объявляю, что любезнейшая наша пл(емянница), ваша драгая дочь царевна и герцогиня Анна Ив(ановна), слава Богу, обретается здесь в добром здравии⁶.

¹ После этого в черновом отпуске, с которого напечатано это письмо, вычеркнуты следующие слова: "также и дорогая ваша дщерь ц. А.И. преbываем здесь".

² Вычеркнуто: "моему свету, мимошедшим".

³ Вычеркнуто: "от преискренния любви нашае вам".

⁴ Вычеркнуто: "и со всею вас, моего света фамилиею".

⁵ Т.е. племянницею царевною Прасковьею Ивановною.

⁶ Затем вычеркнуто: "по ея к нам подобающем люблении радуется".

Прошу вас, государыню: извольте меня уведомить о состоянии вашего здравия, и хорошо ли вам воды действовали?

Примечание. На обороте черногого отпуски, с которого напечатано это письмо, находится заметка: "В 15 де(нь) апреля к царице Перасковье Федоровне поздравление настоящего праздника Христова Воскресения, благодарствие за писание ея".

XVIII

*Царица Прасковья — государыне Екатерине Алексеевне
1721 г. апреля 23. Из С.-Петербурга*

Государыня моя милостивая, матушка, невестушка, царица Екатерина Алексеевна! Здравствуй, свет мой, купно с дорогим государем нашим батюшкою, царем Петром Алексеевичем.

Благодарствую, государыня, за писание вашего величества, о чем и впредь просим. Пожалуй, государыня, не оставь нас писанием об общем здравии вашего величества, чего от сердца слышать желаем.

Доношу вам, государыне: детки ваши, государыни мои царевны — государыня царевна Анна Петровна, государыня царевна Лизавета Петровна, государыня царевна Наталия Петровна, и со внучатки вашими, слава Богу, в добром здравии, и я с Паранюшкою до воли Божией жива.

Прошу у вас, государыня, милости: побей челом царскому величеству о дочери моей Катюшке, чтоб в печалех ее не оставил в своей милости; также и ты, свет мой, матушка моя невестушка, пожалуй, не оставь в таких ея несносных печалех. Ежели велит Бог видеть ваше величество, и я сама донесу о печалех ея. И приказывала она ко мне на словах, что и животу своему не рада, да просит милости слезно, чтобы ей быть с князем в Петербург и видеть ваше величество; приказывала так, чтобы для ея бедства умилосердился царское величество и повелел бы быть к себе. За сим здравие ваше предаю в сохранение Божие и остаюсь невестка ваша "Прасковья".

XIX

*Государыня Екатерина Алексеевна — царице Прасковье.
1722 г. февраля "* "

Государыня моя невестушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лет.

Объявляю вам, что его императорское величество, також и я, прибыли сюда с Петровских заводов в 15 де(нь) сего месяца благополучно, и его величество изволил начать употреблять воды в 18 де(нь) сего ж месяца. Доносил нам секретарь Алексей Макаров о посылке одной женщины к царевне Екатерине Ивановне в Курляндию или в Ригу; и ежели иного кого не сы-

щется¹, то извольте послать хотя Федосью Грекову, о чем и к князю Александру Даниловичу писано: что ежели (ве)лите, дабы и муж ея с нею уволили².

XX

1722 г. марта 18

Государыня моя невестушка, царица Парасковья Феодоровна! Здравствуй на множество лет, купно с любезнейшими своими детками: государынями царевнами Екатериною Ивановною, Парасковьею Ивановною и со внучкою.

Объявляем вам, что его императорское величество прибыл сюда в 3 день сего месяца, а я в 5 день прибыла сюда благополучно, и здесь обретаемся в добром здравии.

XXI

*Царица Прасковья – герцогине Екатерине Ивановне
(В начале 1722 г.)*

”Катюшка, свет мой, будь на(д) тобою милость Божия и пресвятая Богородицы милосердие! Пиши, свет мой, про свое и про княжье и про дочкино здоровье, а я и сестра, до воли Божией, живы. Да зови, Катюшка, князя к нам; дядюшка со мною изволил говорить, чтобы де приехал ко мне, — и ты, как можно, зови его к нам. Буде поедете, не покидайте дочки, не надсадите меня при моей старости”. И как вы поедете сюды, и дядюшка и тетушка будут вам рады и ваше дело все лучше управят, как сами увидите с ними. Ныне, Божиею милостию, дядюшкино дело все хорошо и Господь Бог к нему милостив, может он упросит у Бога и вас утешить; также и от меня позови его к нам. Да послал к тебе дядюшка десять косяков камок, да от меня тебе послано: мех лисий да пару соболей, да сестра тебе посылает мех лисий, а горностайный мех поднеси князю от Паранюшки, да семь брусков мыльца грецкаго, да три меха лисьих росхожих, на что сгодные, и тут же положены в бауле гостинцы от других. Да приказано тебе, царевна, больше Окуневу на словах: он о всем скажет. А что не своею рукою писала, право немогу головою и мало вижу; все сокрушили меня ваши печали! Всеконечно, Катюшка, дядюшка говорил, что, как приедут, всеконечно дело их управлю; я не пишу никогда ложно. Да с ним же Окуневым послан к тебе священник, да с ним дякон

¹ В черновом отпуске, с которого напечатано это письмо, вычеркнуто: ”ежели вам не противно”.

² Прежде было написано так: ”А я о том и к Александру Даниловичу писала, чтоб для той посылки и мужа ея, ежели он желает туды ехать, уволил”.

Филип и певчий Филка: кажется, люди нарочиты; а буде плох, я по зиме другого пришлю, и чаю — сама поеду к Москве зимою, и там выберу добрых. А которая у меня девушка грамоте умеет, посылает к вам тетрадку; а я ее держу у себя, чтоб внучку учить русской грамоте.

”При сем будь на(д) тобою мое и отцово благословение. Мать ваша ц. П.”.

XXII

*Царица Прасковья — внучке ее принцессе Анне
(В начале 1722 г.)*

Друг мой сердечный внучка, здравствуй с батюшкою и с матушкою! Пиши ко мне о своем здоровьи и про батюшкино, и про матушкино здоровье своею ручкою; да поцелуй за меня батюшку и матушку: батюшку в правый глазок, а матушку в левый. Да посылаю тебе, свет мой, гостинцы: кафтанец теплый, для того чтоб тебе тепленько ко мне ехать. Да послана к тебе баулочка, а в ней сто золотых — и ты изволь ими тешиться, да досканца. Утешай, свет мой, батюшку и матушку, чтоб они не надсажались в своих печалях, и позови их ко мне в гости, и сама с ними приезжай; и я чаю, что с тобою увижусь, что ты у меня в уме непрестанно. При сем отдай поклон отцу и матери от меня.” Да посылаю я тебе свои глаза ☺ ☺ старые; уже чуть видят свет; бабушка твоя старенькая хочет тебя, внучку маленькую, видеть. Царица Прасковья”.

XXIII

(В начале 1722 г.)

”Внучка, свет мой! желаю я тебе, друг мой сердечный, всякаго блага от всего моего сердца; да хочется, хочется, хочется тебя, друг мой внучка, мне, бабушке старенькой, видеть тебя, маленькую, и подружиться с тобою: старый с малым очень живут дружно. Да позови ко мне батюшку и матушку в гости и поцелуй их за меня, и чтобы они привезли и тебя, а мне с тобою о некаких нуждах самых тайных подумать и переговорить. При сем еще здравствуй!”

”Бабушка твоя кланяюся — ц. П.”.

XXIV

*Царица Прасковья — герцогине Екатерине Ивановне
1722 г. мая*

”Царевна Катерина Ивановна! Пишу я тебе, слыша про вас великую милость; изволил говорить дядюшка со мною: ежели де он ко мне приедет, я де все его дела управлю. И ты, Ка-

тюшка, не потеряйте своего дела, не раскручиньте его, государя; и от Бога за него примете гнев, ежели не приедете к нам, и меня на моей старости надсадите: наложу клятву! И как возможно делай, чтобы вам быть сюда. Мать ваша ц. П.”

XXV

1722 г. мая

”Царевна Екатерина Ивановна! Будь на(д) тобою милость Божия и пресвятой Богородицы милосердие и отцово и мое материнo благословение”. Пиши ко мне про свое здоровье и про мужнее и про дочкино почаше. Да пишу к тебе, свет мой Катюшка, и подкрепляю тебя Богом в твоих печалях и болезнях: положи все свое упование на Господа Бога и на пресвятую Богородицу; может Он всемилосердый Владыка и пресвятая Богородица несоделанное сделать zde (сь) и в будущем. А печалью себя не убей, не погуби души, также и храни свой закон, аки зеницу ока, чтоб тебе стати в будущем со Христом во единой вере, хотя неведомо что постражди; не наведи на себя клятвы церковной и нашей. А о вас государь соболезнует очень и всяко хочет помочь; только не выдавши (сь) с вами, нельзя сего дела делать; всеконечно надобно вам быть в Ригу. А Окунев послан к вам; держи, сколько надобно. Поклонись от меня мужу своему и внучке моей. А о себе пишу тебе: лежу больна, слово (совсем?) то в расслаблении; с самого Рождества ногами не владею, только что руками; и сестра также мало может безпрестанно. А больше на словах приказано с Окуневым.

Да послала я внучке игрушечки, отдай ей бочечку да тазик.

Да прости меня, царевна Катерина, ежели что Господь сотворит, помяни; я уже в великих своих скорбех и несносных печалех не чаю себе жития долгаго; еще б жила, только убила себя печальми великими. А что пишешь себе про свое брюхо, и я по письму вашему не чаю, что ты брюхата; живут этикие случаи, что не познается. И я при отце так была¹, год чаяла — брюхата, да так изошло. Отпиши еще поподлиннее про свою

---

¹ В первом издании книги: ”Царица Прасковья” совершенно верно напечатано — ”я при отце так была год чаяла”, но в издании ”Письма русских государей и других особ царского семейства”, М., 1861 г., том II, с. 22 — ошибочно напечатано: ”Я при отъезде так была год чаяла” и пр. Ошибку этого издания и мы повторили в тексте второго изд. книги ”Царица Прасковья”, см. выше, с. 111*.

Здесь, в приложениях, мы исправили эту ошибку, т.е. не ”при отъезде”, — а ”при отце”.

---

*В настоящем издании с. 93 (Примеч. ред.).

болезнь и могут ли доктора вылечить? А мы с Москвы еще не слышим походу; только чаю, что скоро ехать; и я с Москвы прямо к водам проеду. До отпиши, пожалуй, подлинно: поедите ль вы в Ригу или нет? И ежели тебе возможно от него, буде не брюхата, — по-прежнему у нас побывать, как вылечишься; буде мне возможно будет ехать, для моей старости и для моей болезни; и ежели не брюхата, и тебе всеконечно надобно быть на Олонце у марциальных вод для этакой болезни, что пишешь есть опухоль, и от таких болезней и повреждения женских немощей вода зело пользует и вылечивает. Сестра княгиня Настасья у вод вылечилась от таких болезней, и не пухнет, и бок не болит, и немощи уставились помесечно порядком. Если не послужат докторския лекарства, всеконечно надобно тебе к водам ехать на Олонец. Писавый мать ваша посылаю благословение.”

”О чем, свет мой Катюшка, писано, содержи мой приказ. Ц. Прасковья”.

”Внучка, с(вет) м(ой), утешай батюшку и матушку, не давай им кручиться. При сем писавый бабушка твоя старушка кланяюсь — ц. Прасковья”.

XXVI

1722 г. мая

”Царевна Катерина Ивановна, здравствуй и с мужем и с дочкою! а я еще жива и сестра. Пиши ко мне почаще, не крутите меня; также и большей не сделай печали; не пади в закон другой, не оставь в Божией клятве и нашей; а тебя подтверждаю Богом и пресвятою Богородицею: изволь держать Окунева долго, чтобы мне побольше про вас сказывал. А еду в Москву повидаться с вашим батюшкой у Архангела¹. А я и сестра еще живы в печалех своих, а большая мне печаль о тебе: а я очень больна, помолись за меня. При сем посылаю тебе отцово и мое благословение. Внучка, дружечек мой, поцалуй батюшку за меня и матушку. Еще, друг мой, здравствуй! Больше стану писать с маиором Салтыковым. Мать ваша ц. П.”.

XXVII

1722 г. мая 15. Из Москвы

Катюшка, свет мой, здравствуй! Пиши ко мне о твоём здоровьи, и о мужнем и о дочке, как вы в своих печалех живете? Пишешь ты, чтоб я к тебе писала, и тепер пишу: дядюшка и тетушка и сестрицы твои и Паранюшка все в добром здравии.

¹ Царь Иван Алексеевич погребен в Архангельском соборе.

А о себе пишу: всеконечно больна и лежу в разслаблении, и тебе, Катюшка, всеконечно, надобно ко мне приехать для благословения и для утешения мне; также чтоб мне видеть твою дочку — безмерно желаю: тем бы я утешилась, чтоб ее увидела. О приезде вашем доношу, что многое получите от дядюшки, чего желает твой супруг. Всеконечно упрашивай у мужа, чтоб был в Ригу; лучше быть в Риге, нежели во Гданске, для самой вашей пользы; и дядюшка мне сам изволил, приезжая, говорить, чтоб писать вам, чтоб вы были. По нужде хоть бы одну тебя отпустил поскорее с дочкою; а о болезни своей, что ты ко мне писала, я удивляюсь тому, что какое твое брюхо: надобно гораздо пользоваться, и зело сокрушаюсь. Ежели были вместе, могли б всякую пользу сделать; по письму вашему, всеконечно, будут вам воды действовать в вашей болезни; также и дядюшка изволил рассуждать про болезнь твою, как чол письмо то, которое ко мне пишешь, чтоб конечно вам ехать к водам, как в Риге будете, для того, что от Риги недалеко. Сестра моя, княгиня Настасья, больше 15 лет все чаяла брюхата и великую скорбь имела, пожелтела и распухла, и в болезни ея и доктора все отказали (сь); и ее государь изволил послать к водам, пока от тех вод выздоровела: как не бывало болезни, и все стало быть временно. Как можно, царевна Екатерина, так делай, чтобы вам здесь быть, для ради моего утешения и для своего дела; а больше дядюшку не раскручиньте — что не быть, потому что время есть такое, что можно вам быть. А ежели за чем отложите, то дядюшку раскручините и меня опечалите, и от Бога грех будет, и у дядюшки всю свою пользу потеряете; всеконечно быть надобно любезному супругу вашему, а по нужде хотя б тебя прислал с дочеркою. Пожалуй, дай мне видеть для самага Бога и пресвятой Богородицы дочку свою хоть на час; а мне недолго жить! Болезни у меня поднялись великия: мокротная, каменная, подагра, и моей натуре таких болезней долго не снести. А по прибытии своем в Ригу, ко мне отправь тотчас и сестриных служителей. Да отпиши против сего письма, как можно поскорее, хотя к сестре в Митаву, а она бы ко мне тотчас прислала; а письма твои, Катюшка, чту и всегда плачу, на их смотря. Очень нужно нам видеться; от меня проси зятя, своего любезнаго супруга, чтобы пожаловал меня, послушал: приехал для самой своей лучшей пользы: и убытку вам здесь никакого не будет: все будет государево. При сем буди над тобою милость Божия и пресвятой Богородицы милосердие, отца твоего и мое благословение.

”Мать ваша ц. П.”.

Василий Алексеевич и все домашние поклон отдают.

А Окунева, Катюшка, будет надобно — держи: буде есть

нужда какая приказать — и ты ко мне его пришли, а я тотчас к вам пошлю. А что пишешь, чтоб не присылать женского роду в Ригу, — и я вам пришлю не на твоём коште; хотя не годны будут вам ноне, назад приедут; и о том отпиши: присылать или нет?

(Внизу письма приписка):

Матушка моя государыня! Здравствуй, купно и с супругом своим, государем моим, и с дорогою дочерью, моею государынею.

Раб ваш Василий Салтыков...¹ подвергаю (сь).

XXVIII

*Государыня Екатерина — царице Прасковье.
1722 г. мая 30*

Г (осударыня) моя невестушка ц. П.Ф., здравствуй на множество лет!

Объявляю вам, государыня невестушка, что мы² прибыли сюда 26 числа благополучно и обретаемся, слава Богу, в добром здравии. Поздравляю вас с именинником — днем рождения дражайшего нашего государя батюшки, и желаю от сердца моего, дабы Вышний благословил вам достигнуть великой радости и благополучия и предгрядущий день тезоименитства его. Прошу вас, государыня моя невестушка, уведомлять меня о вашем дражайшем здравии, чего от сердца слышать желаю; прошу же не оставить наших детей, своих любезных племянниц³. При сем объявляю вам, государыня моя невестушка, что мы здесь за ваше здоровье пили, на воспоминание того, что здешнее место есть вашего рождения есть (sic). Впрочем пребываю вам благожелательная невестка Екатерина.

XXIX

1722 г. июня 6. От Казани

Государыня моя невестушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лет!

Объявляю вам, что все милостивейший государь, також и я в добром обретаемся здравии, и сего месяца во 2 де (нь) прибыли сюды благополучно, и побыв здесь несколько времени, возьмем путь свой паки к Астрахани водою. Впрочем пребываю невестка ваша императрица Екатерина.

¹ Следующие затем два слова не разобраны.

² Вместо этого слова в черновом отпуске, с которого напечатано это письмо, было написано и потом зачеркнуто: "Я с дорогим нашим государем батюшкой".

³ Зачеркнуто: "и внучат".

Примечание. Внизу письма помета: "Послано с Афанасьем Грузинцовым; таковые же письма посланы с ним же и того ж числа к цесаревнам: Анне Петровне, Елисавете Петровне, Наталье Петровне, к великому князю и княжне".

XXX

*Царица Прасковья – герцогине Екатерине Ивановне
1722 г.*

"Царевна Катерина Ивановна, здравствуй! Внучка, свет мой, здравствуй! Я вас, светов своих, дожидаю в радости, а больше веры нейму, что будете; кажется, не будете? Ежели можно, поспешите поскорее, для того, что дитяти долго в дороге быть трудно, и для моей болезни; а я вас послала встретить Татьяну с товарищи, и как встретят тебя, изволь ко мне прислать Топоркова поскорее. Ежели мне будет возможно, я сама выеду вас встретить, или сестру вышлю. У меня, свет мой, вам и хоромы вычищены для вашего покою. Чаю, вам ехать трудно в дороге, а больше того дитяти великий труд. А я думаю, никак вас не дождусь по своей болезни; однако же от лому есть полегче, только не хожу; хотя бы взглянуть на внучку.

При сем буди с вами милость Божия и пресвятой Богородицы и мое благословенье: а у меня в доме, свет мой, все радуются твоему приезду, а наипаче дочки вашей. Я вам, с(вет) м(ой) внучка, игрушечки готовлю. Мать ваша ц. П."

XXXI

1722 г.

"Катюшка, свет мой, здравствуй! Послала я к тебе Алексея Татищева для того, что пишешь: немогла твоя дочка, а моя внучка; и я думаю, что вы долго не будете. Пришлите ведомость, где вы теперь, чтобы ведать мне; и я или сестра выедем вас встретить. Пуще тошно: ждем, да не дождемся! Алексей к вам наскоро послан; и если тебя Алексей Татищев встретит на дороге, и ты, с.м., возьми от него сестрины письма, и буде будет с кем послать, и ты пошли к ней; а ему не велела я ехать в Митаву.

Писавый мать ваша ц. П.

А сестрино письмо своею печатью запечатай и отошли.

Внучка, с.м., здравствуй! приезжай, с.м., поскорее; не могу я вас дождаться, и Бог весть: дождусь-ли я или нет, по своей болезни!"

1722 г.

Катюшка, свет мой, здравствуй! Послала я к тебе Василья Алексеевича, вместо себя; и ты, Катюшка, поддержи его у себя день, да ко мне пришли поскорее, чтобы я тебя встретила сама, ежели помогу. Внучка, свет мой, поскорей ко мне приезжай, а я тебя не могу дожидаться. "При сем будь над вами милость Божия и пресвятая Богородицы милосердие и мое благословение. Мать ваша ц. П."

(Затем следует собственноручная приписка царевны Прасковьи Ивановны):

"Сестрица, свет мой ц. Е.И.! Здравствуй, мой свет, на лета многия. Пожалуй, свет мой сестрица, изволь приезжать поскорей к нам и с принцессою с дорогою нашею. Сестра т (воя) Прасковья. Друг мой, племянница, здравствуй! Т (етка) т (воя)".

Примечание. На обороте письма находятся следующие приписки: 1) царицы Прасковьи Федоровны: "Послала я, с.м. внучка, сережки маленькия; носи на здоровье". 2) Царевны Прасковьи Ивановны: "И я посылаю тебе, свет мой племянница, коробочку вологодскаго гостинца. Тетка т.П. — И еще посылаю кошенку серебряную".

XXXIII

Государыня Екатерина Алексеевна — царице Прасковье
1722 г.

Письмо вашего величества августа от 27 числа я получила, за которое благодарствую. Поздравляю ваше в (еличество) с сим днем тезоименитства вашего и желаю да сподобить Бог в. в. в предгрядущия многия лета оное употреблять благополучно¹.

Поздравляю ваше ве (личество) с прибытием вашей любезнейшей дочери, а моей дорогой племянницы, и с ея дочерью.

Примечание. На черновом отпуске, с которого напечатано это письмо, находятся следующие заметки о письмах, отправленных от Екатерины Алексеевны к царевнам:

1) К царевне Прасковье Ивановне.

Против цесаревен, а письмо от 27 августа.

Поздравляю вашему высочеству сим днем тезоименитства вашего, також и любезнейшей матушки вашей государыни царицы, и желаю.

2) К царевне Екатерине Ивановне.

Письмо вашего высочества от 23 числа августа я получила, по которому уведомилась о вашем благополучном прибытии в Москву, чем вам поздравляем; а о себе доношу.

Поздравляю вашему высочеству со днем тезоименитства вашей любезнейшей матушки и желаю.

¹ Фраза эта потом изменена таким образом: "лета многи такия ж торжества достигнуть".

3) К царевне Анне Ивановне.
Против царевны Екатерины Ивановны.
Письма вашего высочества июля от 17, от 28 августа от 4 чисел мы получили, за которыя благодарствуем.

XXXIV

Царица Прасковья — Макару Абросимовичу Половинкину
1722 г. ноября 15. Из Измайлова

Господин Половинкин! Благодарствуем за радение ваше, которое имеете о строении дома нашего. И против письма, что вы к нам писали о строении дому, что надлежит, — пожалуй, в том строении послужи нам и исправь, что надлежит, по рассмотрению своему; и для расходу на вышеписанное денег извольте взять у служителя нашего Багреева сто рублей. Ц. П.

Примечание. Внизу письма помета: "Получено ноября 25 дня 1722"; на обороте другая: "Государыни царицы Перасковьи Феодоровны о строении дому".

XXXV

1722 г. декабря 28. Из Измайлова

Господин Половинкин. Благодарна я за радение ваше, и прошу не оставить в строении дому нашего; а для того строения писано к Багрееву отдать вам денег сто рублей. И я на вас в том надеюсь, и ежели есть вам в чем нужда, пишете к нам; мы вам готовы помогать. Изволь к нам писать надежно Ц. Прасковья.

Примечание. Внизу письма помета: "Получено генваря 20 дня 1723 г."; на обороте другая: "Письмо государыни царицы Перасковьи Феодоровны". Адрес: "Макару Абросимовичу Половинкину".

XXXVI

1723 г. генваря 8. Из Измайлова

Господин Половинкин, здравия вам желаю! Пожалуй, послужи нам с радением в строении дому нашего против чертежа, каков послан к вам с служителем Андреем Семеновым, чтоб построить хоромцы небольшие безубыточно, в котором строении немалую я имею нужду. А как те хоромы по вышеписанному чертежу строить, и о том приказано с ним, Андреем, к вам на словах. И посмотри, пожалуй, за служителями нашими, чтоб при оном деле не было от них какой кражи; в том мы на вас имеем во всем надеяние, и за труд ваш благодарить вас будем. А деньги на вышеписанное строение изволь брать, что понадобится, у Багреева. Царица Прасковья.

Примечание. Внизу помета: "Получено генваря 20 дня 1723 г."; на обороте другая, "Письмо государыни царицы Перасковьи Феодоровны" и адрес: "Макару Обросимовичу Половинкину".

XXXVII

*Царица Прасковья – государыне Екатерине
1723 г. апреля 4. Из Новгорода*

Государыня моя милостивая, дорогая невестушка и матушка императрица Екатерина Алексеевна! здравствуй, свет мой, купно с государем, нашим общим дорогим батюшкой, императором Великим Петром Алексеевичем и с дорогими вашего величества детками, с моими государынями цесаревнами, на множество лет.

Пожалуй, государыня моя невестушка и матушка, прикажи уведомить нас об общем здравии вашего императорского величества, чего от сердца слышать желаем. При сем вашему величеству доношу: дочь моя царевна Прасковья гораздо больна; и я прошу у вашего величества – пожалуй, государыня моя невестушка и матушка, прикажи прислать к нам доктора или лекаря с лекарством; а признаваем в ней болезнь лихорадку с горячкою. Засим здравие ваше предаю Всемогущему в сохранение и остаюсь невестка ваша Прасковья.

Благодарствую, государыня моя милостивая невестушка, за милостивейшее вашего величества писание.

Примечание. На обороте адрес: "Всемиловнейшей государыне моей невестушке императрице Екатерине Алексеевне". На первой странице письма помета: "В 6 де (нь) апреля, писано против онаго в 7 де (нь)".

XXXVIII

1723 г. апреля 5. Из Новгорода

Государыня моя милостивая, дорогая невестушка и матушка императрица Екатерина Алексеевна! Здравствуй, свет мой, купно с государем, нашим общим дорогим батюшкой, императором Великим Петром Алексеевичем и с дорогими вашего величества детками, с моими государынями цесаревнами, на множество лет.

Поздравляем вам, государыне, (с) дражайшим днем рождения вашего величества и желаем от сердца нашего, дабы Всевышний благословил впредь вашему величеству достигнуть много таких дней во всякой радости и благополучии; а засим здравие ваше предаю Всемогущему в сохранение и остаюсь невестка ваша Прасковья.

Примечание. В конце письма помета: "Отдано в 17 день апреля 1723 г., принес Мячков"; на обороте адрес: "Всемиловитейшей государыне моей невестушке императрице Екатерине Алексеевне".

XXXIX

1723 г. апреля 11. Из Новгорода

Государыня моя милостивая, дорогая невестушка и матушка императрица Екатерина Алексеевна! Здравствуй, свет мой, купно с государем, нашим общим дорогим батюшкой, императором Великим Петром Алексеевичем и с дорогими вашего величества детками, с моими государынями цесаревнами, на множество лет.

Поздравляем вам, государыне, (с) торжественным днем наступающего праздника Христова Воскресения, купно с его императорским величеством, всемиловитейшим государем, нашим дорогим батюшкой, и желаем от сердца нашего вашему величеству оный препроводить во всякой радости, и в предъидущих летах да благословит Бог много таких торжественных дней достигнуть в добром здравии и во всяком благополучии. Засим здравие ваше предав в Божие сохранение, остаюсь невестка ваша Прасковья.

Благодарствую, государыня моя невестушка, что изволили прислать к нам доктора; а дочери моей от болезни есть свободнее, только внучка поносом неможет. А в С.-Петербург поедем назавтрее праздника, и как могу, так спешить буду.

Примечание. В конце первой страницы письма помета: "Отдано в 17 день апреля 1723 г., принес Гаврило Мячков"; на обороте адрес: "Всемиловитейшей государыне моей невестушке императрице Екатерине Алексеевне".

XI

(Без означения года, месяца и числа)

"Государыня моя невестушка и матушка, царица Екатерина Алексеевна! Здравия твоего желаю на множество лет. За милость твою, свет мой, за превысокую, что жалуешь пишешь о здравии общаго нашего батюшки царя Петра Алексеевича, также и своем здравии, чего мы всегда желаем слышать радостною душою, премного благодарствуем. О Аннушке, свет мой невестушка, доношу, что подлинно не брюхата, почала носить порядочно не время (sic), и нам о том великая печаль; истинно, я и она чуть живы, также и другия дети мои в печали той же сокрушились. При сем писавый Прасковья, Катерина, Анна, Прасковья стократный поклон отдаем".

*Царица Прасковья – Артемию Петровичу Волынскому
(Буквально, собственноручно)
(Год неизвестен)*

Господин губернатор Арьтемей Петровичъ. Желая вам всякава блага, также и прошу вас, пожалуй, ради моего прошения, отпостъ Гаврила Михайловича Ваейкава к Москве на время дле моей нужды и для ево. Не оставь моего прошения; я и сама вам отслужу. Также на мелница(х) Сызраньских и о рыбных лов-
лах, пожалуй, порадеи мне с новава году. И прошу против сево писма ответствия. А гаспади(н) Вае(й)кав нам ближнеи свой-
ственик.

(Царица Прасковья)

Примечание. За сообщение копии с сего последнего письма, подлинник которого хранится в Императорской Публичной Библиотеке, приносим глубочайшую благодарность директору библиотеки, высокоуважаемому Афанасию Федоровичу Бычкову.

М.С.

Переписка герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны

I

*Герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна –
государыне Екатерине Алексеевне
Росток, du 10-ten julii 1718*

”Милостивая моя государыня тетушка и матушка, царица Екатерина Алексеевна, здравствуй на множество лет!

Сим низайше прошу вашего величества, мою государыню, приказать меня чрез ваши милостивыя писания уведомить о состоянии дражайшаго здравия государя моего дядюшки, и вашего величества, такоже государя моего братца и сестриц, о чем сердечно желаю ведать.

О себе вашему величеству доношу: за помощью Божиею, с любезным моим сожителем обретаюсь в добром здравии.

Приказал мне мой супруг вашему величеству донести: слышал он из Брауншвейга от двора князя Вольфенбительскаго, что королевское величество прусской обещается недобр быть до моего супруга, ежели у нас будут дети, и они слышали от присланнаго прусскаго министра.

Впрочем предав вашего величества здравие в сохранение Божие, а себя рекомендовав в вашу особливую милость, сократя сие, пребываю со всяким почтением вашего величества покорная служница и племянница Екатерина”.

Примечание. На обороте адрес: ”Ея Величеству государыне моей тетушке и матушке Екатерине Алексеевне”.

II

*Петр I – герцогине Екатерине Ивановне
1720 г., августа 8. Из Петербурга*

”Любезная государыня племянница!” Объявляем вам, что пред несколькими временем услышали мы, что неприятельские корабли и галеры явились в Ламеланской гавани, по которым ведомостям писали, дабы генерал князь Голицын, взяв добрую часть галер, или сам шел, или послал для поиска над оными. И сего месяца в 6 день получили от него чрез майора Шипова зело радостную ведомость, что он неприятелей в вышереченном месте застал и дал с ними бой, и с помощью Божиею четыре фрегата от них взял, из которых два взяты абордажем на пол-

ном ходу; и сею нечаянною викториею вам поздравляем. А каким порядком то делалось и что чего взято, тому прилагается печатная ведомость. "Петр".

"В 8 день августа 1720 г., из Санкт-Петербурга".

"А что требовали вы о твоей нужде, то исполним вскоре. Також не извольте думать, чтоб мы вас позабыли; но летать не умеем, а идем хотя тихо, только слава Богу не остаемся; а когда в наших делах добро совершится, то и вам без труда добро последовать будет".

III

*Герцогиня Екатерина Ивановна – Петру I
Из Вены. 10 сентября 1720 года*

"Всемиловитвейший государь дядюшка и батюшка, царь Петр Алексеевич!

Поздравляю ваше величество от сердца дарованною от Бога победою над неприятелем, и желаю, чтоб всемогущий Бог вашего величества праведному намерению всегда счастливо помогал, отчего и мы себе по Бозе от вашего величества милостиваго и сильного вспоможения надеемся. Всемиловитвейший государь дядюшка, приписание собственной вашей дорогой ручки, которым нас в своей милости не оставит обещать изволите, зело нас порадовало; и во истинну только нашего и надеяния, что ваше величество. Еще всепокорно благодарствую за милостивое вспоможение деньгами, о чем мне объявил Павел Ягужинский; я бы желала, чтоб не утруждать ваше величество такими делами; но нужда повелевает. Просим паки покорно в милости своей нас не оставить. При сем остаюсь покорная служница и племянница Екатерина".

IV

*Герцогиня Екатерина Ивановна – государыне Екатерине
1720 г. сентября 10. Из Вены*

"Всемиловитвейшая государыня тетушка и матушка, царица Екатерина Алексеевна!

Поздравляю ваше величество от сердца дарованною от Бога победою над неприятелем, и желаю, чтобы всемогущий Бог и впредь ваше величество многим счастьем обрадовал. Еще всепокорно благодарствую за милостивое вспоможение деньгами, о чем мне объявил Павел Ягужинский. Также и матушка ко мне изволила писать, что ваше величество меня изволите содержать в непременной милости, за что я униженно благодарствую, и впредь прошу ваше величество меня не оставить в своей непременной милости. При сем остаюсь покорная служница и племянница. Екатерина".

V

*Петр I — герцогине Екатерине Ивановне
1720 г. декабря 14. Из Петербурга*

”Любезнейшая государыня племянница! Письмо ваше из Демница от 23 дня ноября я получил, в котором пишешь еще о прежних вам и ныне продолжающихся обидах, чтоб вам вспомочь, в чем воистинно и мы часть досады терпим, и сколько мочно — при дворе цесарском трудимся о вашей пользе. Ибо ныне инаго способу не видим и вам инако советовать не можем по нынешним канъюктурам, но только чтоб у цесарскаго двора того искать и оному склоннее поступать; понеже я многократно не точию писал, но и изустно говаривал супругу вашему, чтоб не все так делал, чего хочет, но смотря по времени и случаю. *Петр*”.

VI

1721 г. сентября 8. Из Петербурга

”Любезнейшая государыня племянница!”

Объявляем вам, что всемилостивый Бог двадцатиоднолетнюю войну благим и пожелаемым миром благословить изволил, который мир заключен августа в 30 день в Нейштате, и оным вам поздравляем. ”И ныне свободнее можем в вашем деле вам вспомогать, лишь бы супруг ваш помягче поступал. *Петр*”.

VII

1722 г. мая 8. Из Москвы

Любезнейшая племянница наша! Ваше писание чрез капитана Бибикова мы исправно получили, и обнадеживаем вас, что мы его светлости герцогу, супругу вашему, в деле его вспоможения чинить не оставим. Но понеже потребно о так важном сем деле нам с его светлостью самим разсуждение иметь и о мерах к поправлению того согласиться, того ради мы к нему ныне паки отправили помянутаго капитана Бибикова с грамотою нашею, требуя, дабы его светлость купно с вами в Ригу приехали, и уповаем, что его светлость оное ради своей собственной пользы учинить не отречется. А ежели паче чаяния его светлость для каких причин в Ригу не поедет, то в таком случае желаем мы, понеже невестка наша, а ваша мать, в болезни обретається и вас видеть желает, дабы вы для посещения оной приехали сюда, где мы с вами и о делах его светлости переговорить и потребное об оных определить можем. ”Паки подтверждаем, чтоб вы приехали, понеже мать того необходимо желает для своей великой болезни. *Петр*”.

VIII

1722 г., мая 11. Из Москвы

”Любезная племянница!

Письмо я ответное к тебе писал, а наипаче словами с сим доносителем приказал, и что он будет тебе говорить — верь ему во всем. Мать твоя зело тебя видеть в своей болезни желает и писала к тебе сама, и ежели не приедешь, хочет клясть. Сие письмо нарочно не запечатав дал сему доносителю, дабы ты верила. *Петр*”.

IX

*Государыня Екатерина Алексеевна — герцогине Екатерине
Ивановне
1722 г., мая 12*

Государыня царевна и герцогиня Екатерина Ивановна.

Объявляем вам, что я с дражайшим вашим дядюшкой и с детьми нашими, слава Богу, в добром здравии обретаемся. Благодарствуем вам за ваши писания, которые получили мы чрез капитана нашего Бибикова; что же в оных объявляете о случившемся вам несчастии, и для того прошу не вдавать себя в печаль, понеже в том воля Божия. Желая же от сердца моего, дабы Вышний от вашего нынешняго бремени во всякой радости разрешить изволил, и чтоб нам получить о сем слышать радостную ведомость; впрочем же на обстоятельное уведомление ссылаемся на сего нашего посланнаго. Наипаче же желаем, дабы по счастливом вашем разрешении от бремени быть вам в Ригу и с любезнейшим вашим сожителем и с дорогою дочкою, о чем прилежно вас просим, как о том и дорогой ваш дядюшка писал. Буде же, паче чаяния, супругу вашему ехать какой случай до того не допустит, то попроситесь хотя одне с дорогою вашею дочкою, дабы вам с любезною вашею матушкою быть для свидания в Москве.

Переписка герцогини Курляндской Анны Ивановны¹

I

*Герцогиня Анна Ивановна — государыне Екатерине Алексеевне
Из Митавы. 26 февраля 1720 года*

”Государыня моя тетушка и матушка, царица Екатерина Алексеевна! Здравствуй, государыня моя, на многия лета с государем моим дядюшкой и батюшкой и государынями моими сестрицами.

Сего числа приехал сюда из Петербурга посланный человек от камердинера моего Питера, который не малое время был в Петербурге, а письма ко мне от государыни моей матушки не привез никакого, да и от почты уже я давно писем не вижу; но только изволила с ним со многим гневом ко мне приказывать: для чего я в Петербург не прошусь, или для чего я матушку к себе не зову? Также и многия смутки, как я слышала, и всякими образами матушку на гнев приводят: Василий Салтыков, Василий Юшков и жена его Татьяна, и кривая Воейкова и Василий Еропкин, которых поступками, как я, так и сестрица моя — весьма сокрушены. А для чего я в Петербург не прошусь, о том, матушка моя, давно ваше величество известны: не токмо там, и здесь заочно от противников моих сокрушена. Хотя к матушке своей о том писать я стану и проситься к ним, однакож, матушка моя, дорогая тетушка, по прежнему моему прошению до времени меня здесь додержать соизволите. А другого я, свет мой тетушка, писать опасуюсь; а ежели возможно вашему величеству, матушка моя, Маврина прислать на час в Ригу, чрез котораго бы я могла словами к вашему величеству донести. А я, свет мой, дорогая тетушка, слышала, что Василию Салтыкову при после польском быть; и я чаю: и там мне тайно пакости

---

¹ Печатаем здесь дословно, но не буквально, т.е. без сохранения грамматических погрешностей, несколько писем Анны Ивановны преимущественно за время до кончины ее матери, царицы Прасковьи. См. сборник ”Письма русских государей и друг. особ царскаго семейства”. М., 1862 г., часть IV.

делать в моем деле станет. Прошу, матушка моя, на меня не прогневаться, что я ваше величество утруждаю моими письмами. Ей, ей, матушка моя, дорогая тетушка! кроме Бога и дядюшки и тебя, свет мой, не имею на свете радости в моих печалях.

При сем племянница ваша Анна кланяюсь”.

II

Из Митавы. 30 апреля 1720 года

”Государыня моя тетушка и матушка, царица Екатерина Алексеевна! Здравствуй, матушка моя, на многия лета, вкупе с государем моим дядюшкой-батюшкой и с государынями моими сестрицами. Вашего величества за милостивое писание, свет мой, государыня тетушка, всепокорно благодарствую, в котором изволили меня милостиво обнадежить — противностей наших к нам не допустить, и о болезни сестрицы моей меня уведомить приказала: понеже я о том ни о чем здесь не ведаю и ко мне уже великое время от государыни моей матушки писем нет. А как я слышу, что государыня матушка на меня больше гневается по наношению Василья Салтыкова и непрестанно на гнев приводит. Истинно, государыня матушка-тетушка! что я животу своему не рада и себя сокрушила; лучше б я на свете не была, или б услышала, что его, Василья Салтыкова, при матушке не было. Во всем отдаю себя в милостивую вашу, государыня матушка-тетушка, волю, чтоб больше от них не была опечалена, и всепокорно прошу, матушка моя, дорогая тетушка, нас сырых содержать не в отменной вашей милостивой материнской протекции; а у нас, свет мой, по Бозе только надежды, что на вашу высокую милость: тем и веселимся.

При сем племянница ваша Анна кланяюсь”.

III

Из Митавы. 21 июня 1720 года

Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексеевна! Здравствуй, матушка моя, на многия лета, вкупе с государем моим дядюшкой-батюшкой и с государынями моими сестрицами. Пред сим просила я у вашего величества, государыня тетушка-матушка, что посол польский ищет у министров вашего величества, чтоб меня отсюда отозвать и впредь сюда не ездить. Того ради паки прошу у вашего величества, государыня матушка-тетушка, показать ко мне вашего величества высокую милость и попросить милости милостиваго государя дядюшки и батюшки, чтоб до такой печали меня допустить не приказал. А я здесь больше ни от кого ничего не требовала и

не требую, как питаюсь по вашей милости от данных мне деревень; и драгун больше роты я здесь не требую, которых на своем провианте держать буду. Вашему величеству, государыня тетушка-матушка, известно, какие мне там есть злодеи, которые меня до смерти сокрушить могут. Прошу, матушка моя, слезно милости до того меня бедную не допустить. Также я велела другое вашему величеству словами доносить к моей пользе Бестужеву сыну; изволишь, матушка моя государыня тетушка, у него выслушать. Не погневайся, матушка моя, дорогая тетушка, на меня, что утруждаю ваше величество моею доукою; кроме Бога и вашего величества, надежды не имею в моих печалях.

При сем племянница ваша Анна кланяюсь.

IV

*Петр I – герцогине Анне Ивановне
1720 г. августа 5*

Любезнейшая племянница! Понеже посол польский уже отсель поехал, того для надобно вам ехать немедленно в Ригу и тут побыть до времени, пока мы к тебе отпишем. Того для писали мы к генерал-губернатору князю Репнину, дабы он заранее приготовил вам в Риге квартиру.

V

*Петр I – князю Репнину
1720 г. августа 5*

Писали мы к племяннице нашей царевне Анне, чтоб она приезжала в Ригу и была б тут до некотораго времени, пока мы к ней отпишем. Того для заранее приготовь ей в Риге квартиру и вели скорей собрать подводы, на чем ей от Митавы до Риги ехать.

VI

*Герцогиня Анна Ивановна – государ. Екатерине Алексеевне
Из Риги. 20 августа 1720 года*

”Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексеевна! Вашего величества, матушка моя тетушка, за милостивое писание, пущенное июля 29 дня, и за показанную вашего величества милость, что не изволили допустить меня до дальней печали и впредь милостиво обещать изволили до того не допускать, всепокорно, дорогая тетушка-матушка, благодарствую и прошу вашего величества, свет мой, милости и впредь меня не допустить моим злодеям в поругание, о которых ваше величество известно. И ежели б прошение от государыни моей ма-

тушки, или б по указу ея, государыни, и я просилась, чтоб мне отселя ехать, до того меня допустить не изволь, матушка моя государыня тетушка дорогая, дабы мои неприятели, о которых вашему величеству известно, моей печали не порадовались. Да и по здешнему состоянию и ныне все курляндцы вашего величества доброжелатели; при отъезде моем из Митавы в Ригу слезно меня просили, дабы я у вашего величества просила, чтоб мне далее не отлучаться и в удобное время опять в Курляндию на мои маетности въехать. А понеже противные великие слухи разглашают, яко б мое дело все и вовсе изпровергнуть в Польше хотят, повторно прошу, матушка моя государыня тетушка дорогая, попросить милости милостиваго государя батюшки-дядюшки, чтоб показал ко мне отеческую милость и до такого моего великаго несчастья допустить не изволил, дабы я вовсе в несчастье не пришла. Истинно, свет мой тетушка-матушка! не жалея себя о том сокрушаюсь, и о чем вашему величеству станет доносить Бестужев, что всего на письме вашему величеству донести невозможно. Не погневайся, матушка моя дорогая тетушка, что я вашему величеству и часто труждаю; понеже я другого прибежища и по Бозе помощи и надежды не имею, кроме вашего величества, и самая моя крайняя нужда до того меня принуждает.

При сем племянница ваша Анна кланяюсь.

VII

Из Митавы. 27 марта 1722 г.

”Всемиловейшая государыня тетушка-матушка! Здравствуй, матушка моя, на многия лета, купно с государем моим дядюшкой-батюшкой и с государынями моими сестрицами. Вашему императорскому величеству, государыня моя матушка-тетушка, поздравляю высоким днем рождения вашего величества и желаю от всего моего сердца, матушка моя дорогая тетушка: да умножит Бог лет во здравии и счастье, по желанию вашего величества, и с дорогим государем моим батюшкой-дядюшкой и с дорогими государынями моими сестрицами. При сем я послала, матушка моя тетушка, до вашего величества штоф, о котором прошу милостиво принять и носить на здоровье. Истинно, матушка моя, лучше здесь, чтоб было послать до вашего величества можно, не сыскала.

При сем Вашего императорскаго величества племянница Анна”.

VIII

*Государ. Екатерина Алексеевна – герцогине Анне Ивановне
12 мая 1722 г.*

Государыня царевна и герцогиня Анна Ивановна.

Объявляем вам, что я с дражайшим вашим дядюшкой и с детьми нашими, слава Богу, в добром здравии обретаемся. Благодарствуем вас за ваши писания. Любезнейшая ваша матушка хотя пред несколькими днями гораздо была больна, однакож ныне нечто есть получше. Впрочем на обстоятельное уведомление ссылаемся на сего нашего посланного.

IX

*Герцогиня Анна Ивановна – государ. Екатерине Алексеевне
Из Митавы. 18 октября 1723 года*

”Всемиловитейшая государыня матушка-тетушка! Получила я письмо от государыни матушки, в котором изволит ко мне писать, что очень она, государыня моя матушка, недомогает, и ежели я в чем перед нею, государынею-матушкой, погрешила – для вашего величества милости меня изволит прощать, за которую вашего величества милость, матушка государыня тетушка, всенижайше благодарствую. И о болезни государыни моей матушки весьма печалюсь и покорно прошу ваше величество: ежели ей, государыне матушке моей, облегчения нет, повелите мне приехать видеть матушку мою.

При сем вашего императорскаго величества племянница Анна”.

X

Из Митавы. 2 ноября 1723 года

Всемиловитейшая государыня матушка-тетушка! Вашего величества писание получила о кончине государыни матушки моей, и что я не видала ея, государыни матушки, кончины, которая печаль весьма меня болезненно опечалила, по только моего разсуждения в надежде на милость государя батюшки-дядюшки и вашего величества государыни матушки-тетушки. И всепокорно прошу вашего величества государыни матушки-тетушки не оставить меня в прежней вашего величества неотменной милости, в которой милости остаюся с надеждою до моей смерти.

Вашего императорскаго величества ”племянница Анна”.

Всемиловитейший государь батюшка-дядюшка! Известно вашему величеству, что я в Митаву с собою ничего не привезла, а в Митаве ничего ж не получила и стояла в пустом мещанском дворе; того ради что надлежит в хоромы, до двора, поварни, кареты и лошади и прочее, все покупано и сделано вновь.

А приход мой с данных мне в 1716 году деревень деньгами и припасами — всего 12 680 талеров; из того числа в расходе в год по самой крайней нужде к столу, поварне, конюшне, на жалование и на либирею служителям, и на содержание драгунской роты — всего 12 254 талера, а в остатке только 426 талеров.

И таким остатком как себя платьем, бельем, кружевами и по возможности алмазами и серебром, лашадьми, так и прочим в новом и пустом дворе¹, не только по моей чести, но и против прежних курляндских вдовствующих герцогинь — весьма содержать себя не могу. Также и партикулярныя шляхетския жены ювели и прочие уборы имеют неубогие, из чего мне в здешних краях не безподозрительно есть.

И хотя я по милости вашего величества пожалованными мне в прошлом 1721 году деньгами и управила некоторые самые нужные домовые и на себя уборы; однако еще имею на себе долгу за крест и складень бриллиантовый, за серебро и за убор² камор и за нынешнее черное платье 10 000 талеров, которых мне ни по которому образу заплатить невозможно. И впредь для всегдашних нужных потреб принуждена в долг больше входить, а не имея чем платить, и кредиту нигде не буду иметь.

А ныне есть в Курляндии выкупныя ампты, за которыя из казны вашего величества заплачено 87 370 талеров, которыя по контрактам отданы от 1722 года июля месяца в аренду за 14 612 талеров в год и имеют окупиться в шесть лет.

Я всепокорнейше прошу ваше величество сотворить со мною милость: на оплату вышеписанных долгов и на исправление домовых нужд пожаловать вышеписанныя выкупныя ампты мне в диспозицию на десять лет, в которые годы я в казну вашего величества заплачу все выданныя за них деньги погодно; а мне будет на вышеписанныя мои нужды оставаться 5 875 талеров на год.

”Вашего императорскаго величества племянница Анна”.

¹ В другом экземпляре: ”дому”.

² В другом экземпляре: ”обои”.

XII

*Царевны Екатерина Ивановна, Анна Ивановна
и Прасковья Ивановна царю Петру Алексеевичу
(Без означения года, месяца и числа)*

Батюшка наш государь, дядюшка царь Петр Алексеевич! Здравствуй, радость наша и батюшка и душатушка наш, на множество лет; и желаем тебе, государь дядюшка, всякаго от Бога блага и трудам твоим совершения добраго. По сем, батюшка и дядюшка, и свет и радость наша, здравствуй. Племянницы твои Катерина, Анна, Прасковья, припадая к твоим дорогим ножкам, и целуем твои перстики намерением сердечным, и премного челом бьем.

Примечание: *На обороте адрес: "Государю дядюшке царю Петру Алексеевичу".*

Царевна Прасковья Ивановна

*Царевна Прасковья — государыне Екатерине Алексеевне
(Без означения года)¹. Декабря 3*

Свет мой, сестрица Катерина Алексеевна! Здравствуй, матушка моя сестрица, на множество лет, и с государем моим батюшкою, и общим нашим дядюшкою, с царем Петром Алексеевичем! Пожалуй, радость моя сестрица, поцелуй за меня батюшку дядюшку; а буде не изволишь, пожалуй хоть в руку поцелуй.

Пожалуй, свет мой, прикажи ко мне отписать: все ли в добром здоровии дядюшка приехал и вы в армию? У нас только и радости, что дядюшка, и мы желаем по всяк час слышать про его здоровье. Пожалуй не покручинься, что я к вам долго грамоток не писала; а я, радость моя, от вас ждала прежде.

Матушка наша в добром здоровьи, и сестрицы и я живы до воли Божией.

При сем писавая Парасковья кланяется стократно.

Пожалуй, прикажи про свое здоровье писать ко мне.

Примечание. На обороте адрес: "Государыне моей сестрице Екатерине Алексеевне".

---

¹ По всему вероятно, писано до 1711 г., когда Петр объявил Екатерину Алексеевну своей супругой и царицей; на это указывает тон письма и название Екатерины сестрицей, а не тетушкой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Историческое исследование "Царица Прасковья" принадлежит перу выдающегося русского историка прошлого века Михаила Ивановича Семевского (1837–1892). Предварив рассмотрение этого, безусловно, интересного повествования, расскажем вкратце о создателе его; это поможет отчасти уяснить образы и идеи публикуемого ныне сочинения.

Михаил Иванович Семевский родился 4 января 1837 г. в сельце Федорцове Великолукского уезда Псковской губернии. Собственно, колыбелью дворянского рода, к которому он принадлежал, считался город Торопец — в исторических материалах о нем фамилия эта встречается много раз. Мы не случайно упомянули эти места — Семевский почитал обитатели своих предков — впоследствии он составил их описания и в меру своих сил заботился о просвещении жителей северо-западного края Российской Империи. Именно там прошло его детство.

Нельзя полагать, что будущий историк получил традиционное для высшего круга того времени образование — с боннами и гувернерами. Первым учителем его и домашним наставником стал Иосиф Игнатьевич Малевич, давший впоследствии образование С.В.Ковалевской, первой русской женщины — профессору высшей математики. Занятия шли успешно, М.И. Семевский уже в то время проявлял способности деятельного организатора, в полной мере развернувшиеся позже, при учреждении им журнала "Русская старина". "Он не может ни минуты быть без занятий, — писал Малевич старшему брату, Миши Владимиру (также избравшему стезю истории), — или затевает общие игры, или работы, в которых каждый, по его требованию, должен принимать деятельное участие, или проводит время в чтении"¹ — чтении сочинений о русской старине, которое умело поощрял и направлял внимательный наставник.

Но домашнее обучение было недолгим. В 1847 г. Семевский поступает в Полоцкий кадетский корпус — в одно из военно-учебных заведений русской армии. Вряд ли пребывание в нем было приятным во всех отноше-

---

¹ Цит. по: Тимошук В.В. Михаил Иванович Семевский. Биограф. очерк. Спб., 1895. С. 3.

ниях. Громадное большинство "псевдовоспитателей корпуса", — вспоминал впоследствии Семевский, "было из глубокой армии, люди без малейшего образования, и из них выделялись лишь те, которых Господь наделил от природы добрым сердцем"¹. Но, с другой стороны, суровая кадетская школа закаляла молодых людей, воспитывала в них исполнительность, дисциплину, содружество и товарищество, сохранявшиеся в течение многих лет. В корпусе, впрочем, обнаруживались хорошие преподаватели русской истории, из которых Семевский с признательностью выделял А.В.Скворцова, питомца одной из духовных академий.

В 1852 г. намечился поворот в судьбе кадета — благодаря содействию Я.И.Ростовцева (впоследствии одного из деятелей Крестьянской реформы 1861 г.), инспектировавшего корпус, он был переведен в Дворянский полк, позже преобразованный в Константиновское военное училище. Яков Иванович Ростовцев, отвечавший за инженерную часть русской армии, вплоть до конца своих дней проявлял заботу о Семевском, поощрял его первые попытки проявить себя как историка и способствовал публикации его ранних сочинений.

В 1855 г. курс военного образования был завершен — М.И. Семевский был произведен в прапорщики. Первые радости, связанные с производством в офицерский чин, однако, скоро улетучились; жизнь в столице требовала немало затрат. Но денег у прапорщика не было, а беспокоить отца просьбами о пособии он не стал. Приходилось экономить на всем, тем более, что значительную часть своего скудного жалованья Семевский тратил на покупку книг по истории, которые, впрочем, по дешевой цене продавались на петербургской толкучке, в книжных развалах.

...И еще один поворот судьбы... В 1855 г. лейб-гвардии Павловский полк, где служил Михаил Иванович, выступил в Москву. Перед отъездом он обратился к Ростовцеву с просьбой снабдить его рекомендательными письмами к известному историку литературы А.Д.Галахову — ибо через него Семевский надеялся получить доступ в дома московского образованного общества. А.Д.Галахов "с распростертыми объятиями" принял офицера и, приглашая заходить почаще, пообещал, в свою очередь, отрекомендовать его литераторам. Правда, маститый ученый не одобрил намерения Семевского посетить драматурга А.Н.Островского. "Не втягивайтесь в его кружок, — советовал он офицеру, — право, он добра вам не принесет, члены его трактуют о народности, об исключительном посвящении себя всему русскому, и все это давно перешло через край"². Однако этот благоразумный совет произвел совершенно обратное действие, лишь укрепив намерения будущего ученого.

...И вот Семевский в гостях у Александра Николаевича Островского. Тот не сразу проникся доверием к прапорщику. "Мальчуган в гвардейском мундире (так восстанавливал потом Семевский ход мыслей драматурга), вывеска пустоты"³; и хотя тот из вежливости пригласил М.И. бывать почаще, но не подал ему руки при прощании. Однако это не обескуражило юношу, который решился еще раз побывать у драматурга. Сердце его оттаяло, и он дарит офицеру черновой автограф своей пьесы "Свои люди — сочтемся", который был впоследствии опубликован Михаилом Ивановичем в "Русской старине". Такая осмотрительность Островского свидетельствовала о независимости его характера, ибо он стоял

¹ Там же. С. 6.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 37.

в стороне от литературных партий того времени и творил не по указкам их вожаков, а так, как подсказывала ему совесть и его собственный гений. Александр Николаевич знакомит Семевского с выдающимся критиком Аполлоном Александровичем Григорьевым, который относился с уважением и сочувствием ко всякому дарованию, ко всему, что было самобытно. Не удивительно, что он предложил Семевскому попытать свои силы на литературном поприще. Семевский последовал совету — в 1857 г. появляется его небольшое исследование о предках А.С.Грибоедова — автора "Горе от ума", напечатанное в журнале "Москвитянин".

Год, проведенный Семевским в Москве, существенным образом повлиял на развитие его как историка и на всю его дальнейшую карьеру. Он понял, что военная служба не соответствует его природным склонностям, и покидает полк, становится преподавателем-"репетитором" одного из кадетских корпусов, а потом оставляет и корпус, выйдя в 1861 г. в отставку и поступив на службу в ведомство Государственной канцелярии. Именно в этот, так сказать, переходный период Семевский пишет и публикует в периодических изданиях Санкт-Петербурга подготовленные им исследования "Царевна Софья Алексеевна и князь В.В.Голицын", "Царевич Алексей Петрович", «"Слово и дело" — рассказ из истории Тайной канцелярии», "Семейство Монсов", "Царица Прасковья". Вспоминая о своих первых литературно-исторических трудах, Семевский говорил: "Оживление, с которым я трудился, роясь в архивах, засиживаясь в библиотеках... — это оживление было не во мне одном, оно было во всем русском обществе, жившем не физической, но духовною жизнью"¹.

Постепенно в сознании историка, отнюдь не стоявшего в стороне от веяний времени, выработывалась идея о необходимости издания журнала, в котором бы публиковались материалы по русской истории "нового времени", т. е. начиная с царствования Петра I. Название этого журнала — "Русская старина" — было заимствовано ученым у Н.М.Карамзина, которым в свое время была написана под этим заглавием статья, предназначенная для "Вестника Европы".

...Первая книга "Русской старины", — а Михаил Иванович стал ее редактором и, так сказать, вел журнал до самой своей кончины, — вышла в свет 9 января 1870 г. Семевский испытывал затруднения при подготовке издания — оно подвергалось вначале предварительной цензуре, которая основательно замедляла дело, предпринятое историком. Для того, чтобы освободиться от нее, говорил ученый, "надо было броситься к высокопоставленным чиновникам, которые были сопричастны к литературе отечественной истории — к графу М.А.Корфу и П.А.Муханову"². Дело об освобождении от цензуры благодаря поддержке этих деятелей решилось в течение нескольких минут. Нет никакого сомнения и в том, что великий князь Константин Николаевич, отец известного русского поэта, писавшего под псевдонимом К.Р., также помог историку — он хорошо знал его по службе в Государственной канцелярии.

Такое внимание верхов к изданию объяснялось тем, что русская история, начиная с царствования Петра I, была историей тайной, секретной; работать над нею дозволялось лишь тем ученым, в благонадежности которых правительство не сомневалось. Поэтому неценим в этом отношении подвиг историка, который с горячностью отстаивал при переговорах с чиновным миром свое издание, и в особенности — те его части, в которых

¹ Там же. С. 110.

² Там же. С. 118.

публиковались разного рода документы, воспоминания, дневники, записки. Михаилу Ивановичу постоянно возражал председатель цензурного комитета: "Вы произвольно надвинулись на времена, до крайности к нам близкие, говорите о лицах, нередко еще в настоящее время живых, хотя и черпаете их из времен прошедших". Семевский деликатно разъяснял ему: "Чем более проходит времени от деятельности какого-либо лица, тем более представляется затруднений для восстановления ее в истинном виде". В царствование Александра II, в сущности, этими пререканиями дело, как правило, и заканчивалось, тем более, что августейшая фамилия состояла в числе непрременных подписчиков "Русской старины". Но после убийства царя народниками в 1881 г., уже при новом царе – Александре III снова стала проявлять свою силу цензура, несмотря на вроде бы благожелательное отношение самодержца к историку, представленному к ордену Анны I степени.

Неоценим, несмотря на все препоны, не всегда успешно преодолеваемые, вклад историка и возглавляемого им издания в изучение отечественной истории. На страницах его из номера в номер публиковались записки А.Т.Болотова, А.М.Тургенева о Павле I, деятеля Отечественной войны адмирала П.В.Чичагова, записки и дневники декабристов М.А.Бестужева, В.К.Кюхельбекера, цензора и литератора А.В.Никитенко, архитектора А.Л.Витберга (строителя храма Христа Спасителя на Воробьевых горах), живописцев И.Е.Репина, И.К.Айвазовского, биографии полководцев Отечественной войны, деятелей реформ, осуществившихся в царствование Александра II, – разумеется, это далеко не полный перечень. Журнал объединял тех представителей русской интеллигенции, которые проводили эти реформы, несмотря на противодействие им как справа, так и слева. Они, вслед за К.Д.Ушинским, выдающимся педагогом, близким другом историка, полагали, что "политическая свобода не есть еще венец счастья человеческого". Она вполне может породить собой власть денег – "позвоните только кошельком, и вы имеете перед собой самых безответных рабов"¹. Только через познание прошлого, считали они, через усвоение его нравственного запаса возможно построение прочного здания обновленной России.

...Михаил Семевский начал свой путь ученого историка с исследования времени Петра Великого. Лекцией о Петре I, прочитанной им в Кронштадте 6 марта 1892 г., он, в сущности, завершил свой жизненный путь – через три дня он скончался от воспаления легких.

Публикуемая ныне монография М.И.Семевского впервые была издана в 1861 г. в журнале М.М. и Ф.М.Достоевских "Время". Второй раз – уже в виде отдельной книги – она вышла в 1883 г., когда Михаил Иванович уже вовсю развернул свою деятельность как редактор "Русской старины", и, по мысли автора, она, книга эта, стала как бы первым томом написанной им трилогии "Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.", куда, помимо книги "Царица Прасковья", вошли его исследования о политических процессах и следствии в царствование Петра I, биографические очерки о царице Екатерине Алексеевне и ее приближенных. Не случаен выбор Семевским темы исследования. В годы, когда он создавал его – в годы подготовки Великой реформы 1861 г., давшей свободу крестьянам и направившей страну на путь стремительных преобразований, – происходило переосмысление эпохи царствования Петра I и соответственно роли и значения этой личности. Казалось бы, в таком переосмыслении не было особой надобности – уже были написаны и вышли в свет многотомные штудии И.Голикова (конец XVIII в.) и офи-

¹ Приложения // Там же. С. 31.

циальная "История царствования Петра Великого" Николая Герасимовича Устрялова, которому покровительствовал Николай I.

Однако последний труд вызвал обширную рецензию, точнее, небольшое исследование критического плана, принадлежавшую перу выдающегося русского историка П.И.Пекарского и опубликованную в "Современнике" за 1858 г. В ней он усомнился в методе Устрялова, который, в сущности, ограничился "собираанием материалов и не попытался сколько-нибудь осмыслить собранные им исторические факты, не выйдя из колеи прежних панегиристов", восхваляющих Петра чуть ли не как полубога или святого. Поэтому Пекарский поставил своей целью и задачей последующей историографии низведение, так сказать, полубога на Землю. Ведь Петр I, полагал он, имел дело с "живым материалом" — русским народом, да и сам царь-преобразователь находился под влиянием нравов и понятий своего времени, был сыном своего века. Поэтому, полагал историк, всегда при составлении биографии той или иной личности необходимо иметь в виду ту среду, которая оказывала влияние на духовный рост личности, — в данном случае на формирование Петра как преобразователя, тем более, что и преобразования не всегда носили отпечаток гениальности. "Не все части управления были обняты вдруг, не все преобразования задуманы разом в стройной системе, с ясным распределением" того, что нужно совершить в первую очередь, а что во вторую.

Нет никакого сомнения в том, что Семевский, создавая свой труд, не остался в стороне от веяний современной ему историографии. Он, как и Пекарский, поставил своей целью раскрыть взаимоотношения среды народной и личности преобразователя. Но как понять народ? Как выразить его дух, выразить ярко, образно, не прибегая к статистическим штудиям, понятным лишь избранному десятку ученых, но недоступных обществу в целом?

Выход из такого положения заключался в том, чтобы из обширного перечня лиц русской истории начала XVIII в. отобрать таких деятелей, которые бы явились выразителями и, так сказать, типичными представителями народной среды, о которых было бы достаточно сведений в документах того времени. Поэтому не случайно выбор пал на царицу Прасковью. В ней, с одной стороны, было много хорошего, доброго — того, что присуще для простого русского человека. Достаточно обратить внимание на ее безыскусные письма к дочерям и внучке, помещенные в приложениях. "Печалью себя не убей, не погуби души, — обращается она к дочери Екатерине Ивановне, выданной замуж за одного из немецких князьков, — храни свой закон аки зеницу ока, чтобы тебе стати в будущем со Христом во единой вере, хотя неведомо что постражди; не наведи на себя клятвы церковной и нашей"¹. А какой затаенной грустью преисполнено письмо царицы к внучке... "Да хочется, хочется, хочется тебя, друг мой внучка, мне, бабушке старенькой, видеть тебя, маленькую, и подружиться с тобою, старь с малым очень живут дружно". И это душевность не образованного человека, но человека полуграмотного, ибо Прасковья (как, впрочем, и сам Петр) не научилась как следует писать.

Но, с другой стороны, в царице много дурного. Жестоко расправляется она с не угодившим ей слугой — лишь случай предотвратил его убийство... Покровительствует, как любящая сестра, своему братцу, В.Ф.Салтыкову, издевавшемуся над супругой, и убергает его от справедливой расправы... Но не есть ли эта жестокость, как бы вопрошает историк, лишь слабый отблеск того, что совершал сам Петр, с еще большей

¹ Семевский М.И. Царица Прасковья. Спб., 1883. С. 232.

жестокостью расправляющийся с неугодившими ему людьми и чередующий пытки с попойками в кругу своих "птенцов" (пила с ними и Прасковья)? Вспомним, что не случайно этой "стороне деятельности" царя Семевский посвятил специальное исследование в своей трилогии, куда, как мы знаем, вошла и публикуемая ныне монография. Новое трагично, оно ломает судьбу человеческую, порождает двойственность, присущую, как полагал историк, большинству людей той эпохи, которые не склонялись явно ни на сторону Петра, ни на сторону приверженцев старины, стараясь угодить обоим, — и к этому большинству примыкала Прасковья.

Исследование М.И.Семевского, написанное живо и образно, вслед за рецензией П.И.Пескарского, оказало большое влияние на развитие исторической науки, занимающейся изучением Петровской эпохи. Оно внесло большой вклад в критическое рассмотрение русской истории конца XVII — начала XVIII в., которое наблюдается, в частности, в трудах В.О.Ключевского, П.Н.Милюкова, М.М.Богословского — выдающихся представителей отечественной историографии, которые сумели трезво оценить обратную сторону исторического прогресса, сумели дать — не умаляя, но и не восхваляя — справедливую оценку деятельности Петра Великого и совершенных им преобразований.

А.Н.Казакевич

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. Брак	7
II. Жизнь в с. Измайлове. — Переселение в Петербург.	17
III. Царевна и герцогиня Анна Ивановна.	40
IV. Нежный братец.	53
V. Царевна Катерина	65
VI. Цифирное письмо	106
VII. Мщение старушки	120
VIII. В ожидании царского приезда	131
IX. Суд и расправа	152
X. Смерть.	164
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Переписка царицы Прасковьи Федоровны. 1716—1723	183
Переписка герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны.	204
Переписка герцогини Курляндской Анны Ивановны	208
Царевна Прасковья Ивановна	215
ПОСЛЕСЛОВИЕ	216

Михаил Иванович Семевский

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

Редактор А.Н.Казакевич
Художественный редактор Г.М.Грозная
Технический редактор Е.И.Полякова
Корректор Л.В.Петрова
Оператор Т.Г.Никонович

ИБ № 1834. Сдано в набор 08.09.88. Подписано в печать 02.01.89.
Формат 84x108 1/32. Бум. тип. № 1. 60 г. Гарнитура Пресс-Роман.
Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,39.
Уч.-изд.л. 14,46. Тираж 120 000 экз. Изд. № 4757. Заказ № 1636.
Цена 2р. 40 коп.

Набрано в издательстве на композере
Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50
Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Семевский М.И.

С 30 Царица Прасковья. / Худ. А.Л.Бренер. Посл. А.Н.Казакевича. — М.: Книга, 1989. — 223 с. — Историко-литературный архив.

ISBN 5-212-00204-4

Произведение, написанное в жанре исторической беллетристики, создано выдающимся русским историком прошлого века. Прасковья — жена царя Ивана Алексеевича, правящего в конце XVII столетия, — отнюдь не главное действующее лицо отечественной истории на ее переломном этапе. Царица не стремилась опережать эпоху. Она принимала действительность такой, какой она была — со всеми радостями, невзгодами, пороками — ибо Прасковья и сама являлась органичной частью этой действительности, во всех подробностях описанной историком.

Для широкого круга читателей.

С 0503020200-027 Без объявл.
022 (01)-89

ББК 63.3. (2)46

